

ИСТОРИЧЕСКІЙ
ВѢСТНИКЪ

ИСТОРИЯ —
СВИДЕТЕЛЬНИЦА
ВРЕМЕН

ТОМ ПЯТЬДЕСЯТ ПЕРВЫЙ
2025

Дорогие наши читатели! «Исторический вестник»
продолжает свою работу. Мы благодарны вам
за неослабевающий интерес к нашему журналу,
надеемся и впредь радовать вас новыми
открытиями и уникальными публикациями.

Журнал издается при попечении
Российского исторического общества.

ИСТОРИЧЕСКІЙ
ВѢСТНИКЪ

ИСТОРИЯ —
СВИДЕТЕЛЬНИЦА ВРЕМЕН

ТОМ ПЯТЬДЕСЯТ
ПЕРВЫЙ

Компьютерный набор редакции.

Дизайн и верстка Ю.В. Филимонова.

Подписано в печать 24.03.2025 г. Формат 84×108 1/16. Усл.-печ. л. 19. Заказ № 42609.

Адрес редакции: 119071, Москва, Ленинский просп., 15А

Тел.: +7 (495) 737-76-32, факс: +7 (495) 730-61-76. E-mail: info@runivers.ru

Журнал зарегистрирован в Федеральной службе по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор). Свидетельство о регистрации средства массовой информации ПИ № ФС77-51055 от 3 сентября 2012 г.

Языки: русский, английский. Входит в перечень рецензируемых научных изданий ВАК РФ. Публикует статьи по двум научным специальностям согласно номенклатуре ВАК РФ: 5.6.1. Отечественная история; 5.6.2. Всеобщая история.

Материалы журнала размещаются на платформе РИНЦ, Google Scholar, Cyberleninka, www.historicalreporter.ru

© АНО «Руниверс», 2025

Мнение редакции может не совпадать с мнением авторов.

Отпечатано в полном соответствии с качеством предоставленного оригинал-макета в типографии ООО «Сам Полиграфист», издательство «Onebook.ru».

Адрес: 129090, Москва, Волгоградский просп., д. 42, корп. 5.

E-mail: info@onebook.ru. Сайт: www.onebook.ru

Журнал издается при поддержке ООО «НИКОХИМ».

ИСТОРИЧЕСКИЙ ВЕСТНИК

Редакция

- А.Э. Титков**
главный редактор, кандидат исторических наук
- Д.Р. Жантiev**
зам. главного редактора, кандидат исторических наук
- И.Я. Керемецкий**
зам. главного редактора, художественный редактор
- К.А. Давыденко**
технический редактор
- Т. Лефко**
редактор английской версии
- Е.А. Радзиевская**
ученый секретарь
- Т.И. Маляренко**
корректор

Редакционный совет

- Е.И. Пивовар**
председатель редакционного совета, доктор исторических наук, научный руководитель РГГУ, профессор, академик РАН, заместитель председателя ВАК
- М.В. Баранов**
кандидат философских наук, президент АНО «Руниверс»
- С.П. Брюн**
генеральный директор ФГБУК «Новгородский государственный объединенный музей-заповедник»
- Р.Г. Гагкуев**
доктор исторических наук, председатель правления Российского исторического общества, исполнительный директор фонда «История Отечества»

THE HISTORICAL REPORTER

Editorial Administrative Committee

- Alexey E. Titkov**
Editor-in-Chief, Ph.D. in History
- Dmitriy R. Zhantiev**
C.Sc. (History), Deputy Editor-in-Chief
- Igor Ya. Keremetskiy**
Deputy Editor-in-Chief, Art Editor
- Kseniya A. Davydenko**
Technical Editor
- Todd Lefko**
Editor of the English Version
- Elizaveta A. Radzievskaya**
Academic Secretary
- Tatyana I. Malyarenko**
Proofreader

Editorial Board

- Efim I. Pivovar**
Chairman of the Editorial Board of the Historical Reporter, D. Sc. (History), Scientific Director of Russian State University for the Humanities, Professor, Academician of Russian Academy of Sciences, Vice-Chairman of the State Commission for Academic Degrees and Titles
- Mikhail V. Baranov**
C.Sc. (Philosophy), President of ANO «Runivers»
- Sergei P. Brun**
General Director of Novgorod State Museums

В.Э. Голдман

Ph.D., профессор кафедры истории исторического факультета Университета Карнеги-Меллона

А.А. Горский

доктор исторических наук, профессор, заместитель директора Института российской истории РАН

С.В. Девятов

доктор исторических наук, профессор, советник директора ФСО России, заведующий кафедрой истории России XX–XXI вв. исторического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова

Д.Р. Жантиев

кандидат исторических наук, доцент кафедры истории стран Ближнего и Среднего Востока Института стран Азии и Африки МГУ имени М.В. Ломоносова

С.М. Исхаков

доктор исторических наук, заместитель председателя Секции «История социальных реформ, движений и революций» Научного совета РАН по фундаментальным вопросам российской и зарубежной истории

Г. Кантор

доктор философии Оксфордского университета, Сент-Джонс колледж

С.А. Кириллина

доктор исторических наук, профессор, заведующая кафедрой истории стран Ближнего и Среднего Востока Института стран Азии и Африки МГУ имени М.В. Ломоносова

Т.Ю. Кобищанов

кандидат исторических наук, доцент кафедры истории стран Ближнего и Среднего Востока Института стран Азии и Африки МГУ имени М.В. Ломоносова

Е.М. Копоть

старший преподаватель Института истории и политики МПГУ, ФГБОУ ВО Московский педагогический государственный университет

Ruslan G. Gagkuev

D.Sc. (History), Chairman of the Russian Historical Society Board, Executive Director of the Russian History Foundation

Wendy Z. Goldman

Ph.D., Paul Mellon Distinguished Professor of History at Carnegie Mellon University, History Department

Anton A. Gorskiy

D.Sc. (History), Professor, Deputy Director of Russian Academy of Sciences, Institute of Russian History

Sergey V. Deviatov

D.Sc. (History), Adviser to the Director of Federal Protective Service of Russia, Head of Russian History in 20–21 cc. Department at Moscow State University, Historical Faculty

Dmitriy R. Zhantiev

C.Sc. (History), Associate Professor of Middle and Near East History, Institute of Asian and African Studies, Lomonosov Moscow State University

Salavat M. Iskhakov

D.Sc. (History), Vice-Chairman of the Section «History of Social Reforms, Movements and Revolutions» of the Scientific Council of the Russian Academy Sciences on the Fundamental Issues of Russian and Foreign History

Georgy Kantor

D.Phil. (Ancient History), St. John's College, University of Oxford

Svetlana A. Kirillina

D.Sc. (History), Professor, Head of the Department of Middle and Near East History, Institute of Asian and African Studies, Lomonosov Moscow State University

Taras Y. Kobishchanov

C.Sc. (History), Associate Professor at the Department of Middle and Near East History, Institute of Asian and African Studies, Lomonosov Moscow State University

Evgeny M. Kopot'

Senior Lecturer, Institute of History and Politics, Moscow Pedagogical State University (MPGU)

И.В. Курукин

доктор исторических наук, профессор кафедры истории России Средневековья и Нового времени факультета архивного дела Историко-архивного института РГГУ и Учебно-научного института русской истории РГГУ

Г.Н. Ланской

доктор исторических наук, профессор кафедры зарубежного регионоведения и внешней политики факультета международных отношений, политологии и зарубежного регионоведения РГГУ

Г.Д. Ленхофф

Ph.D., профессор кафедры истории исторического факультета Калифорнийского университета в Лос-Анджелесе

А.В. Марей

кандидат юридических наук, ведущий научный сотрудник Центра фундаментальной социологии НИУ ВШЭ

Ф. Мартинес Мартинес

профессор истории права, Мадридский университет Комплутенсе

С.В. Орлов

кандидат экономических наук, доцент, заведующий кафедрой истории общественных движений и политических партий МГУ имени М.В. Ломоносова

Д. Панатери

Ph.D., доцент истории права Университета Буэнос-Айреса

А.Л. Сафронова

доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой истории Южной Азии, Институт стран Азии и Африки МГУ имени М.В. Ломоносова

А.Э. Титков

кандидат исторических наук, главный редактор журнала «Исторический вестник»

Ар.А. Улунян

доктор исторических наук, главный научный сотрудник Института всеобщей истории РАН

В.В. Хутарев-Гарнишевский

кандидат исторических наук, доцент кафедры культурологии Московского государственного института культуры

П.В. Шлыков

кандидат исторических наук, доцент кафедры истории стран Ближнего и Среднего Востока, Института стран Азии и Африки, МГУ имени М.В. Ломоносова

Igor V. Kurukin

D.Sc. (History), Professor at the Russian State University for the Humanities Institute for History and Archives, Medieval and Modern History Department

Grigoriy N. Lanskoj

D.Sc. (History), professor of the department of Foreign Regional Studies at the faculty of International Relations, Politology and Foreign Regional Studies of Russian State University for the Humanities

Gail D. Lenhoff

Ph.D., Professor at University of California Los Angeles, History Department

Alexander V. Marey

Ph.D. in Theory and History of Law and the State (L.D.), Distinguished Researcher of Higher School of Economics, Center of Fundamental Sociology

Faustino Martínez Martínez

Associate Professor of Complutense University of Madrid, History of Law and Institutions Department

Stepan V. Orlov

C.Sc. (Economics), Associate Professor, Head of the Department of the History of Social Movements and Political Parties at Moscow State University, Historical Faculty

Daniel Panateri

D.Sc. (History), Lecturer at the University of Buenos Aires, History of Law

Alexandra L. Safronova

D.Sc. (History), Professor, Head of the Department of South Asian History at the Institute of Asian and African Studies Lomonosov Moscow State University

Alexey E. Titkov

C.Sc. (History), Editor-in-Chief of the Historical Reporter

Arutyun A. Ulunyan

D.Sc. (History), Chief Researcher at Russian Academy of Science, Word History Institute

Vladimir V. Hutarev-Garnishevsky

C.Sc. (History), Associate Professor at the Moscow State Institute of Culture

Pavel V. Shlykov

Ph.D. (History), Associate Professor, Institute of Asian and African Studies Lomonosov Moscow State University

От редакции

Пятьдесят первый номер «Исторического вестника» посвящен общеисторической тематике и традиционно состоит из двух основных рубрик — Отечественная история и Всеобщая история. Рубрика, посвященная российской истории, наиболее представительна и состоит из пяти материалов. Первый материал, как уже не редко случалось, посвящен Средневековой Руси. В статье В.В. Политова предпринята попытка раскрыть некоторые ключевые вопросы обороны Козельска весной 1238 г. К героической обороне Козельска в ходе Батыева нашествия историки обращаются традиционно, а на вопрос о том, почему сравнительно небольшой по средневековым меркам город смог продержаться дольше крупнейших центров Средневековой Руси, до сих пор нет единого мнения. Данная работа, безусловно, внесет значимый вклад в исследование этого интереснейшего вопроса. Статья М.М. Якушева освещает традиционную для нашего издания тему деятельности российских спецслужб, и рассказывает о создании и развитии русской разведывательной сети в Константинополе после учреждения первой постоянной дипломатической миссии России на Босфоре. Тогда России требовалось получить право навигации через Керченский пролив и Черное море, чему противилось Османское правительство. О том, как русская дипломатия и военная разведка способствовали реализации этого плана, и рассказывается в статье. В работе М.В. Королевой раскрыта на первый взгляд камерная, но от этого не менее интересная тема взимания крестоприводных пошлин — сборов, которые платились губными старостами, целовальниками, дьячками и тюремными сторожами при принесении присяги. Упоминания об этих пошлинах в научной литературе существуют, но до сих пор не изучался вопрос о том, за что и каким образом эти пошлины взимались и как тяжесть этого ежегодного платежа влияла на готовность людей принимать присягу и выполнять должностные обязанности. Сибирь и Дальний Восток в период Гражданской войны — тема, проходящая через несколько общеисторических номеров нашего издания. А.Л. Киселев подготовил материал, в котором предпринята попытка проанализировать мероприятия правительства адмирала А.В. Колчака, направленные на сокрытие в 1919 г. факта наличия в денежном обращении большого количества фальшивых денег. Данный аспект до сих пор не находил от-

ражения в отечественной историографии. Фалеристика — тема необычайно интересная и мы время от времени касаемся ее в своих публикациях. На этот раз мы публикуем материал С.В. Сытина, посвященный истории медали «За беспорочную службу в тюремной страже», в котором, в том числе, впервые проанализированы данные по награждениям медалью и ее тираже в период царствования императоров Александра III и Николая II. Истории Ближнего Востока посвящена рубрика «Всеобщая история». Журнал регулярно публикует материалы по этой теме, а также посвящает ей целые тематические номера. В этом номере можно ознакомиться с работой Д.Е. Мишина о сасанидском завоевании Йемена в VI в. Стоит отметить, что в исторической литературе эти события отражены мало. Статья С.П. Брюна касается церковной истории в Византийский период. В ней рассматривается феномен перехода сирийских миафиситов (сиро-яковитов) в Халкидонское православие в Сирии в X–XI вв. и предлагается введение особого термина — «новые мелькиты» для обозначения крещенных в годы «ромейской реконкисты» мусульман и принявших новую веру сиро-яковитов. В рубрике «Сообщения» публикуется интересный материал, подготовленный Ф.А. Гузиным. Он основан на воспоминаниях русского и немецкого офицеров, которых судьба свела в трагические для русской армии дни сражения при Таннонберге в 1914 г. Также в номере публикуется рецензия на монографию Г.Н. Ланского «Россиеведение и геополитика. Российская империя второй половины XIX — начала XX в. в концепциях североамериканской, западноевропейской и отечественной историографии 1960–1990-х годов». Продолжаем мы и публикацию источников по отечественной истории. Наш постоянный автор А.В. Ганин представил материал о судьбе выдающегося русского военного ученого А.Е. Снесарева в период репрессий 1930-х гг. В нем также отражены нелегкие и, как правило, трагические судьбы многих других военспецов.

«Исторический вестник» продолжает работу и благодарит наших авторов за предоставленные материалы.

А.Э. Титков

Главный редактор журнала «Исторический вестник»

Editorial

The fifty-first issue of the *Historical Reporter* is dedicated to General History. It features two main sections: Russian History and World History. The section on Russian history, with five papers, is the most substantial. The first paper turns to Medieval Russia. The article by Vitaly V. Politov delves into the key aspects of Kozelsk's defense in the spring of 1238. Historians have always been drawn to the heroic defense of the town of Kozelsk during Batu's invasion. However, there is still no consensus as to the question of how this relatively small medieval town managed to hold out longer than the major cities of medieval Russia. This work should undoubtedly make a significant contribution to the research into this fascinating topic. The paper by Mikhail M. Yakushev addresses our publication's traditional topic of Russian clandestine services. It describes the establishment and growth of the Russian intelligence network in Constantinople after the first permanent diplomatic mission of Russia was opened on the Bosphorus. At that time, Russia needed to secure the right to navigate through the Kerch Strait and the Black Sea, with resistance from the Ottoman government. The paper explains how Russia's diplomacy and military intelligence worked together to achieve this goal. The paper by Marina V. Koroleva covers a seemingly narrow but intriguing topic: oath-bringing fees. These were payments made by guba (county) elders, sworn officials, clerks, and prison guards when taking their oaths. Although these fees are mentioned in academic literature, no one had previously explored how and why they were collected, and no one had looked into how this annual payment affected people's willingness to take oaths and perform their official duties. The Civil War in Siberia and the Far East is a topic that has been explored in several general history-themed issues of our publication. Andrey L. Kiselev prepared a paper that attempts to analyze the 1919 activities of the government led by Admiral A.V. Kolchak aimed at concealing the fact of a large amount of counterfeit money being in circulation. This aspect had not previously been explored in Russian historiography. Phaleristics is a fascinating subject that we occasionally cover in our publication. This time, we present a new paper by Sergey V. Sytin about

the history of the medal «For Impeccable Service in the Prison Guard». The paper includes a detailed analysis of the awarding occasions and circulation of this medal during the reigns of Emperors Alexander III and Nicholas II.

This issue's General History section focuses on the history of the Middle East. Our journal regularly publishes papers on this topic and also dedicates entire themed issues to it. This issue features the work Dmitriy E. Mishin focusing on the Sassanid conquest of Yemen in the 6th century. These events have been given little attention in historical literature. Sergei P. Brun's paper explores the history of the church in the Byzantine period. The work focuses on the conversion of Syrian Miaphysites (Syriac Jacobites) to Chalcedonian Orthodoxy in Syria in the 10th–11th century. The author suggests a new term, «New Melkites» to describe the Muslims who were baptized during the Romanian Reconquista and the Syriac Jacobites who embraced the new faith. The Reports section features an interesting work by Fedor A. Gushchin. It is based on the memoirs of Russian and German officers whose paths crossed during the Battle of Tannenberg in 1914, a tragedy for the Russian Army. The issue also presents a Review of Grigoriy N. Lanskoj's monograph «Russian Studies and Geopolitics: The Russian Empire of the Second Half of the 19th–Early 20th Century in North American, Western European, and Domestic Historiography of the 1960s–1990s». We are continuing our effort to publish sources related to Russian history. Our regular contributor Andrey V. Ganin composed a paper about the fate of A.E. Snesev, an outstanding Russian military scientist, during the repressions of the 1930s. It also portrays the challenging and often tragic fates of many other former Tsarist military specialists in the employ of the Red Army.

The Historical Reporter continues its work and would like to thank our contributors for their materials.

Alexey E. Titkov
Editor-in-Chief of the Historical Reporter

Содержание

Отечественная история

- В.В. Политов.** К вопросу об обороне Козельска в 1238 г. 12
- М.М. Якушев.** Тайная дипломатия России в Царьграде в 1701–1710 гг. . . 26
- М.В. Королева.** Крестоприводные пошлины при присяге
губных старост, целовальников, дьячков и тюремных сторожей . . . 46
- А.Л. Киселев.** Фальшивые денежные знаки Российского
правительства адмирала А.В. Колчака: в контексте сибирской
и дальневосточной прессы. 60
- С.В. Сытин.** Реформа тюремного устройства в Российской империи
конца XIX — начала XX в. К истории тюремной стражи и ее медали
«За беспорочную службу» 84

Всеобщая история

- Д.Е. Мишин.** Сасанидское завоевание Йемена. 116
- С.П. Брюн.** «Новые мелькиты»: феномен перехода миафиситов
в Халкидонское православие в Сирии в X–XI вв. 142

Сообщения

- Ф.А. Гуцин.** «Короткая встреча». Эпизод из истории сражения
при Танненберге в августе 1914 г. 162

Рецензии

- Российская геополитика в отражении исторической литературы
1960–1990-х гг. Рецензия на монографию Г.Н. Ланского
«Россиеведение и геополитика. Российская империя второй
половины XIX — начала XX в. в концепциях североамериканской,
западноевропейской и отечественной историографии
1960–1990-х годов» (М.: РГГУ, 2024. 258 с.). 184

Источники

- А.В. Ганин.** «Горя так много...». Военный ученый А.Е. Снесарев
и репрессии начала 1930-х гг. 190

Contents

Russian History

- Vitaly V. Politov.** Defense of Kozelsk in 1238 12
- Mikhail M. Yakushev.** Russian Secret Diplomacy in Tsargrad
in 1701–1710a 26
- Marina V. Koroleva.** Charging Fees for Kissing the Cross 46
- Andrey L. Kiselev.** Counterfeit Banknotes Under Admiral
A.V. Kolchak’s Russian Government, as Covered by Siberian
and Far Eastern Press 60
- Sergey V. Sytin.** Service to the Tsar Never Goes Unrewarded.
The Prison Guard and the Medal for Meritorious Service. 84

World History

- Dmitriy E. Mishin.** The Sassanid Conquest of Yemen 116
- Sergei P. Brun.** The New Melkites: the Phenomenon
of Miaphysite Conversion to Chalcedonian Orthodoxy
in 10th–11th century Syria. 142

Reports

- Fedor A. Gushchin.** «Short Meeting». An Episode From the History
of the Battle of Tannenberg in August 1914 162

Reviews

- The Geopolitics of Russia as Described in the Historical Literature
of the 1960s–1990s. Review of G.N. Lanskiy’s Monograph
«Russian Studies and Geopolitics: The Russian Empire
of the Second Half of the 19th–Early 20th Century in North
American, Western European, and Domestic Historiography
of the 1960s–1990s» (2024) RSUH, Moscow. 258 p. 184

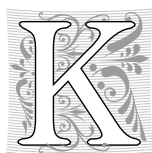
Sources

- Andrey V. Ganin.** «There is so Much Grief...» Military Scientist
A.E. Snesev and the Repressions of the Early 1930s 190

В.В. Политов

К вопросу об обороне Козельска в 1238 г.

Козельск — древний русский город, впервые упомянутый в источниках в 1146 г., на год раньше Москвы. Дальнейшие летописные сведения о городе связаны с именем князя из черниговской ветви Мстислава Святославича, так как город входил тогда в Черниговское княжество, а Мстислав Святославич был первым козельским князем, который погиб в битве на Калке в 1223 г. Эта смерть князя словно стала прообразом того трагического уничтожения города Козельска и его жителей, которое случится спустя 15 лет весной 1238 г., когда к нему подойдут бесчисленные тумыны Бату-хана. После разгрома войска Юрия Всеволодовича на р. Сить монголы двинулись облавой на юг Северо-Восточной Руси в составе правого крыла (Батый) и левого (Кадан и Бури). Правое крыло Батые двинулось от Торжка по Волге и Вазузе к междуречью Днепра, а оттуда через смоленские земли к черниговскому городу Вщиж, который, согласно летописным данным, также погиб в 1238 г. Следуя по Десне, монголы вышли на р. Жиздра, по которой добрались до Козельска весной 1238 г.¹

Почему Козельск оборонялся целых 7 недель по сравнению с большинством других, более крупных древнерусских центров, где длительность обороны не превышала одной недели? Попытаться ответить на этот вопрос можно, опираясь на источники и историографию. Рассмотрим археологические и письменные источники.

¹ Храпачевский Р.П. Военная держава Чингисхана. М., 2005. С. 370–371.

Начнем с археологии. Несмотря на наличие у некоторых исследователей сомнений о месте локализации древнерусского Козельска (О.А. Прошкин располагает его восточнее современного Козельска на берегах Оки²), многолетние исследования археологической экспедиции ИА РАН под руководством Г.А. Массалитиной и И.В. Болдина позволяют отождествлять его с местоположением современного Козельска³. Характер стратиграфии раскопов 2014, 2016–2017 гг. выявил остатки вала древнерусского Козельска, упоминаемого в Галицко-Волынской летописи: «Тотаром же бьющимся. у град прияти хотящим град. Разбившимъ градуоу стѣноу. и возиидоша на валь. Татаре...»⁴ Таким образом, были найдены остатки вала детинца древнего Козельска, по всей площади раскопа которого были зафиксированы следы мощного пожара. Также подтверждением того, что именно здесь мог располагаться детинец, является упоминание в архивных документах Сарайской и Крутицкой епархии строительства церкви Вознесения Господня на «старом городище» Козельска. Именно так обычно обозначали местоположение древнейших городских центров на картах XVIII–XIX вв.⁵ Исходя из данных исследований, мы можем с большой долей вероятности утверждать, что упоминаемый в Ипатьевской летописи Козельск находился на том же месте, что и современный город, что является важной отправной точкой в анализе обстоятельств семинедельной обороны города.

Попробуем теперь проанализировать письменные источники. Главным источником сведений по обороне Козельска является развернутое упоминание в древнейшей **Ипатьевской летописи**, причем летописный текст в более поздних источниках практически идентичен (Симеоновская, Софийская 1-я летопись старшего извода, Никоновская летопись и др.). Приведем текст Ипатьевской летописи: «И приде ко граду Козельскоу. боудуощоу в немь. князю млади. именем Василью. оувѣдавши же нечестивии. яко оумь крѣпкодушньни имѣють. людье во граде.

² Нигматуллин Р.А., Прошкин О.А., Массалитина Г.А., Хохлова Т.М. Древний Козельск и его округа // Труды отдела охранных раскопок. Т. IV. М., 2005. С. 142.

³ Массалитина Г.А., Болдин И.В. Еще раз к вопросу о местонахождении летописного Козельска // Проблемы археологии, истории, культуры и природы Козельского края. Козельские краеведческие чтения. Козельск, 2008. С. 13.

⁴ ПСРА. Т. 2. Ипатьевская летопись. М., 1998. Стб. 780–781.

⁵ Массалитина Г.А., Болдин И.В. Топография летописного Козельска // Мир Средневековья. Проблемы вещеведения. Материалы научной конференции к 70-летию отдела средневековой археологии. М., 2022. С. 104.

Словесы лестными не возможно бѣ град прияти. Козлянѣ жѣ свѣт створше. не вдатися Батюю. рекше яко аще князь наш млад есть. но положимъ животь свои за нь. и сде славою сего свѣта приимше. и тамъ небесныя вѣнца от Христа Бога приимемъ. Тотаром же бующимся. у град прияти хотящим град. Разбившимъ градуу стѣною. и возиидоша на валъ. Татаре. Козляне же ножи рѣзахоуся с ними. свѣтъ же створиша. изиити на полкы Тотарьскыя. И ишедше изъ града. исѣкоша праца ихъ. нападше на полкы ихъ. и оубиша от Татаръ. 4 тысящи. и самѣ же избѣени быша. Батыи же взя городъ. избив вси. и не пощадаѣ от отрочатъ. до сосоущих млеко. о князи Васильи невѣдомо есть. и инии глагохоу яко во крови оутоноуль. есть. понеже оубо младъ бя есть. отоудоу же воу Татарѣхъ. не смѣють его нареци град Козлескъ. но град злыи. понеже бишася по семь недѣль оубиша бо от Татаръ сны темничы три. Татары же искавше. и не могоша ихъ изнаити во множествѣ троупъ мертвых. Батыеви же. Вземшю Козлескъ. и поиде в землю Пополовецкую»⁶. Анализируя этот текст, мы можем, несмотря на наличие довольно скудных сведений, утверждать, что осада города действительно носила ожесточенный характер, так как татары учинили расправу даже над отроками и младенцами. Также мы видим, что жители попытались сделать решительную вылазку, которая привела к многочисленным жертвам среди ордынцев, уничтожению их метательных осадных орудий, а также гибели трех сыновей темников, о чем говорится в тексте.

Историк Д.Г. Хрусталеv замечает, что при всем своем антагонизме и летописцы Южной Руси, и летописцы Северо-Восточной Руси до предела одинаково описывают подвиг небольшого города в самых восхитительных и героических тонах. Даже в этом коротком отрывке для потомков сохранилась важная информация о характере осады города и героизме его жителей. Прежде всего, летописец указал срок осады Козельска: семь недель. Это уникальный случай. Ни один из крупных центров Северо-Восточной Руси не выдержал такой длительной осады небольшого по меркам Средневековья города, каким был Козельск. Вот сроки осады крупных городов, которые были разрушены на своем пути Батыем до Козельска: Рязань 6 дней, Владимир 6 дней, Переяславль 5 дней, Тверь 5 дней, Торжок 12 дней⁷.

Исследование этого короткого отрывка об обороне Козельска дает возможность сделать предположение краеведу А.В. Евгину о наличии

⁶ ПСРА. Т. 2. Ипатьевская летопись. Стб. 780–781.

⁷ Хрусталеv Д.Г. Русь и монгольское нашествие (20–50 гг. XIII в.). М., 2020. С. 184.

в городе дуализма княжеской и вечевой власти, ссылаясь на фрагмент летописи «Козлянь же свѣтстворше. не вдатися Батью...»⁸

Краткое упоминание об осаде Козельска присутствует также в двух важнейших иностранных источниках: у Рашид ад-Дина, а также в Юань ши — официальной истории Юаньской династии в Китае.

Юань ши — это китайская официальная хроника, которая была составлена в 1369–1370 гг. по указанию первого императора новой династии Мин Чжу Юань-чжана. Это было связано с традицией, когда вновь пришедшая к власти династия пишет историю предыдущей династии⁹. Первый перевод этого источника сделал о. Иоакинф (Бичурин) в 1829 г., но в этом переводе отсутствовали анналы за 1237–1242 гг., которые интересуют нас. Исправил ситуацию в начале XX в. А.И. Иванов, сделавший переводы части фрагментов Юань ши о походах монголов на Русь. В настоящее время наиболее полный перевод Юань ши впервые осуществил Р.П. Храпачевский¹⁰. В Юань ши мы находим предположительное упоминание осады Козельска в следующем тексте, посвященном жизнеописанию знаменитого полководца Субэдея: «В год синь-чоу (с 13.02.1241 г. по 1.02.1242 г.) Тай-цзун отдал повеление чжуванам Бату и прочим, пойти карательным походом на владетеля народа русских Юрия-бана. Ему было нанесено поражение, город Торск был окружен, но не взят. Бату подал доклад Каану, чтобы прислали Субэдея руководить сражением. Субэдей набрал войско из хабичи, гэрун-ко'уд и прочих, из числа которых каждый пятидесятый человек последовал за ним. Субэдей в одном сражении захватил Юрия-бана, выдвинулся вперед, атаковал Торск и за три дня овладел им, полностью взял тех русских, что относились к его населению»¹¹. По мнению Р.П. Храпачевского, под наименованием «Торск» в источнике мог быть указан или Торжок, или интересующий нас Козельск. Китайское название города Ту-ли-сы-гэ-чэн было искажено и заменено именем другого города из событий 1241 г., а на самом деле это вполне мог быть Козельск, у которого монголы простояли 2 месяца в 1238 г. Факт этой неудачи был монголам настолько памятен, что удостоился отдельного рассказа у Рашид ад-Дина, передавшего монгольское предание об этих событиях. По мнению ученого,

⁸ *Евгин А.В.* Козельск. Средневековая Русь. Очерки социально-политической истории X–XVII вв. Тула, 1996. С. 45.

⁹ Золотая Орда в источниках. Т. 3. Китайские и монгольские источники. М., 2009. С. 13.

¹⁰ Там же.

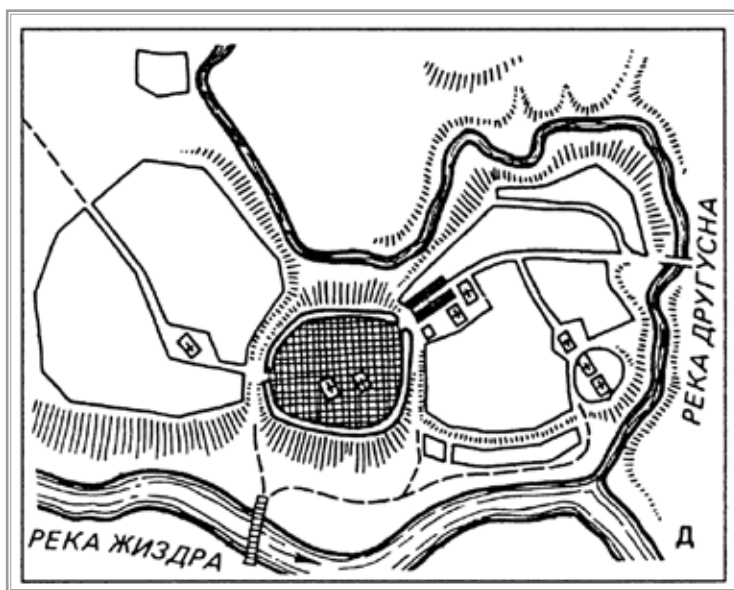
¹¹ Там же. С. 230–231.

сводчики Юань ши могли исказить или испортить название Козельск, так как упоминаемый город Торск содержит характерное для русских городов окончание на -ск в китайской транскрипции Ту-ли-сы-гэ. Несовпадение датировки взятия монголами Козельска он объясняет тем, что события компаний 1237/1238 г. и 1240/1241 г. в данной годовой записи объединены механически, что указывает на наличие лакун и искажений в первоисточнике, причем аналогичный сдвиг в хронологии западного похода есть и в жизнеописании сына Субэдея, Урянхатая.

Рашид ад-Дин приводит следующие сведения: «На этом переходе Бату подошел к городу Козельску и, осаждая его в течение двух месяцев, не мог овладеть им. Потом прибыли Кадан и Бури и взяли его в три дня. Тогда они расположились в домах и отдохнули. После того, в нокай-ил, год собаки, соответствующий 635 г. х. [24 августа 1237 г. — 13 августа 1238 г.], осенью Менгу-каан и Кадан выступили в поход против черкесов и зимою убили тамошнего государя по имени Тукара»¹². Из этого текста выясняется, что первоначально к Козельску подошло западное крыло монгольского войска, которым управлял Бату-хан, но он не мог штурмом взять город. И только когда подошли силы левого восточного крыла под предводительством Кадана и Бури, город в течение трех дней был взят и разграблен.

Анализ этих трех главных источников (Ипатьевская летопись, сведения Рашид ад-Дина и Юань ши) позволяет увидеть нам некоторые совпадения. Во-первых, и Ипатьевская летопись, и Рашид ад-Дин указывают на сходный промежуток времени, в течение которого монголы осаждали Козельск: соответственно семь недель в Ипатьевской и два месяца у Рашид ад-Дина. Во-вторых, и у Рашид ад-Дина, и в Юань ши (если под Торском подразумевать именно Козельск) говорится о том, что монголы не имели успеха при первоначальной осаде, но после прихода дополнительных войск к Бату город был взят в течение трех дней, с той лишь разницей, что в Юань ши командующим дополнительным войсковым соединением указан Субэдей, а у Рашид ад-Дина Кадан и Бури. Вызывает сомнения цифра Ипатьевской летописи в 4 тысячи убитых монголов в результате вылазки козельчан, так как она указана только в одном из этих трех источников и выглядит явно завышенной уже на основании того, что город Козельск по средневековым меркам был относительно небольшим, а для сравнения, население такого крупнейшего политического центра Северо-Восточной Руси, как Старая

¹² Рашид ад-Дин. Сборник летописей. Т. 2. М.; Л., 1960. С. 39.

Козельск. XIII в. План-схема Г.Я. Мокеева.
Древнерусское градостроительство. М., 1993. С. 51

Рязань, варьировалось, по мнению известного археолога В.П. Даркевича, в пределах от 5 до 8 тысяч жителей¹³. Надо также отметить, что ни в одном из трех источников не говорится точно, в какие месяцы происходила осада, а предположение о весне 1238 г. выводится из косвенных признаков на основе датировки предшествующих и последующих военных событий.

Историография по исследуемому нами вопросу также невелика, так как Козельск, не будучи крупным городским центром, на протяжении всей истории России мало привлекал внимание исследователей, хотя сам факт его героической обороны известен каждому школьнику. По мнению некоторых ученых, значимой причиной долгой обороны Козельска были природные условия, которые играли на руку защитникам. Связано это с тем, что город находится в междуречье рек Жиздры и Другусны и, таким образом, с трех сторон защищен естественным водным рубежом. Благодаря прорытому каналу в южной части исторического Козельска между Жиздрой и Другусной город превратился в крепость островного типа, о чем также высказывался археолог П.А. Раппопорт. Как полагает краевед А.В. Евгин, чтобы обезопасить город с северо-восточной стороны, козельчане перенесли русло реки под самые городские стены и на-

¹³ Даркевич В.П. Путешествие в древнюю Рязань: Записки археолога. Рязань, 1993. С. 241.

правили его против течения Жиздры, что значительно подняло уровень воды в Другусне¹⁴. В 1936 г. во время строительства железнодорожного путепровода русло реки было возвращено на свое старое место. Другая причина, которую отмечают некоторые специалисты и аргументация которой гораздо более убедительна, это весенний паводок, заметно поднявший уровень воды в окрестных реках к весне 1238 г. Историк С.В. Александров указывает на то, что монголы подходили к Козельску в период начала половодья, хотя Д.Г. Хрусталеv, напротив, указывал на морозную зиму 1237/38 г., а также проблемы с продовольствием, которое монголам приходилось отвоевывать у местного населения¹⁵. Ока у Калуги вскрывается 6 апреля по старому стилю. Это может свидетельствовать о том, что монголам пришлось ждать схода воды перед началом штурма, так как пути отхода от Козельска в степь тоже были перекрыты разлившейся Жиздрой¹⁶. Жиздра имеет довольно широкую пойму, причем половодье на ней продолжается около месяца¹⁷. Автор говорит о том, что осада затянулась также из-за отсутствия камнеметных орудий у монголов, которые крайне тяжело было тащить по водоразделам от Селигера, а строительство на месте потребовало бы много времени, хотя этот довод опровергают сведения из Ипатьевской летописи, где говорится о том, что горожане во время вылазки уничтожали камнеметные орудия: «Татаре. Козляне же ножи рѣзахоуся с ними. свѣтъ же сотвориша. изиити на полкы Тотарьскыя. и исшедше изъ град. исѣкоша праща ихъ»¹⁸. О.М. Рапов также говорит о том, что Козельск был хорошо прикрыт со всех сторон реками, болотами, взгорьями и холмами, а разлив реки Жиздры сковал действия монгольской армии¹⁹.

Еще одной причиной упорной обороны Козельска, которую упоминает краевед А.В. Евгин, является строительство мощных оборонительных сооружений по периметру города, которое закончилось в первой четверти XIII в.²⁰ Исследователи замечают, что под «убиша бо от татар

¹⁴ Евгин А.В. Указ. соч., с. 46.

¹⁵ Хрусталеv Д.Г. Указ. соч. С.184.

¹⁶ Александров С.В. Эпизод из «Большой облавы» монголо-татар весной 1238 г. (взятие Козельска) // Песоченский историко-археологический сборник. Вып. 3. Ч. 2. Киров, 1997. С. 17–18.

¹⁷ Климов А.И. Природа Смоленской области. Смоленск, 1951. С. 56.

¹⁸ ПСРЛ. Т.2. Ипатьевская летопись. Стб. 780–781.

¹⁹ Рапов О.М. Русские города и монгольское нашествие // Куликовская битва в истории и культуре нашей Родины. М., 1983. С. 86.

²⁰ Евгин А.В. Указ. соч. С. 43.

сыны темничы три²¹» следует понимать детей знатных монголов, которые могли, например, служить в корпусе личной гвардии Чингизидов, а не сыновей высокопоставленных темников Бату, Кадана, Бури или других²².

А.К. Кушкумбаев, как и Д.Г. Хрусталеv отмечает причиной долгой осады Козельска разбросанность подошедших к Козельску войск, а также усталость и потрепанность в предыдущих боях: «Войска, идущие сплошной (условно поvальной) облавной линией, орудовали по проходимым землям дисперсно, и тумен Бату, по всей вероятности, был не в полном составе из-за упорных зимних боев на Руси и, скорее всего, в этой связи не смог вначале овладеть городом»²³.

Р.П. Храпачевский также говорит об ограниченности монгольского контингента, первый раз подошедшего к Козельску. Он отмечает главной причиной успеха монголо-татар в Северо-Восточной Руси значительное преобладание количественного состава монголов над локальными городами-государствами, которые были разбросаны и действовали самостоятельно. Пример с Козельском ярко подтверждает эту мысль, так как подошедший в апреле 1238 г. отряд Батыя не обладал подавляющим преимуществом и осада вынуждена была затянуться на 7 недель, до прибытия левого крыла облавных войск под командованием Кадана и Бури²⁴.

В этом контексте напрашивается сравнение одинаково ожесточенной и самоотверженной обороны жителями Рязани и жителями Козельска, которое также подтверждает вышесказанную гипотезу о недостаточности войск в левом крыле Батыя, ожидавшего прихода дополнительных войск под Козельском. Рязань в декабре 1237 г. подверглась удару единого корпуса монгольской армии, вторгнувшейся в пределы Северо-Восточной Руси, который насчитывал по разным подсчетам от 70 до 120 тысяч воинов, что и предопределило относительно быстрое по сравнению с Козельском падение этого крупного центра (как мы уже указывали выше, по сведениям археолога В.П. Даркевича, население Старой Рязани на момент нашествия составляло около 5 тыс. человек)²⁵.

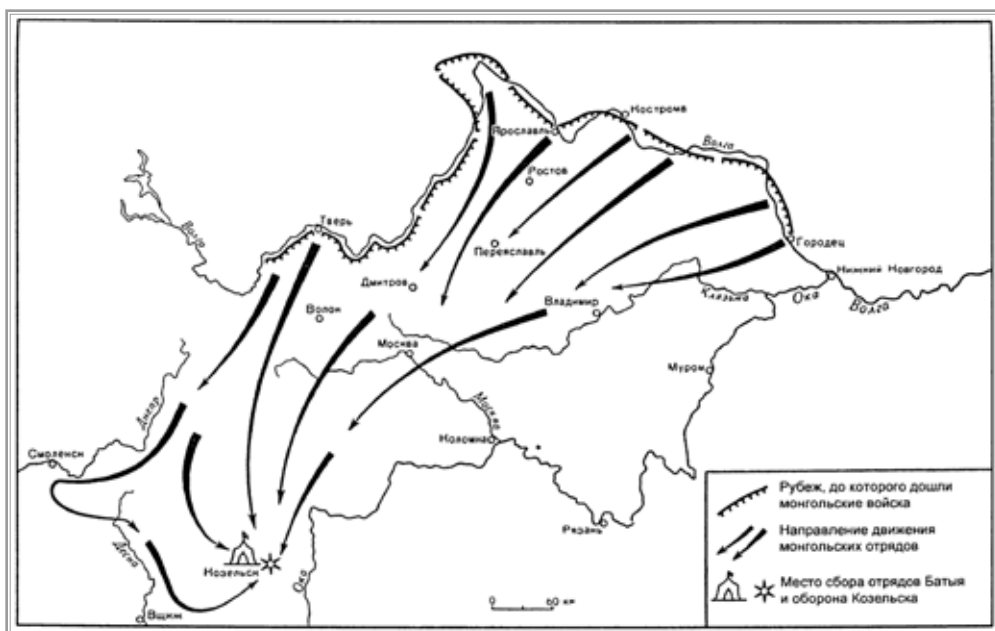
²¹ ПСРЛ. Т. 2. Ипатьевская летопись. Стб. 780–781.

²² Селезнев Ю.В. «Не звати Козельскомь, но злым городомь» // Родина. М., 2014. № 10. С. 43–45.

²³ Кушкумбаев А.К. Облавная тактика в военном искусстве тюрко-монгольских армий XIII–XV вв. // Золотоордынская цивилизация. Вып. 2. Казань, 2009. С. 56.

²⁴ Храпачевский Р.П. Военная держава Чингисхана. М., 2005. С. 372.

²⁵ Даркевич В.П. Древняя столица Рязанской земли. М., 1995.

Монгольский погром Северо-Восточной Руси весной 1238 г. *Каргалов. 1967. С. 104*

На представленной схеме мы видим, что после поражения русских войск на р. Сить монголо-татарское войско разделилось и пошло отдельными клиньями с облавой по различным русским городам. Завершающей точкой схода этих клиньев в одно место стал Козельск, что позволило в конечном итоге взять этот хорошо укрепленный город.

Историк О.М. Рапов на примере таких городов как Торжок, Колодежин, Кременец, Данилов, показывает, с какими трудностями пришлось столкнуться войскам Батыея при осаде этих чрезвычайно укрепленных городов-крепостей. Например, Кременец и Данилов монголы вообще не стали осаждать, так как оба города были расположены на очень высоких холмах (до 50 м), склоны которых в ряде мест были круче 45 градусов. Чтобы разбить стены таких крепостей, нужно было попасть в них камнями, выброшенными из катапульт почти под прямым углом, а для этого следовало поднять стенобитные машины на высоту 20-этажного дома. Сооружение таких размеров башен было делом практически невозможным в условиях XIII столетия²⁶.

А.В. Воротынцев обратил внимание на причины, по которым ордынцы в принципе заинтересовались столь незначительным городским центром русских земель. По его мнению, интерес этот возник

²⁶ Рапов О.М. Русские города и монгольское нашествие // Куликовская битва в истории и культуре нашей Родины. М., 1983. С. 88.

из-за стремления захватчиков получить доступ к продовольственным запасам и жилым постройкам города²⁷. Упоминание об этом мы можем найти у Рашид ад-Дина: «...Тогда они расположились в домах и отдохнули»²⁸. Однако А.А. Горский полагает, что вряд ли у Рашид ад-Дина речь идет о домах в Козельске (их и не хватило бы на крупное войско). Скорее всего, по мнению историка, здесь говорится об отдыхе после похода вне Руси.

Таким образом, проанализировав комплекс письменных источников и историографию по данному вопросу, мы пришли к следующим выводам.

1. Имеющийся корпус отечественных и иностранных источников с упоминанием эпизода обороны Козельска в 1238 г. довольно ограничен, но дает возможность утверждать, что, во-первых, осада города длилась ориентировочно в пределах двух месяцев, во-вторых, город не был взят монголами сразу, а только спустя продолжительное время в результате подхода подкрепления.

2. Причинами задержки на семь недель монголов под Козельском исследователи называют удачные природные и географические условия (разлив рек, возвышенное расположение города), измотанность монголов в предыдущих боях, неполный состав подошедших первоначально к Козельску войск (это не давало возможности Бату-хану использовать ударный кулак и элемент внезапности), мощные внешние укрепления стен города, отсутствие осадных орудий на раннем этапе обороны города.

²⁷ Воротынецов А.В. «Злой город»: о некоторых аспектах обороны Козельска весной 1238 г. // Золотоордынское наследие. Материалы VI Международного Золотоордынского Форума «Рах Татарика: генезис и наследие государственности Золотой Орды». Казань, 26-28 июня 2019 г. Вып. 3. Казань, 2019. С. 42.

²⁸ Рашид ад-Дин. Указ. соч. С. 39.

References

Sources

1. Zolotaja Orda v istochnikah. T. 3. Kitajskie i mongol'skie istochniki [The Golden Horde in the sources. T. 3. Chinese and Mongolian sources] / Perevody s kitajskogo jazyka, sostavlenie, vvodnaja stat'ja i kommentarij R.P. Hrapachevskogo [Translations from Chinese, compilation, introductory article and commentary by R.P. Khrapachevsky]. M., 2009. 336 p.
2. Ipat'evskaja Letopis' [Ipatiev Chronicle] // PSRL. T. II. M, 1998. 641 p.
3. Lavrent'evskaja letopis' [Laurentian Chronicle] // PSRL. T. 1. M., 1997. 773 p.
4. Letopisnyj sbornik, imenuemyj Tverskoj letopis'ju [Chronicle collection called the Tver Chronicle]. PSRL. T. XV. M., 2000. 540 p.
5. Letopis' po Voskresenskomu spisku [Chronicle of the Resurrection List] // PSRL. T. VII. M., 2001. 345 p.
6. Nikonovskaja letopis' [Nikon Chronicle] // PSRL. T. X. M., 2000. 266 p.
7. Rashid ad-Din. Sbornik letopisej [Collection of chronicles]. T. 2. M.; L., 1960. 248 p.
8. Simeonovskaja letopis' [Simeonovskaya Chronicle] // Russkie letopisi. T. 1. Rjazan', 1997 (sootvetstvuuet: PSRL. T. XVIII. SPb., 1913) [Russian Chronicles. T. 1. Ryazan, 1997 (corresponds to: PSRL. T. XVIII. St. Petersburg, 1913)]. 635 p.
9. Sofijskaja 1-ja letopis' starshego izvoda [Sofia 1st Chronicle of the older edition] // PSRL. T.VI, Issue. 1. M., 2000. 320 p.

Historiography

1. Aleksandrov S.V. Jepizod iz «Bol'shoj oblavy» mongolo-tatar vesnoj 1238 g. (vzjatie Kozel'ska) [Episode from the «Big Roundup» of the Mongol-Tatars in the spring of 1238 (capture of Kozelsk)] // Pesochenskij istoriko-arheologičeskij sbornik [Pesochensky historical and archaeological collection]. Vyp. 3. Ch. 2. Kirov, 1997. 128 p.
2. Vorotyncev L.V. «Zlojgorod»: o nekotoryh aspektah oborony Kozel'ska vesnoj 1238 g. [«The Evil City»: On Some Aspects of the Defense of Kozelsk in the Spring of 1238] // Zolotoordynskoe nasledie. Materialy

- VI Mezhdunarodnogo Zolotoordynskogo Forumu «Pax Tatarica: genesis i nasledie gosudarstvennosti Zolotoj Ordy» [Golden Horde Heritage. Proceedings of the VI International Golden Horde Forum «Pax Tatarica: Genesis and Legacy of the Golden Horde Statehood»]. Kazan', 26–28 ijunja 2019 g. Vypusk 3. Kazan', 2019. 284 p.
3. *Darkevich V.P.* Puteshestvie v drevnjuju Rjazan': Zapiski arheologa [Journey to ancient Ryazan: Notes of an archaeologist]. Rjazan', 1993. 248 p.
 4. *Darkevich V.P.* Drevnjaja stolica Rjazanskoj zemli [The ancient capital of the Ryazan land]. M., 1995. 445 p.
 5. *Evgin A.V.* Kozel'sk. Srednevekovaja Rus'. Oчерki social'no-politicheskoj istorii X–XVII vv. [Medieval Rus'. Essays on social -political history of the 10th–17th centuries]. Tula, 1996. 127 p.
 6. *Klimov A.I.* Priroda Smolenskoj oblasti [Nature of the Smolensk region]. Smolensk, 1951 g. 100 p.
 7. *Kushkumbaev A.K.* Oblavnaja taktika v voennom iskusstve tjurko-mongol'skih armij XIII–XV vv. [Roundup tactics in the military art of the Turkic-Mongol armies of the 13th–15th centuries] // Zolotoordynskaja civilizacija [Golden Horde civilization]. Vyp. 2. Kazan', 2009. 259 p.
 8. *Massalitina G.A., Boldin I.V.* Eshhe raz k voprosu o mestonahozhdenii letopisnogo Kozel'ska [Once again on the issue of the location of the chronicle Kozelsk] // Problemy arheologii, istorii, kul'tury i prirody Kozel'skogo kraja. Kozel'skie kraevedcheskie chtenija [Problems of archeology, history, culture and nature of the Kozelsk region. Kozelsk regional studies readings]. Kozelsk, 2008. 246 p.
 9. *Massalitina G.A., Boldin I.V.* Topografija letopisnogo Kozel'ska [Topography of the chronicle Kozelsk] // Mir Srednevekov'ja. Problemy veshhevedenija. Materialy nauchnoj konferencii k 70-letiju otdela Srednevekovoj arheologii [The world of the Middle Ages. Problems of material science. Proceedings of the scientific conference for the 70th anniversary Department of Medieval Archeology]. M., 2022. P. 104.
 10. *Nigmatullin R.A., Proshkin O.L., Massalitina G.A., Hoblova T.M.* Drevnij Kozel'sk i ego okruga [Ancient Kozelsk and its districts] // Trudy otdela ohrannyh raskopok [Works of the Department of Protective Excavations]. T. IV. M., 2005. 183 p.
 11. *Pashuto V.T.* Geroicheskaja bor'ba russkogo naroda za nezavisimost' (XIII v.) [Heroic struggle of the Russian people for independence (13th century)]. M., 1956. 279 p.

12. *Rapov O.M.* Knjazheskie vladenija na Rusi v X — pervoj polovine XIII v. [Princely possessions in Rus' in the 10th — first half of the 13th centuries]. M., 1977. 261 p.
13. *Rapov O.M.* Russkie goroda i mongol'skoe nashestvie [Russian cities and the Mongol invasion] // Kulikovskaja bitva v istorii i kul'ture nashej Rodiny [The Battle of Kulikovo in the history and culture of our homeland]. M., 1983. 312 p.
14. *Seleznev Ju.V.* «Ne zvati Kozel'skom, no zlym gorodom» [«Not to be called Kozelsk, but an evil city»] // Rodina. M., 2014. No. 10. P. 43–45.
15. *Hrapachevskij R.P.* Voennaja derzhava Chingishana [Military power of Genghis Khan]. M., 2005. 557 p.
16. *Hrustalev D.G.* Rus' i mongol'skoe nashestvie (20–50 gg. XIII v.) [Khrustalev D.G. Rus' and the Mongol invasion (20–50 of the 13th century)]. M., 2020. 412 p.

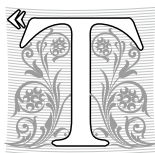

Ключевые слова:

Оборона Козельска; Нашествие Батыея; Северо-Восточная Русь;
Ипатьевская летопись

Vitaly V. Politov

Defense of Kozelsk in 1238

The article attempts to reveal some key issues of the defense of Kozelsk in the spring of 1238, when during the Batu invasion the city was destroyed and burned after a seven-week siege. One of the main questions that the author poses is why a relatively small city by medieval standards held out under siege much longer than the largest centers of Medieval Rus' – such as Old Ryazan, Vladimir, Kiev, etc.? The article examines well-known sources on this topic – the Ipatiev Chronicle, information from Rashid ad-Din and Yuan shi. In addition, a large part of modern historiography on this topic is analyzed, including the findings of the archaeological expeditions of G.A. Massalitina and I.V. Boldin. The presented analysis allowed us to draw certain conclusions about the reasons for the delay of the Mongols near Kozelsk.

Keywords: Defense of Kozelsk; Batu Khan's Invasion; North-Eastern Rus'; Ipatiev Chronicle

Vitaly V. Politov – Candidate of Historical Sciences, History Teacher, State Budgetary Educational Institution School No. 1517 (Moscow, Russia).
 SPIN-код: 6743-0110, ORCID: 0009-0000-0132-1947, Author ID: 745812
 e-mail: vita-politov@yandex.ru

Политов Виталий Викторович

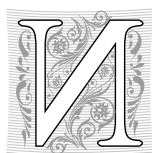
кандидат исторических наук, учитель истории ГБОУ школа № 1517
 (Москва, Россия)

SPIN-код: 6743-0110, ORCID: 0009-0000-0132-1947, Author ID: 745812
 e-mail: vita-politov@yandex.ru

М.М. Якушев

Тайная дипломатия России в Царьграде в 1701–1710 гг.

История русской секретной службы на Босфоре в период правления Петра I является интересной страницей в истории России. У истоков создания разведывательной сети в Константинополе стояли видные дипломаты из числа ближайших сподвижников Петра I.

Особый вклад в становление русской дипломатии и военной разведки в Константинополе внесли Емельян Иванович Украинцев, Дмитрий Михайлович Голицын, Петр Андреевич Толстой и Петр Павлович Шафиров. Немаловажно, что Е.И. Украинцев (1689–1697 гг.) и П.П. Шафиров (1706–1708 гг.), назначенные дипломатическими представителями при османском дворе, имели богатый дипломатический опыт, так как ранее возглавляли Посольский приказ.

Согласно Константинопольскому мирному договору 1700 г. российский двор впервые в истории получил право иметь постоянного дипломатического представителя в ранге чрезвычайного посланника при Высокой Порте.

Высокопоставленные российские дипломаты петровского периода, аккредитованные в Константинополе, прибывая к месту службы, приступали к созданию разветвленной агентурной сети и многочисленных секретных каналов получения конфиденциальной информации о внутреннем положении Османской империи и ее внешнеполитических отношениях с иностранными государствами. Русским царьградским дипломатам и разведчикам активно противостояли их иностранные

Русский царь Петр I. Художник Ж.-М. Натье. 1717 г.
Государственный Эрмитаж

коллеги, главным образом западноевропейские послы и посланники, чьи происки и интриги нередко приводили к столкновению России и Османской империи.

С конца XVII в. одной из ключевых тем переговоров между Россией и Портой был статус Черного моря, так как российское правительство осознавало важность выхода в Черноморский бассейн. При этом оно понимало, что сделать это будет сложно, так как Черное море представляло собой «жемчужину в короне османского султана», а черноморские берега и акватория имели для османского правительства огромное военно-стратегическое и торгово-экономическое значение. Фактически Черное море являлось «турецким озером»¹, а ключом к нему был город Керчь, обладания которым добивалась Россия.

Попытки российских послов на Карловицком мирном конгрессе 1698–1699 гг. получить ключ от Керчи, запирающей выход из Азовского моря в Черное, оказались безрезультатными и были болезненно восприняты Высокой Портой (османским правительством. — М.Я.), обдумывавшей принятие решительных мер по закрытию Керченского пролива.

¹ Орешкова С.Ф. «Турецкое озеро»: Черное море XV–XVII вв. // Восток. 2005. № 3. С. 18–35.

Этому способствовало появление на рейде в Керчи в 1699 г. русского военного флота во главе с царем Петром I, провожавшим торжественное посольство чрезвычайного посланника Е.И. Украинцева на берега Босфора для подписания Константинопольского мирного договора 1700 г., ознаменовавшего окончание Русско-турецкой войны 1686–1699 гг.

Российский двор также предпринял попытку «отворить» Черное море путем получения разрешения на проход через пролив русских купеческих судов, однако эта попытка не дала результата.

Османское правительство тщательно оберегало Черное море от попыток проникновения со стороны иностранных государств. Великий драгоман Порты А. Маврокордато (1673–1709 гг.) во время переговоров с российским посланником в Константинополе Е.И. Украинцевым заявил, что «имеет государство оттоманское те моря, яко чистую и непорочную девицу, и не только иметь на них плавание, но и прикоснуться никогда никого не допустит» и заметил, что «по Черному морю иных государств кораблям ходить будет свободно тогда, когда турецкое государство падет и вверх ногами обратится»².

После отъезда Е.И. Украинцева временным поверенным в делах России в Константинополе стал переводчик миссии С.Ф. Лаврецкий, поддерживавший тесные контакты с русским секретным агентом С.Л. Владиславовичем-Рагузинским³, который на одной из встреч с ним проинформировал его, что Порта начала «великое приуготовление» к новому походу, «льют вновь пушки, и старые чистят, и починивают корабли старые», предположив, что османы готовят поход на Морею, но предостерег, «только турки народ лукавой, надобно опасатися, чтоб никого иного не пошли»⁴. Эти сведения были подтверждены одним из главных российских информаторов в Константинополе Иерусалимским патриархом Досифеем II (1669–1707 гг.), посчитавшим, что османское правительство готовит свой флот для захвата Мореи⁵.

Как правило, российские дипломаты встречались со своими агентами за пределами посольского двора, однако были и исключения. 30 января 1700 г. на посольский двор пришел «невольник», бывший казанский

² Толстой П.А. Описание Черного моря, Эгейского архипелага и османского флота / Сост. И.В. Зайцев и С.Ф. Орешкова. М., 2006. С. 16.

³ Базарова Т.А. Дипломатия Петра Великого и Османская империя // Вестник РФФИ. 2020. № 3 (100). С. 29–42.

⁴ Российский государственный архив древних актов (РГАДА). Ф. 89 «Сношения России с Турцией». Оп. 89/1. 1700. Д. 2. Л. 28.

⁵ Там же. Л. 28–28 об.

Чрезвычайный и полномочный посланник России в Константинополе П.А. Толстой.
Художники Г. Гзель, И.Г. Таннауер. 1718 г. Государственный Русский музей

стрелец по имени Никитка, сообщивший, что на верфи адмиралтейства чинят корабли и новые строят. По слухам, османы хотят идти под Керчь, чтобы там «нагрузить камнями и загородить корабельный проход в керченское гирло»⁶.

26 октября С.Ф. Лаврецкий сообщил о прибытии османской эскадры из 12 кораблей, а на следующий день пришли еще 24 галеры⁷. Посольские записки передавались либо через Иерусалимского патриарха Досифея II, и тот через греческих монахов переправлял их в Москву, либо отсылались с греческими купцами. В дипломатической переписке упоминаются «тайные приятели», в том числе приближенный патриарха Досифея II Е. Енаки, сообщивший информацию о ссорах французского посла с Портой; врач А. Кара, рассказавший о прибытии делегации из Крыма из-за волнений в ханстве и просьбе вернуть на престол хана, сосланного на Кипр⁸; врач Мушюдук, регулярно посещавший великого визиря и передавший ему предложение П.А. Толстого о ночной встрече⁹.

⁶ Там же. Л. 31–31 об.

⁷ РГАДА. Ф. 89. Оп. 89/1. 1700. Д. 2. Л. 26.

⁸ Базарова Т.А. «Ни в какие дела не вступаться»: русские представители в Стамбуле в 1700–1701 годах // Вестник Новосибирского государственного университета. 2020. Т. 19. № 8. С. 51.

⁹ РГАДА. Ф. 1274 «Панины-Блудовы». Оп. 1. 1710. Л. 235 об.

Чрезвычайный и полномочный посол России в Константинополе Д.М. Голицын.
Художник Ф.М. Славянский. 1848 г. Государственный Эрмитаж

В связи с тем, что пакеты из Москвы приходили в Константинополь нерегулярно и с большой задержкой, российские дипломаты были недостаточно хорошо осведомлены о событиях в России или получали информацию несвоевременно. Например, первые известия о поражении русской армии от шведских войск в Нарвской битве 1701 г. поступили в Константинополь из Западной Европы с опозданием, а русские представители — переводчик С.Ф. Лаврецкий и секретарь М.Р. Ларионов — первоначально отнеслись к ним с недоверием. Однако сначала неутешительные новости подтвердил польский агент А. Былинский, затем — С.Л. Владиславович-Рагузинский, получивший сведения от французских купцов, с которыми он вел торговлю, а потом печальные вести доставили от Иерусалимского патриарха Досифея II.

В 1701 г. для ратификации Константинопольского мирного договора 1700 г. в Османскую империю в качестве чрезвычайного и полномочного посла России при султанине Мустафе II (1695–1703 гг.) прибыл Д.М. Голицын¹⁰. На переговорах с Высокой Портой Д.М. Голицын вновь поднял вопрос «открытия» Черного моря для России, однако все его попытки не принесли ожидаемого результата. По итогам переговоров рейс-уль-куттаб (рейс-эфенди) Рами Мехмед-эфенди (1699–1702 гг.),

¹⁰ Якушев М.М. Церемониал приема иностранных послов при османском дворе в восприятии российских дипломатов (XVIII — начало XIX в.). М., 2024.

Османский султан Мустафа II. *Неизвестный художник. XVIII в.*

куруровавший внешнюю политику османского правительства, заявил, что «султан смотрит на Черное море как на дом свой внутренний, куда нельзя пускать чужезмцев, скорее султан начнет войну, чем допустит ходить кораблям по Черному морю»¹¹.

Высокая Порта вынашивала план полного закрытия Керченского пролива. Иерусалимский патриарх Досифей II предупредил чрезвычайного посла Д.М. Голицына, чтобы он больше не говорил о черноморской торговле, так как «турки хотят засыпать проход из Азовского моря в Черное и на том месте построить крепости многия, чтоб судов московских не пропустить в Черное море», отметив, что если вопрос будет вновь поднят, то османы «непреренно засыпят ход... когда же засыпан будет ход, то хотя бы сто тысяч судов наделано было у великого государя, нельзя им будет плавать по Черному морю»¹².

Высокую Порту беспокоило присутствие русского флота в Азовском море. В 1702 г. султан Мустафа II потребовал от России убрать суда из Азова и Таганрога, ликвидировав Азовский флот, и остановить строительство новых кораблей на воронежских судоверфях. В том же году Порта стала укреплять Керчь, строить Еникале и отсыпать каменную дамбу поперек Керченского пролива.

¹¹ Соловьев С.М. Сочинения. Кн. VIII. Т. 15–16. История России с древнейших времен. М., 1997. С. 77.

¹² Толстой П.А. Состояние народа турецкого в 1703 году // Известия Таврической ученой архивной комиссии. Симферополь, 1914. № 51. С. 67.

В 1702 г. в Османскую империю в качестве чрезвычайного посланника России приехал П.А. Толстой (1702–1710 гг.)¹³, ставший первым постоянным российским дипломатическим представителем при османском правительстве. Секретная инструкция предписывала П.А. Толстому собирать ценную информацию о государственном управлении Османской империи, ее связях с европейскими державами, о состоянии османской армии и т.д.: «выведывать и описывать тамошние народы, какое там правление, какие правительственные лица, какие у них с другими государствами поступки в воинских и политических делах... какие к войне тайные приготовления, против кого, морем или сухим путем», «проведывать подлинно и записывать у себя тайно, а буде что нужнейшего будет, писать с нарочным посыльщиком»¹⁴. Свои наблюдения П.А. Толстой оформлял в виде посольского дневника, «статейного списка», «отписок на тайные статьи» или полноценных сочинений, в том числе «Состояние народа турецкого в 1703 году» и «Описание Черного моря и Архипелага со всеми городами и гаванями, на славянском языке».

Высокая Порта принимала П.А. Толстого за «шпиона», присланного разведать «слабые места» в различных сферах и помочь начать военную кампанию против Османской империи. П.А. Толстой не жалел денег на подкуп высокопоставленных чиновников Порты. Посольский приказ высылал огромные суммы на ценные подарки и выплаты «тайным осведомителям», в том числе из числа османских сановников, сообщавших бесценную информацию о положении дел в Османском государстве.

П.А. Толстой не только описывал то, что он мог наблюдать в ходе общения с османскими подданными: особенности их поведения, иерархию в обществе и на государственной службе, существующий порядок при османском дворе, но и передавал фактические сведения о состоянии сухопутных и военно-морских сил, главным образом черноморского флота Османской империи, в котором были произведены перемены в техническом оснащении и организации управления, а также проведен переход от весельного флота к парусному¹⁵.

¹³ С началом Русско-турецкой войны П.А. Толстой был заключен в Семибашенный замок и находился в заточении свыше полутора лет. П.А. Толстой покинул Константинополь в 1714 г. Часть своего срока в темнице он провел вместе с чрезвычайными и полномочными послами бароном П.П. Шафировым (1711–1714 гг.), графом М.Б. Шереметевым (1711–1714 гг.) и М.П. Бестужевым-Рюминым (1713–1714 гг.).

¹⁴ Письма и бумаги императора Петра I. Т. II. СПб., 1899. № 419. С. 34.

¹⁵ Орешкова С.Ф. Немировский конгресс. От двусторонних осmano-российских отношений к Восточному вопросу. М., 2015. С. 63.

Чрезвычайный и полномочный посол России в Константинополе П.П. Шафиров.
Неизвестный художник. Между 1840–1860 гг. Государственный Эрмитаж

Османскому флоту П.А. Толстой уделил особое внимание, поскольку царь Петр I стремился сделать Россию великим морским государством и поэтому кораблестроение и навигация были одними из приоритетных направлений «для освоения и разведывания». В этой связи был особенно востребован опыт такой географически и исторически сложившейся морской державы, как Османская империя. П.А. Толстой детально описал состояние османских морских сил, количество имевшихся у Порты военных судов, привел сведения об османском морском уставе (1701 г.¹⁶) с описанием всех чинов, перечнем их обязанностей и суммами денежного вознаграждения¹⁷. В целом П.А. Толстой положительно оценил состояние османского флота, но при этом упомянул, что «не способны могут у них строится корабли, как галеры», так как «недостатками денежными утесняются от морского флота и от великого иждевения денежного, в заводе кораблей, которые делали недавно». Он также отметил, что «корабли турецкие суть крепки, яко и французские, сшиваны великими железными гвоздми»¹⁸.

¹⁶ В России подобного устава в это время не существовало.

¹⁷ Мнякина М.К. П.А. Толстой и его описание Османской империи начала XVIII века // Вестник Челябинского государственного университета. 2014. № 14 (343). Т.15. С. 74–77.

¹⁸ Толстой П.А. Русский посол в Стамбуле (Петр Андреевич Толстой и его описание Османской империи начала XVIII века). М., 1985. С. 64, 67, 69.

Следует заметить, что, когда в 1714 г. чрезвычайные послы П.П. Шафиров и М.Б. Шереметев с разрешения Порты осматривали военные корабли в константинопольском порту, они отрицательно оценили состояние османского флота, констатируя, что в «преизрядном порте на Босфоре из 40 судов не нашли удобных к ходу морскому больше 20, а другие зело плохи и ветхи, а иные малы, а именно некоторые из взятых у малтезов преж сего, у геновезов», громадный адмиралтейский 120-пушечный корабль «зело плохой, по пропорции походил на флейты гананские и, сказывают, что, никуда не ходя, сгнил уже в порте... и ныне его валяют, и починяют, и конопатят, а и все их пропорции плохой, с шпигелями плоскими и пузаты, подобно италиянским»¹⁹.

Продвижение России в Черноморском регионе и необходимость коммуникации с местным населением привели к возрастанию потребности в привлечении к дипломатической и разведывательной деятельности иностранных специалистов. Вполне естественно, что требовалось глубокое знание региональной специфики и умение свободно говорить и писать на иностранных языках. В этой связи кадровый дефицит был восполнен путем привлечения переводчиков и секретарей, находившихся на службе в константинопольских миссиях и посольствах, знавших местные особенности и владевших несколькими иностранными языками. Некоторые из драгоманов-османлы (подданных султана. — М.Я.) нанимались на русскую государственную службу и трудились в Константинопольской миссии. Ряд принятых на работу секретарей и переводчиков были в родственных связях с местными драгоманами-фанариотами²⁰ и драгоманами-перотами²¹, обосновавшимися в османской столице.

В начале XVIII в. в Константинопольскую миссию направлялись толмачи и переводчики из Посольского приказа, приезжали на «стажировку» ученики «переводческих дел». Кроме того, к переводам привлекались дети сотрудников миссии. Однако именно драгоманов составляли костяк тайных цареградских агентов России.

Параллельно создавался корпус русских драгоманов-ориенталистов, стоявших у истоков формирования русских дипломатической, переводческой и разведывательной школ в Царьграде.

¹⁹ РГАДА. Ф. 89. Оп. 89/3. 1714. Д. 3. Л. 125 об.

²⁰ Фанариотами называли греческое население константинопольского района Фанар.

²¹ Перотами, или франками, называли христианское население константинопольских районов Пера и Галата.

В начале XVIII в. тайными агентами России в Царьграде были переводчики и секретари иностранных дипломатических представительств: секретарь голландского посла Якоба Колиера (1694–1725 гг.) Вильям Тейлс (ум. 1725 г.) и его сыновья, Доменико Форнет и его сыновья, секретарь английского посла в Константинополе сэра Роберта Саттона (1700–1717 гг.) Лука Барка-старший и его племянники, а также драгоманы других дипломатических представительств западноевропейских посольств и миссий на Босфоре: Гаспар Теста, Жан-Батиста Савар, Джованни Батиста Навон (ум. 1715 г.)²², Пьетро Бьянка, Матео Каретта и др.

Секретные сведения о военно-политическом положении Османской империи собирали представители известной цареградской семьи рагузинских драгоманов, племянники Луки Барки-старшего (ум. 1709 г.), которого Константинопольской миссии рекомендовал знаменитый торговый агент и «секретный осведомитель» С.А. Владиславович-Рагузинский. В секретной корреспонденции у дубровчан братьев Барка, как и у других «тайных приятелей» русского правительства, вместо имен были зашифрованные псевдонимы: Луку Барку именовали «Макарий Степанов» и «Лука Кириков» (ум. 1749 г.), а Николая Барку называли «Николай Чернышёв» и «Николай Кириков».

В 1707 г. после смерти главного информатора России в Константинополе Иерусалимского патриарха Досифея II его место занял представитель Римско-католической церкви в Османской империи, апостольский нунций, архиепископ Анкирский Кирилл Галани, уроженец Рагузы, принявший католичество с именем Раймондо²³. В этой связи стоит отметить, что поляк по происхождению С.Ф. Лавреуцкий до принятия православия был монахом ордена Святого Доминика, что способствовало его сближению с Галани. В дипломатической переписке упоминается еще один информатор из католической среды, завербованный П.А. Толстым — ксендз ордена Святого Бенедикта Бернарди, сообщивший о подготовке войны за испанское наследство²⁴.

П.А. Толстой собирал информацию об османской армии, отмечая, что «народ турецкой на боях велми яр», «к войне все прилежание имеют», «все их военное искусство во множестве»²⁵. Российский посланник передавал сведения о вооружении, военных инженерах, пехоте и кон-

²² Семья Навон наряду с семьей Пирон входила в число основных переводческих династий османской столицы.

²³ Фрейденберг М.М. Дубровник и Османская империя. М., 1989. С. 15–21.

²⁴ РГАДА. Ф. 89. Оп. 89/1. 1700. Д. 2. Л. 2об.

²⁵ Артамонов В.А. Русско-турецкая война 1710–1713 гг. С. 106.

нице, так как государь Петр I интересовался, не обучаются ли османы на европейский манер, на что чрезвычайный посланник написал в отчете, что «турки никогда не имели такого поведения, еже учить свою конницу европейским обучением, а в своем обыкновенном строю измлада все суть звичаны на конях сидеть»²⁶. Про османских пехотинцев П.А. Толстой писал, что «пехота турецкая янычане (янычары. — М.Я.) состоит в древнем своем обучении, а новаго никакова строю ниже слышати не хотят»²⁷. Вместе с тем П.А. Толстой, описывая иерархию в янычарском и сипахийском войсках, отметил, что жалованье янычарам, сипахи и всем военным людям выплачивалось из государственной казны, однако «янычанам иногда случается, что месяцев 6 или 8 не дают жалования за оскудением денег, и они довольствуются и терпят»²⁸.

Российское правительство нуждалось в подробной и объективной информации по состоянию морского флота в черноморских гаванях и военных крепостей на берегах Черного моря. В числе секретных инструкций П.А. Толстому было поручение выяснить «в черноморском протоке (что у Керчи) хотят ли какую крепость делать и где и какими мастерами или засыпать хотят и когда ныне ли или во время войны»²⁹. В 1702 г. венецианский посол Л. Соранцо (1699–1703 гг.), с которым у российского посланника П.А. Толстого были доверительные отношения, передал ему чертеж новой османской крепости, а в 1703 г. П.А. Толстой направил царю Петру I чертеж «Керченского гирла с новым строением»³⁰.

Через секретного агента Л. Барку-старшего, имевшего хорошие связи в османских правительственных кругах, П.А. Толстой стремился выяснить настроение Порты и ее намерения относительно судьбы Керченского пролива³¹: «на гирле керченском для возбранения ходу корабельнаго не замышляют ли каковые крепости построить»³². По сведениям Л. Барки-старшего, Порта собиралась укрепить положение в Керченском проливе за счет строительства на острове или скале крепости, но пока не приступила к этому из-за недостатка средств³³.

²⁶ Толстой П.А. Русский посол в Стамбуле. С. 99.

²⁷ Там же. С. 101.

²⁸ Там же. С. 60.

²⁹ Толстой П.А. Состояние народа турецкого в 1703 г. С. 127.

³⁰ РГАДА. Ф. 89. Оп. 89/1. 1703. Д. 3. Л. 73 об.

³¹ Шаповалов С.Н. Османские планы по закрытию Черного моря в начале XVIII в. // Общество: философия, история, культура. Краснодар. 2020. № 5. С. 78–82.

³² Толстой П.А. Описание Черного моря. С. 14.

³³ Там же. С. 28.

П.А. Толстой уверял Посольский приказ, что османы «большой страх имеют от новопостроенного царского величества морского московского флоту» и первоначально собирались засыпать проход из Азовского моря в Черное, однако окружение великого визиря, действуя под влиянием подарков, убедило его, что этот поступок навредит его положению при султанском дворе: «ежели он тою протоку засыплет, великое вечное на себя приведет бесславие и срамоту, яко бы имея страх от московских кораблей и не могуще вымыслы и воинскою силою им противится, засыпает морские протоки... и таким слухом сей везир от намерения своего о засыпании той черноморской протоки воспятился, а немерился всеконечно делать в том месте город»³⁴. Тем не менее существовала вероятность того, что в случае если между Россией и Портой начнется морская война, османское правительство готово засыпать протоку: «понеж превеликой имеют страх от московской военной флоты»³⁵.

Последнее сообщение о намерении Порты перегородить Керченский пролив было привезено из Константинополя в Россию в 1706 г. В нем содержится информация о том, что османские сановники «имеют намерение полностью загородить гирло, чтобы нельзя было пройти из Азовскаго моря в Черное»³⁶.

Переговоры П.А. Толстого с Высокой Портой по вопросу свободы русского судоходства в Черном море не увенчались успехом, и, по его словам, османы «начинают иметь великую осторожность, а паче от Черного моря», однако «о засыпании гирла морского вышло у них из мысли»³⁷.

В связи с враждебной политикой ряда европейских дворов П.А. Толстой был вынужден держать в поле зрения деятельность их дипломатических представителей. Франция поддерживала Османскую империю во время ее войны со Священной лигой, однако Высокая Порта, по словам П.А. Толстого, считала, что французы «то чинили для своих нынешних дел, а не для того, чтобы учинить приятство туркам»³⁸. Кроме того, Франция намеревалась сделать Высокую Порту своим союзником в войне за Испанское наследство и пыталась подтолкнуть Священную Римскую империю к войне с Россией. Французский посол Шарль де Ферриоль

³⁴ Толстой П.А. Состояние народа турецкого в 1703 г. С. 127–128.

³⁵ Там же. С. 128.

³⁶ Устрялов Н.Г. История царствования Петра Великого. Т. IV. Ч. 1. СПб., 1864. С. 340.

³⁷ Соловьев С.М. Указ. соч. С. 68.

³⁸ РГАДА. Ф. 89. Оп. 89/1. 1703. Д. 2. Л. 197.

Шведский король Карл XII. *Неизвестный художник. 1697 г.*

(1699–1711 гг.), пользовавшийся авторитетом среди западноевропейских коллег и имевший большое влияние на османских сановников, пытался побудить Османскую империю выступить против Австрии, в то время как Англия и Голландия стремились этому противостоять. В этой связи П.А. Толстой сообщил, что «посол французский всячески в сем трудится... Но английский и голандский [послы] отворенные очи к сему делу имеют и как могут французы противятся и уже бог весть коликое число потеряно с обеих сторон денег в различных вещах, которые в дары от них отсылаются»³⁹.

В 1705 г. Франция, имевшая союзный договор со Швецией, заключенный в 1698 г., стала еще больше сблизиться с ней и начала открыто проводить антирусскую политику в Османской империи, провоцируя ее на войну с Россией. П.А. Толстому пришлось противостоять французскому послу барону Шарлю де Ферриолю. В переписке с П.А. Толстым российский посол в Амстердаме А.А. Матвеев (1699–1712 гг.), характеризуя действия посла Франции в Константинополе Пьера Пушо Дезальера (1711–1716 гг.), отмечал, что французы «с виду друзья, а з другой стороны при Порте молотами обивают головы наши из всей души своей»⁴⁰. В 1707 г. П.А. Толстой писал, что французский король Людовик XIV (1643–1715 гг.) предписывал своему послу Ферриолю, чтобы он «всяким

³⁹ Там же.

⁴⁰ Там же. 1704. Д. 2. Л. 24.

Французский король Людовик XIV. *Неизвестный художник. 1685 г.*

образом потщился Порту привести в ссору с Российским государством и неотступно бы о том помышлял, хотя и с великим иждивением; и посол оный, умысля, что ему одному Порту в такое дело привести трудно и ведая, что явными поступками не скоро меня может осолить и я буду чинить прешкоду, того ради согласился тайно с ханом крымским»⁴¹, и в том же году в Константинополь прибыл посланец крымского хана Каплан Герая (1707–1708 гг.), который, действуя заодно с французами, «промышлял с великим прилежанием привести Порту с Российским государством в ссору»⁴².

После победы в Полтавской битве 1709 г. во время Северной войны со Швецией Россия превратилась в мощную военную державу и стала представлять прямую угрозу Османской империи, которая стремилась вывести из-под ее контроля Речь Посполитую и отвоевать Азов, что стало одной из основных причин начала Русско-турецкой войны 1710–1713 гг.

В начале 1710 г. Россия занималась строительством флота на Дону и гавани в Таганроге. Великий визирь Кепрюлюзаде Нуман-паша во время беседы с П.А. Толстым поинтересовался причиной строительства большого количества судов на Дону, на что российский посланник отвечал, что достраивались давно заложенные корабли и царь Петр I

⁴¹ Там же. 1707. Д. 2. Л. 50.

⁴² Там же. Л. 31.

Османский султан Ахмед II. Художник Капыдаглы. XVIII в.

не предпринимает никаких враждебных действий при существующем между двумя государствами перемирии.

Французский и шведский дворы продолжали подталкивать Османскую империю к развязыванию войны с Россией. 7/18 ноября 1710 г. при подстрекательстве «зложелателей» французского посла Пьера Пушо Дезальера⁴³ и крымского хана Девлет II Герая (1709–1713 гг.), «метавшихся всюду денно и нощно как бешеные собаки», а также шведского посланника при Порте Мартина Нейгебауера (1709–1711 гг.) султан Ахмед III (1703–1730 гг.) объявил войну России. Томас Функ (1711–1713 гг.), сменивший на посту М. Нейгебауера, продолжил «злонамеренную» политику Швеции в отношении России с целью сорвать проведение мирных переговоров. Так, шведы, «нарядя своего секретаря в турецкое платье», неоднократно подавали «мемориалы» султану Ахмеду III, когда тот ходил в мечеть Айя-София. Великий визирь Силахдар Сулейман-паша (1712–1713 гг.) отмечал, что Т. Функ и его сотрудники надевали «арнаутское, а иное армянское платье» и ходили «по ночам неведомо куды и многия разглашают лжи и всеають, где могут плевелы... к тому прочие безделицы... и что оные забавляются с турецкими блятками»⁴⁴. Силахдар Дамат Али-паша (1713–1716 гг.) также обращал внимание на то, что

⁴³ Спустя почти 40 лет его сын Роланд Пушо Дезальер (1747–1755 гг.) будет послом Франции в Константинополе.

⁴⁴ Артамонов В.А. Русско-турецкая война 1710–1713 гг. С. 106.

Османский султан Ахмед III. *Неизвестный художник. XVIII в.*

шведские и польские дипломаты занимались распространением анти-русских слухов и разглашений среди константинопольских жителей.

Цесарский⁴⁵ резидент при Высокой Порте Иоганн Людвиг фон Тальман (1703–1711 гг.) дезинформировал османское правительство, сообщая ему заведомо ложные сведения, в том числе клеветническую информацию об амбициях Петра I, распространяя разглашения, якобы цесаревич Алексей, находясь в Вене, «жену берет цесарскую». Провокация И.Л. фон Тальмана вызвала подозрение, что он был подкуплен французами⁴⁶. Сменивший его на посту цесарского резидента в Константинополе Ансельм Франц фон Флейшман (1711–1719 гг.) также занимался распространением заведомо ложной и искаженной информации о России. Шведские дипломаты пугали Порту, что Петр I создаст «греко-восточную монархию» на развалинах Османского государства. Ходили слухи, что шведы предоставляли османам отпечатанные в Амстердаме гравюры с изображением русского царя и надписью «Греческий импе-

⁴⁵ Дипломатических представителей венского двора в Константинополе называли «чрезвычайными интернунциями» и «римскими императорскими интернунциями», так как Австрия заключила с Портой перемирие и поэтому имела при ней лишь временного представителя. В XVIII в. эмиссаров Священной Римской империи при Порте именовали «римско-цесарскими резидентами» или «венгерско-богемскими резидентами». Это название перешло на постоянного австрийского посланника при османском дворе.

⁴⁶ Артамонов В.А. Русско-турецкая война 1710–1713 гг. С. 240.

ратор»⁴⁷. Англия, Австрия, Голландия и Венеция также вмешивались во внутренние дела Порты, однако действовали аккуратно, открыто не выступая за войну России с Османской империей.

Таким образом, в начале XVIII в. благодаря деятельности в Царьграде выдающихся русских дипломатов П.А. Толстого и П.П. Шафиров на Босфоре была создана разветвленная разведывательная сеть с множеством секретных каналов и тайных агентов, своевременно предоставлявших в Посольский приказ достоверную и полезную информацию, вносящую вклад в выстраивание внешней политики России в Османской империи и укрепление российских позиций на международной арене.

⁴⁷ Артамонов В.А. Россия и Речь Посполитая после Полтавской победы (1709–1714 гг.). М., 1990. С. 69.

References

1. Artamonov V.A. Rossiya i Rech Pospolitaja posle Poltavskoj pobedy (1709–1714) [Russia and Polish-Lithuanian Commonwealth after the Poltava victory (1709–1714)]. M., 1990 (*in Russian*).
2. Artamonov V.A. Russko-turetskaja vojna 1710–1713 [Russian-Turkish war 1710–1713]. M., 2019 (*in Russian*).
3. Bazarova T.A. Diplomatiya Petra Velikogo i Osmanskaja imperija [The diplomacy of Peter the Great and the Ottoman Empire] // Vestnik RFFI (RFBR journal). 2020. № 3 (100). P. 29–42 (*in Russian*).
4. Bazarova T.A. «Ni v kakije dela ne vstupatsja»: Rossijskie predstaviteli v Stambule v 1700–1701 gg. [Russian representatives in Istanbul 1700–1701] // Vestnik Novosibirskogo gosudarstvennogo universiteta (Bulletin of Novosibirsk State University). 2020. T. 19. № 8. P. 45–56 (*in Russian*).
5. Kulnich A.A. Rukopisnaja kopija statejnogo spiska P.A. Tolstogo v sobranii Paninih — Bludovyh [Handwritten copy of the article list] // Vestnik Bryanskogo gosudarstvennogo universiteta (Bulletin of Bryansk State University). 2019. № 1. P. 73–80 (*in Russian*).
6. Mnyakyna M.K. Tolstoj i ego opisanie Osmanskoj imperii nachala XVIII veka [Tolstoj and his description of the Ottoman Empire at the beginning of 18-th century] // Vestnik Cheljabinskogo gosudarstvennogo universiteta (Bulletin of Chelyabinsk State University). 2014. № 14 (343). Vol. 15. P. 74–77 (*in Russian*).
7. Oreshkova S.F. «Turetskoezero»: chornoemorev XV–XVII vv. [«The Turkish lake»: the Black Sea in 15-th–17-th centuries] // Vostok (Oriens). 2005. № 3. P. 18–35 (*in Russian*).
8. Shapovalov S.N. Osmanskije plany po zakritiju Chernogo morja v nachale XVIII veka [The Ottoman plans to take over the Black Sea at the beginning of 18-th century] // Obshestvo: filosofija, istorija, kultura (Society: philosophy, history, culture). Krasnodar. 2020. № 5. P. 78–82 (*in Russian*).
9. Tolstoj P.A. Opisanie Chernogo morja, Egejskogo arhipelaga i osmanskogo flota [The description of the Black Sea, Aegean Archipelago and the Ottoman fleet]. M., 2006 (*in Russian*).

10. *Yakushev M.M.* «V protivnost miru... nichego ne chinitjsja». Ot Tsargrada do Belgrada: rossiysko-osmanskie voenno-diplomaticheskie otnoshenija (1700–1740 gg.)». [«In opposition to peace noting is done». From Tsargrad to Belgrade: Russian-Ottoman military and diplomatic relations (1700–1740)] // *Voенно-istoricheskiy ghurnal (Military Historical Journal)*. 2024. Vol. 1 (765) / . P. 76–87 (*in Russian*).
11. *Yakushev M.M.* Stanovlenie russkoj diplomatii i razvedki na Bosphore v 1700–1720 gg. [Establishment of Russian diplomacy and military intelligence on the Bosphorus in 1700–1720] // *Istoricheskiy vestnik (Historical Reporter)*. 2023. Vol. XLVI. N. 1. P. 46–65 (*in Russian*).
12. *Yakushev M.M.* Tseremonial prijoma inostrannyh poslov pri osmanskom dvore v vospriyatii Rossijskih diplomatov v XVIII – nachale XIX veka [Ceremonial Reception of Foreign Ambassadors at the Ottoman Court in the Perception of Russian Diplomats (18-th – early19-th century)]. M., 2024 (*in Russian*).

Ключевые слова:

Россия; Высокая Порты; Черное море; Константинопольский мирный договор 1700 г.; Петр Толстой; Петр Шафиров; тайная дипломатия; внешняя политика

Mikhail M. Yakushev

Russian Secret Diplomacy in Tsargrad in 1701–1710a

The article touches upon the creation and the development of the Russian intelligence network in Tsargrad after the establishment of the Russian permanent diplomatic mission on the Bosphorus in the context of international relations. The Russian government recognized the importance of the Azov Sea, the Kerch Strait and the Black Sea in the relations between the Russian and the Ottoman states at the beginning of the 18th century. These relations shaped a part of the main directions of Russian foreign policy in the region. Russia sought to obtain the right to free navigation through the Strait of Kerch and the Black Sea. The Sublime Porte intended to implement the plan to close the Kerch Strait for Russian vessels and to prohibit them to enter the Black Sea. In 1701–1710 diplomatic and military intelligence contributed to the target of Peter the Great to open the Black Sea for Russia.

Keywords: Russia; Sublime Porte; the Black Sea; the Peace Treaty of Constantinople (1700); Piotr Tolstoj; Piotr Shafirov; Secret Diplomacy; Foreign Policy

Mikhail M. Yakushev — Ph.D in History, First Secretary of Historical and Documentary Department of the Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation.

SPIN-код: 8178-3806, AuthorID: 875714

mmyakushev456@gmail.com

Якушев Михаил Михайлович

кандидат исторических наук, первый секретарь Историко-документального
департамента МИД России, старший научный сотрудник

Института востоковедения РАН

SPIN-код: 8178-3806, AuthorID: 875714

mmyakushev456@gmail.com

М.В. Королева

Крестоприводные пошлины при присяге губных старост, целовальников, дьячков и тюремных сторожей

В приказной документации XVII в. встречаются упоминания о крестоприводных пошлинах. Эти сборы платились губными старостами, целовальниками, дьячками и тюремными сторожами при принесении присяги (целовании креста, приведении к вере). Крестоприводные пошлины упоминаются в научной литературе¹, но исследователи не изучали, за что и каким образом эти пошлины взимались.

Документы об уплате крестоприводных пошлин хранились в архивах приказов, которые занимались их сбором. До 50-х гг. XVII в. эти пошлины сдавались в Разбойный приказ², после — в Печатный³. Указы и другие распоряжения относительно уплаты крестоприводных пошлин поступали как из Разбойного приказа, так и из Печатного приказа⁴.

¹ Глазьев В.Н. Власть и общество на юге России в XVII в.: противодействие уголовной преступности. Воронеж, 2001. С. 196; Воробьев А.В. Об особенностях организации губных изб в России середины XVII в. // Русь, Россия: Средневековье и Новое время. Вып. 6: Шестые чтения памяти академика РАН Л.В. Милова. Материалы к Международной научной конференции. Москва, 21–22 ноября 2019 г. М. Изд-во Московского университета, 2019. С. 610.

² Государственный архив Воронежской области (далее — ГА ВО (Воронежская область)). Ф. И-182. Оп. 6. Д. 55. Л. 1. 1 об.

³ Российский государственный архив древних актов (далее — РГАДА). Ф. 371. Оп. 2. Д. 68; Д. 81.

⁴ Акты, относящиеся до юридического быта древней России (далее — АЮБ). СПб., 1884. Т. 3. № 323. Стб. 233–235, 237–238, 241, 244, 247.

К сожалению, архив Разбойного приказа уцелел лишь частично. Его сохранившиеся документы оказались в составе различных фондов и коллекций РГАДА⁵. В этих источниках упоминания о крестоприводных пошлинах отсутствуют.

Документы Печатного приказа, содержащие отписки губных старост о приведении губных целовальников, дьячков, тюремных сторожей к присяге, а также отчеты о платежах присягнувшими крестоприводных пошлин, были выявлены в фонде Преображенского и Семеновского приказов РГАДА⁶. Упоминания о крестоприводных пошлинах есть и в документах фондов некоторых приказных изб⁷, а также в коллекции «Приказные дела новой разборки»⁸ РГАДА.

Региональные архивы также хранят царские указы и отписки губных старост о присягах и сборе крестоприводных пошлин с целовальников, дьячков и тюремных сторожей. Так, в делопроизводственном комплексе Воронежской приказной избы содержатся памяти воронежским губным старостам и их отписки в Москву о ведении воровских и разбойных дел за 1635–1636 гг.⁹ На этот комплекс обратил внимание В.Н. Глазьев. Он использовал эти источники для изучения правительственной политики в отношении местного управления на юге России в XVII в.¹⁰ В документах Воронежской приказной избы содержится самое раннее из известных упоминаний об уплате крестоприводных пошлин в отписке губного старосты Воронежа Богдана Кречкова (Крячкова) за 1635 г. В этой отписке Богдан Кречков сообщал царю о том, что он исполнил поручение. Староста должен был выяснить, были ли приведены к крестному целованию воронежские губные целовальники и платили ли они крестоприводные пошлины за прошлые годы. Кречков изучил старые записи («крестоприводные памяти») и расспросил самих целовальников. В результате ему удалось выявить и взыскать долг с трех целовальников. Собранные деньги, отписка и роспись имен лиц, целовавших и не целовавших крест в Москве

⁵ РГАДА. Ф. 137, 210, 371, 396.

⁶ РГАДА. Ф. 371. Оп. 2. Д. 68, 81.

⁷ РГАДА. Ф. 1107. Оп. 1. Д. 1948.

⁸ РГАДА. Ф. 159. Оп. 5. Д. 1379.

⁹ ГА ВО (Воронежская область). Ф. И-182. Оп. 6. Д. 55.

¹⁰ Глазьев В.Н. Власть и общество на юге России в XVII в.: противодействие уголовной преступности. Воронеж, 2001. С. 31–32.

и в Воронеже, а также лиц, плативших и не плативших крестоприводные пошлыны с 1629 г. по 1635 г., были посланы в Разбойный приказ¹¹.

Также в коллекции столбцов XV–XVII вв. Государственного архива Вологодской области хранится дело о неуплате в архиерейскую казну крестоприводной пошлыны вологодскими губными целовальниками Иваном Никитиным с товарищами. Это дело включает отписку стряпчего Филиппа Караулова архиепископу Вологодскому и Белозерскому от 16 июля 1683 г. Стряпчий сообщал архиепископу о том, что губные целовальники в Разбойном приказе подали челобитную, в которой жаловались: «В нынешнем, государи, во 191 году по вашему великих государей указу и по грамоте из Разбойного приказу велено на нас, сиротах ваших, доправить крестоприводные пошлыны на прошлой на 190 год и на нынешней 191 год. А нам, сиротам вашим, тех крестоприводных пошлын платить нечем, потому что вологжане посацкие и вологодского архиепископа вотчинные и уездные мирские люди розных паместей и вотчин старосты и крестьяне нам, сиротам, наемных денег не дают за многие годы. И стоим в тех крестоприводных ден[ь]гах на правеже и помираем голодную смертью и в конец погибаем». Вологодские губные целовальники отмечали в своей челобитной, что служат они с 1678 г. «без перемены», а «...вологодские посадские и уездные старосты и крестьяне по многим наказным памятям и посылкам чинятца непослушны, в очередь в губных целовальников и тюремных сторожей не дают, а вологодского архиепископа с вотчины со 183 году губного целовальника и тюремного сторожа не дают же»¹². Упоминания о крестоприводных пошлынах встречаются в источниках вплоть до конца XVII в.¹³

Губные старосты перед тем, как сдавать дела, составляли специальные росписи, в которых указывали список документов, хранившихся в губной избе (царские грамоты, списки выборов¹⁴, материалы досмо-

¹¹ ГА ВО (Воронежская область). Ф.И-182. Оп. 6. Д. 55. Л. 1–2 об.

¹² Государственный архив Вологодской области (далее — ГА ВО (Вологодская область)). Ф. 1260. Оп. 1. Д. 6115. Л. 4–5.

¹³ Царская грамота на Вологду стольнику и воеводе Ивану Кирилловичу Захарову с товарищами о невзимании с монастырских вотчин Вологодского уезда крестоприводных денег и нововведенных поборов от ноября 1696 г. // Летопись занятий археографической комиссии. 1914 г. Петроград: Тип. М.А. Александрова, 1915. № 2032.

¹⁴ Выборы — протоколы избрания должностных лиц (старост, целовальников, тюремных сторожей), содержащие информацию о времени, месте избрания, составе избирателей, обязанностях избранных и подписи.

тров, челобитные, имена тюремных сидельцев и т. п.). Одна из таких росписей была опубликована¹⁵. По этой росписи ростовский губной староста Василий Захарьевич Озеров сдал дела за 1652–1662 гг. воеводе Григорью Ивановичу Пустошкину. В ней содержались царские грамоты из Печатного приказа, памяти из Разбойного приказа и черновики отписок об уплате губными целовальниками и сторожами крестоприводных пошлын.

Следует отметить, что известные мне источники о выборах и приведении к крестному целованию или к вере должностных лиц земского самоуправления не содержат упоминаний об уплате ими каких-либо связанных с присягой сборов. Но есть документ, свидетельствующий о том, что крестоприводные пошлыны брались также с сотских и с пятидесятских, которые принимали присягу. Это отписка дьячка Белозерской губной избы от 1672 г. В ней сообщалось: «По указу великого государя и по наказу с Вологды стольника и воеводы Якова Волинского на Белоозере губные старосты вологоцкой Яков Кузмин, Юда Белозерской, Степан Торжнев да отставной дворянин Данило Вичерской и белозерец Иван Хлуденев крестоприводных денег с соцких и с пятидесяцких имали по шеснатцати алтын и по четыре ден[ь]ги с человека. И того ж числа ему соцкому Никитке наказная память дана и к вере он, Никитка приведен, и крестоприводные ден[ь]ги 8 алтын две ден[ь]ги взяты»¹⁶.

Уставные книги Разбойного приказа XVI–XVII вв. предписывали приводить губных старост и губных целовальников к крестному целованию¹⁷. Обряд крестного целования состоял в устном произнесении обязательств и прикосновении губами к особо почитаемому в христианстве символу и святыне — кресту. Губные старосты присягали по специальной крестоцеловальной записи, сохранившийся образец которой был обнаружен, датирован (не ранее 1547 г. и не позднее 1560 г.) и опубликован Н.Е. Носовым¹⁸. Историк обратил внимание на то, что появление образца крестоцеловальной записи именно для этой должности свидетельствует об особом значении, которое при-

¹⁵ АЮБ. Т. 3. № 323. Стб. 233–235, 237–238, 241, 244, 247.

¹⁶ РГАДА. Ф. 1107. Оп. 1. Д. 1948. Л. 2.

¹⁷ Памятники русского права (далее — ПРП). Вып. 4. М., 1956. С. 186, 358; Вып. 5. М., 1952. С. 199, 235.

¹⁸ ПРП. Вып. 4. С. 186–188.

давалось обеспечению благонадежности губных старост¹⁹. Кроме того, Н.Е. Носов предположил, что появление этой записи связано с проведением правительством Ивана IV реформ в области губного управления в 1555–1556 гг. А.В. Воробьев уточнил датировку (не ранее 1550 г. и не позднее 1555 г.) на основе сравнительного анализа образца крестоцеловальной записи и наказа губным старостам сел Кирилло-Белозерского монастыря в Белозерском уезде 1549 г. и Уставной книги Разбойного приказа 1555–1556 гг.²⁰ Также исследователь обратил внимание на то, что присягающие целовали крест не только царю, царице, их детям, но и их землям. Поскольку «земля» в терминологии того времени — это население определенной административной единицы, то это означало, по мнению историка, что губные старосты «служили и были ответственны не только перед монархом, но и перед всем народом»²¹. Основные обязательства крестоцеловальной записи включали следующие обещания: хотеть добра во всем, а лиха не хотеть, не думать и не делать; разбойников и вedomых татей задерживать, проводить расследование и казнить смертной казнью; не медлить с задержанием; не помогать задержанным; следственные и судебные мероприятия, очные ставки производить «безволокитно»; «другу не дружити, недругу не мстити, посулов и поминков не имати». Завершалась запись стандартной формулой: «Целуем крест <...> на том, как в сей записи писано, потому нам и правити до своего живота по сему крестному целованью»²².

В приговоре о разбойных делах от 1555 г. устанавливалась ответственность губных старост за уклонение от присяги и исполнения ими своих обязанностей: «Которых губных старост великого князя выберут в города и в волости, и те старосты не слушают, креста целовати не едут и дел не делают, и грамот царя и великого князя не слушают, и по тех старост посылати на подводах и сажати их в тюр[ь]му, а ис тюр[ь]мы их выпускаати да на них прогоны имати. <...> А которые

¹⁹ Носов Н.Е. Очерки по истории местного управления Русского государства первой половины XVI в. М.; Л., 1957. С. 343–346; ПРП. Вып. 4. С. 186–188.

²⁰ Воробьев А.В. Крестоцеловальная запись губных старост середины XVI в. как исторический источник // История России с древнейших времен до XXI в.: проблемы, дискуссии, новые взгляды. М.: ИЦ Института российской истории РАН, 2020. С. 23–29.

²¹ Воробьев А.В. Делопроизводство Разбойного приказа как исторический источник по истории государственного управления в России XVI — первой половины XVII в.: дисс. на соискание уч. ст. канд. ист. наук: 07.00.09 / Воробьев Александр Владимирович [Место защиты: Ин-т рос. истории РАН]. М., 2012. С. 97.

²² ПРП. Вып. 4. С. 186–188.

старосты крест целовали, и те губные старосты живут на Москве за своими делы, а с Москвы не едут, и тех старост ссылати с Москвы за поруками. А появятца опять, а с Москвы не поедут, ино их сажати в тюр[ь]му на время»²³. Об уплате губными должностными лицами каких-либо пошлын при принятии присяги источники до 1629 г. не сообщают.

Царская грамота новоторжскому воеводе князю В.М. Кропоткину и подьячему Богдану Андрееву от 23 января 1627 г. о выборе губного старосты требовала: «Во всех городех устроити губных старост, дворян добрых, по спискам лутчих людей, которые бы были душею прямы и животом прожиточны, и грамоте б умели, кому б было мочно в наших делах верить и с губное б дело кого стало»²⁴. Как было отмечено В.Н. Глазьевым, на практике «повсеместного введения губных учреждений не произошло»²⁵. Но согласно информации записной книги Московского стола Разрядного приказа, 12 февраля 1627 г. из Разбойного приказа в Разрядный приказ была направлена память, на основании которой во многие города были посланы грамоты о выборе губных старост: Серпухов, Тулу, Чернь, Новосиль, Ливны, Воронеж, Елец, Алексин, Болхов, Боровск, Рузу, Можайск, Каширу, Путивль, Владимир, Суздаль, Шую, Муром, Нижний Новгород, Арзамас, Шацк, Одоев²⁶. Царская грамота новоторжскому воеводе также содержала указание: «А как губного старосту выберут и выборы вам на него дадут, и вы б о том отписали. А отписку и выборы, и губного старосту для нашего крестного целованья и для наказу прислали к нам к Москве и велели отписку и выборы подати губному старосте явитися в Разбойном приказе боярину нашему князю Дмитрею Михайловичу Пожарскому да дьяку нашему Семену Головину»²⁷. В этой грамоте нет указания на то, что следует уплатить крестоприводные пошлыны. Губной староста просто должен был прибыть в Разбойный приказ для крестного целования и получения наказа. Скорее всего, этот наказ давался в письменном виде с печатями и содержал разъяснения о полномочиях и об

²³ Там же. С. 358.

²⁴ Акты, собранные в библиотеках и архивах Российской империи Археографическою экспедициею Императорской Академии наук (далее — ААЭ). СПб., 1836. Т. 3. № 171. С. 253.

²⁵ Глазьев В.Н. Власть и общество на юге России в XVII в. С. 75.

²⁶ Русская историческая библиотека, издаваемая Археографическою комиссиею (далее — РИБ). СПб., 1884. Т. 9. С. 455.

²⁷ ААЭ. Т. 3. № 171. С. 254.

обязанностях губного старосты. За царскую грамоту с печатью следовало платить печатную пошлину. Таким образом, крестоприводные пошлыны брались за царские грамоты с печатями о полномочиях и об обязанностях должностных лиц, которые возлагались на них после присяги. Со временем факт взимания печатных пошлын после крестного целования губных старост, целовальников, дьячков и сторожей отразился в названии «крестоприводные пошлыны». В памяти Печатного приказа в Разбойный приказ от 4 мая 1634 г. говорилось, что «... государь царь и великий князь Михаило Федорович всеа Русии указал с своих государевых наказов, которые дают из Разбойново приказу губным старостам и целовальником почему им быть в губе, подписные и печатные пошлыны имать по-прежнему: с старосты по рублю, а с целовальника по полтине с человека»²⁸.

Соборное уложение 1649 г. также регламентировало избрание и деятельность выборных должностных лиц губного управления. В губные старосты предписывалось выбирать людей грамотных, порядочных и состоятельных из дворян или детей боярских, которые по причине ранения или преклонного возраста уже не могли служить. На них следовало взять выборы с подписями избирателей: «И те выборы, и дворян, и детей боярских, кого выберут в губные старосты, присылати из городов к Москве в Розбойной приказ, а в Розбойном приказе губных старост приводити ко кресту по записи, какова запись о том в Розбойном приказе. А приведчи ко кресту, отпустить их в города с наказными памятьми, а наказныя памяти давати за диячьєю приписью, почему им розбойныя и убийственныя и татиныя дела ведать. Да з губными же старосты в городех у розбойных и у татиных дел быти губным целовал[ь]ником и дьячком и у тюрем тюремным сторожем по выбору сошных же людей за крестным же целованьем. А ко кресту приводити их в городех воеводам при губных старостах. А записи почему тех губных целовал[ь]ников и дьячков и сторожей в городех ко кресту приводити, посылати в города из Розбойного приказу за диячьими приписми, а к Москве губных целовал[ь]ников и дьячков и сторожей для крестного целования из городов не присылати»²⁹.

В 1654 г. правительство отказалось от использования обряда целования креста в присягах верности, судебной, а также должностной. Были созданы и напечатаны специальные чины присяг: «Чин, бывае-

²⁸ РГАДА. Ф. 371. Оп. 2. Д. 11. Л. 85.

²⁹ Тихомиров М.Н., Епифанов П.П. Соборное уложение 1649 года. М., 1961. С. 266.

мый, како подобает приимати и уверяти обещающегося служити государю царю всею правдою»; «Чин, бываемый во явление истины между двома человекама тяжущимися»; «Чин, бываемый, како подобает егда кто хошет государю царю служити всею правдою, у его государевых дел»³⁰. Для должностной присяги, в том числе и для губных старост, целовальников, дьячков и сторожей, использовался последний чин. Присяга, совершенная в соответствии с любым из этих чинов, называлась верой³¹. Сам обряд присяги стал называться приведением к вере. Крест при произнесении обязательств ни в одном из чинов не целовали. В соответствии с порядком, установленным чинами, присягающие под руководством священнослужителя (священнослужителей) совершали комплекс ритуальных действий (чтение молитв, пение псалмов и пр.) и произносили вслух обязательства перед Евангелием вместе с рекомендованными в Нагорной проповеди Иисуса Христа словами «ей, ей и ни, ни» (Мф. 5:33–5:37). Обряд приведения к вере, таким образом, соответствовал евангельской заповеди, в отличие от крестного целования, которое хотя и имело особое идейное основание (укрепление силой креста от обманывающих злых сил)³², но, по сути, противоречило этому запрету³³. Новое название обряда присяги «приведение к вере» не вытеснило полностью из употребления привычное словосочетание «крестное целование». Например, в новоуказных статьях о татевных, разбойных и убийственных делах от 22 января 1669 г. говорилось: «А к вере приводить их губных старост в городех сыщиком по чиновной книге, а пошлыны с них имать по рублю с человека; а приведчи к вере, велеть им быть у губных дел, а наказныя памяти давать им из Разбойного приказу за дьячьей приписью, по чему им разбойныя и убивственныя и татыныя дела дела ведать. <...> Да в городех же быть у губных дел дьячком, а к вере приводить их сыщиком же, а пошлын имать с них по полтине с человека, а губным целовальником не быть. А к Москве губных старост и дьячков для крестного целованья из городов не присылать. Да у тюрем же быть для сторожи стрельцом

³⁰ Три чина присяг. [Москва]: [Печатный двор], [январь. 1654].

³¹ Словарь русского языка XI–XIV вв. М., 1989. Вып. 2. С. 299; Словарь русского языка XI–XVII вв. М., 1972. Вып. 2. С. 80.

³² Стефанович П.С. Крестоцелование и отношение к нему церкви в Древней Руси // Средневековая Русь. Вып. 5 / Отв. ред. А.А. Горский. М., 2004. С. 113.

³³ См.: Правила о крестном целовании в Служебнике XVI в. // Корогодина М.В. Исповедь в России в XIV–XIX вв.: Исследования и тексты. СПб., 2006. С. 550–551.

<...>. И приводить их к вере сыщиком же»³⁴. Введение нового обряда присяги не изменило названия сопровождавших ее денежных сборов.

Уплата крестоприводных пошлин требовалась в одинаковом размере ежегодно: с целовальников по полтине с человека, с дьячков и тюремных сторожей по полуполтине. Конечно, избранные целовальники, дьячки и сторожа не всегда могли оплатить эту сумму. В случае если кто-то умирал, то требуемые властями крестоприводные пошлины собирались на родственниках или тех, кто стал владеть «дворами» и «животами» умершего. Если кто-то отказывался платить, то власти угрожали прислать из Москвы людей для взыскания денег, возложить на неплательщиков в дополнение к долгу оплату этой поездки, а также заставить местные власти уплатить пеню. Так, в Шацке взыскивали неуплаченные пошлины за период с 1651 по 1656 г., в Вологде — с 1651 по 1655 г., в Романове — с 1652 по 1654 г.³⁵ В царской грамоте в Шацк от 18 января 1655 г. сообщалось: «А будет тех наших печатных пошлин на те на все годы с шацких з губных целовал[ь]ников из дьячков и сторожей к нам к Москве в Печатной приказ вскоре не пришлете, и мы для тех печатных пошлин пошлем с Москвы в Шатцк нарочно. И с прогонов велим брать на вас прогоны, взяв за то на вас же. Велим взят[ь] пеню бол[ь]шую»³⁶. Такое же угрожающее послание было отправлено в Кадом³⁷.

Для того чтобы собрать крестоприводные пошлины, губные старосты ставили неплательщиков на правеж (приказывали бить батогами)³⁸. Вологодский губной староста писал в 1655 г., что он собрал большую часть печатных и крестоприводных пошлин за 1651–1655 гг. и послал в Москву с губным целовальником Ивашкой Перфильевым. Также он объяснял причину задержки с отсылкой пошлин тем, что «...в тех твоих государевых печатных пошлинах бывших губных целовальников и тюремных сторожей сыскивали. И стояли они на правеже. А иные, государь, и ныне стоят на правеже. А иные, государь, не сысканы. А как, государь, те твои государевы печатные пошлины на те прошлые годы зберем сполна, и мы, холопи твои, пошлем к тебе государю тотчас»³⁹.

³⁴ Полное собрание законов Российской империи. Первое собрание. СПб., 1830. Т. I. 1649–1675 гг. № 441.

³⁵ РГАДА. Ф. 371. Оп. 2. Д. 68. Л. 17, 64, 69.

³⁶ Там же. Л. 17.

³⁷ Там же.

³⁸ Словарь русского языка XI–XVII вв. М., 1992. Вып. 18. С. 105.

³⁹ РГАДА. Ф. 371. Оп. 2. Д. 68. Л. 64.

В отписках губных старост указывались и случаи уклонения от выборов. Так, дмитровский губной староста жаловался, что в 1655 г. посадские люди никак не могли выбрать целовальников и сторожей⁴⁰. В Вологде с 1678 по 1683 г. целовальники не переизбирались, поскольку никто из посадских и уездных людей, а также людей вологодского архиепископа не хотел занимать эту должность даже по очереди и не давал никаких денег в помощь «бывшим у губных дел без перемены» целовальникам. В итоге бессменные исполнители не платили крестоприводные пошлыны на протяжении пяти лет. После того как вологодских целовальников поставили на правез, они вынуждены были обратиться с челобитной в Разбойный приказ⁴¹.

Ю.В. Арсеньев в своей работе, посвященной делопроизводству каширской губной избы, привел фрагменты документов, связанных с уплатой крестоприводных пошлын⁴². В некоторых случаях на стабильность платежей мог повлиять конфликт между воеводой и губным старостой. Так, в 1692 г. каширский губной староста Савва Кунчуров доносил в Приказ сыскных дел о том, что воевода не сдал ему выборов и других губных дел, «а которые целовальники у веры были, и он, воевода, тех целовальников распустил по домам, мне не отдал». Отметил староста и то, что губной дьячок Мишка Иванов «у губных дел сидел без крестнаго целованья»⁴³. Савва Кунчуров довольно смело распоряжался крестоприводными деньгами. Он сообщил властям о плохом состоянии губной избы: «...губные целовальники ныне у тюремного тыну живут в шалаше, а в губной избе жить им невозможно» и написал также о том, что воевода Кирилла Лихарев отдал Савве по расписке «крестоприводных денег прошлого году 3 рубли». К полученным деньгам староста прибавил рубль от крестоприводных денег каширских подьячих и честно отчитался перед властями: «...с каширских губных подьячих крестоприводных денег рубль взяв, купил я на те деньги на 4 рубля губную избу»⁴⁴. Какая реакция последовала из Печатного приказа — неизвестно. Другие случаи самостоятельного распоряжения губными старостами собранными крестоприводными пошлынами в источниках не упоминаются.

⁴⁰ Там же. Л. 70.

⁴¹ ГА ВО (Вологодская область). Ф. 1260. Оп. 1. Д. 6115. Л. 4–5.

⁴² Арсеньев Ю.В. Из делопроизводства каширских губных старост во второй половине XVII в. М., 1900. С. 4–5.

⁴³ Там же.

⁴⁴ Там же. С. 12.

Крестоприводные пошлины были связаны с присягой только названием, но объективная тяжесть этих ежегодных платежей влияла на готовность людей принимать присягу и выполнять связанные с этим должностные обязанности. Стремление избежать уплаты крестоприводных пошлин, которые старательно изыскивались губными старостами самыми разными способами (от расспросов и изучения документации губной избы до битья батогами), было основной причиной уклонения от выборов к губным делам и присяги.

References

1. Akty, odnosyashchiesya do yuridicheskogo byta drevnej Rossii. St. Petersburg: Tipografiya Imperatorskoj akademii nauk, 1884. T. 3. 272 s.
2. Akty, sobrannye v bibliotekah i arhivah Rossijskoj imperii Arheograficheskoj ekspedicii Imperatorskoj Akademii nauk. St. Petersburg: Tipografiya II Otdeleniya Sobstvennoj E. I. V. Kancelyarii, 1836. T. 3. 518 s.
3. *Arsen'ev Yu.V.* Iz deloproizvodstva kashirskih gubnyh starost vo vtoroj polovine XVII v. Moscow: Pechatnya A.I. Snegirevoj, 1900. 30 s.
4. *Glaz'ev V.N.* Vlast' i obshchestvo na yuge Rossii v XVII v.: protivodejstvie ugolovnoj prestupnosti. Voronezh: Izdatel'stvo Voronezhskogo gosudarstvennogo universiteta, 2001. 429 s.
5. *Korogodina M.V.* Ispoved' v Rossii v XIV–XIX vv.: Issledovaniya i teksty. St. Petersburg: Dmitrij Bulanin, 2006. 584 s.
6. Letopis' zanyatij arheograficheskoj komissii. 1914 g. Petrograd: Tipografiya M.A. Aleksandrova, 1915. Vyp. 27. 659 s.
7. *Nosov N.E.* Ocherki po istorii mestnogo upravleniya Russkogo gosudarstva pervoj poloviny XVI v. Moscow; Leningrad: Izdatel'stvo Akademii nauk SSSR, 1957. 408 s.
8. Pamyatniki russkogo prava. Moscow: Gosyurizdat, 1952. Vyp. 5. 667 s.
9. Pamyatniki russkogo prava. Moscow: Gosyurizdat, 1956. Vyp. 4. 632 s.
10. Polnoe sobranie zakonov Rossijskoj imperii. Sobranie Pervoe. St. Petersburg: Tipografiya II Otdeleniya Sobstvennoj E. I. V. Kancelyarii, 1830. T. 1. 1072 s.
11. Russkaya istoricheskaya biblioteka, izdavaemaya Arheograficheskoj komissiej. St. Petersburg: Tipografiya ministerstva vnutrennih del, 1884. T. 9. 576 s.
12. *Stefanovich P.S.* Krestocelovanie i otnoshenie k nemu cerkvi v Drevnej Rusi // Srednevekovaya Rus'. Vypusk 5/ Otv. red. A.A. Gorskij. Moscow: Indrik, 2004. S. 86–113.
13. *Tihomirov M.N., Epifanov P.P.* Sobornoe ulozhenie 1649 goda. Moscow: Izdatel'stvo Moskovskogo universiteta, 1961. 444 s.
14. Tri china prisjag. [Moscow]: [Pechatnyj dvor], [yanv. 1654].
15. *Vorob'ev A.V.* Deloproizvodstvo Razbojnogo prikaza kak istoricheskij istochnik po istorii gosudarstvennogo upravleniya v Rossii XVI — pervoj

- poloviny XVII v.: dissertaciya na soiskanie uchenoj stepeni kandidata istoricheskikh nauk: 07.00.09 / Vorob'ev Aleksandr Vladimirovich [Mesto zashchity: Institut rossijskoj istorii RAN]. Moscow, 2012. 308 s.
16. Vorob'ev A.V. Krestoceloval'naya zapis' gubnyh starost serediny XVI v. kak istoricheskij istochnik // Istoriya Rossii s drevnejshih vremen do XXI v.: problemy, diskussii, novyevzglyady. Moscow: IC Instituta rossijskoj istorii RAN, 2020. S. 23–29.
17. Vorob'ev A.V. Ob osobennostyah organizacii gubnyh izb v Rossii serediny XVII v. // Rus', Rossiya: Srednevekov'e i Novoe vremya. Vypusk 6: Shestye chteniya pamyati akademika RAN L.V. Milova. Materialy k Mezhdunarodnoj nauchnoj konferencii. Moscow, 21–22 noyabrya 2019 g. Moscow: Izdatel'stvo Moskovskogo universiteta, 2019. S. 609–612.

Ключевые слова:

Крестное Целование; Крестоприводная Пошлина; Приведение к Вере;
Присяга

Marina V. Koroleva

Charging Fees for Kissing the Cross

The article discusses the causes and methods of charging fees for kissing the cross. These fees were paid in the 17th century by headmen of the police district, tax-collectors, sextons and prison guards when they took the oath. Fees for kissing the cross are mentioned in scientific literature, but researchers have not studied what and how these duties were levied. The author bases on the archival documents and assumes that the headmen of the police district, tax-collectors, sextons and prison guards paid fees for kissing the cross for the letters of governmental instructions. These letters contained information about the powers and duties that officials assigned after they took the oath. The author also discusses the actions taken by the authorities to ensure the full payment of the necessary funds. As a result, the author concludes that the fees for kissing the cross were only related to the oath by name. However, the actual severity of these annual payments influenced people's willingness to take the oath and perform related official duties.

Keywords: Cross-kissing; Fees for Kissing the Cross; Bringing to Faith; Oath

Marina V. Koroleva – Senior Teacher, National Research University Higher School of Economics. (Moscow, Russia)
SPIN-код 3605-3784, ORCID 0000-0002-0843-2014, Author ID: 967085
marinna_74@mail.ru

Королева Марина Владимировна

старший преподаватель, Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования «Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»
(Москва, Россия)

SPIN-код 3605-3784, ORCID 0000-0002-0843-2014, Author ID: 967085
marinna_74@mail.ru

Исторический вестник. 2025. Т. LI
DOI: 10.35549/HR.2025.2025.51.004

А.А. Киселев

Фальшивые денежные знаки Российского правительства адмирала А.В. Колчака: в контексте сибирской и дальневосточной прессы

Фальшивомонетничество возникло практически сразу с появлением денег и денежного обращения. Данным незаконным промыслом занимались как отдельные лица, так и организованные группы людей. Известны случаи подделки денег на государственном уровне, ставшие формами экономической войны. Наибольшую активность фальшивомонетчики традиционно проявляют в период военно-политических и социально-экономических кризисов. Появление в период данных катаклизмов фальшивых денежных знаков серьезно подрывает доверие населения к деньгам, что создает еще большую напряженность в обществе и в том числе способствует росту недовольства действующей властью, не способной бороться с подобными явлениями и обезопасить свою официальную валюту. Известны случаи, когда финансовые и государственные учреждения были вынуждены скрывать факт появления в обороте подделок, а зачастую и принимать их наравне с официальной валютой. Наибольший расцвет явление фальшивомонетничества в России проявилось в военно-революционный период 1917–1922 гг. Этому способствовало разрушение единого денежного рынка и появление большого количества денежных эмиссий, имевших подчас не только экономические, но и политические функции. Выпускаемые деньги были, как правило, низкого качества.

Самой многочисленной денежной эмиссией на территории востока России в период Гражданской войны являлся выпуск Кратко-

Краткосрочное обязательство Государственного Казначейства. 250 руб.
Омск. 1 января 1919 г. Аверс. Фальшивое

срочных обязательств Государственного Казначейства Российского правительства адмирала А.В. Колчака номиналами 25, 50, 100, 250, 500, 1000 и 5000 руб. Качество их изготовления было настолько низким, что «...выпуск одного и того же достоинства отличается бумагой, краской, шрифтом. Бывает до 22 образцов одной и той же купюры. <...> Бывает также, что деньги, полученные в Казначействе, не принимаются в Государственном банке»¹. Это породило появление большого количества фальшивок. Ситуация дошла до того, что, не имея возможности улучшить качество выпускаемых обязательств, Государственный банк в соответствии с указаниями Министерства финансов был вынужден «снисходительно относиться к поступившим в кассы сомнительным обязательствам, если они недалеко отступали по исполнению от настоящих и не вызвали прямой уверенности в подделках»².

Таким образом, возникла правовая коллизия, когда государственные учреждения не препятствовали обороту фальшивок. На фоне всего этого тем странно выглядит ситуация, имевшая место быть на востоке России, в первой половине 1919 г., заключающаяся в официальном объявлении от имени Министерства финансов «Омской» власти о появлении в денежном обороте большого количества фальшивых купюр

¹ Российский государственный исторический архив Дальнего Востока (РГИА ДВ). Ф. Р-82. Оп. 1. Д. 26. Л. 2-2 об.

² Погребецкий А.И. Денежное обращение и денежные знаки Дальнего Востока за период войны и революции (1914-1924 гг.). Харбин: Общество изучения Маньчжурского края, 1924. С. 9.

5 % Краткосрочное обязательство Государственного Казначейства. 500 руб.
Омск. 1 мая 1919 г. Аверс. Фальшивое

и последующем полном отрицании Государственным банком и белыми властями правдивости данной информации.

Отдельные моменты рассматриваемой темы раскрыты в ряде исследований, посвященных, в том числе, фальшивомонетничеству в Сибири и на Дальнем Востоке России в указанный исторический период³. В контексте общей экономической ситуации и особенностей денежного обращения в указанный период вопросы подделок государственных

³ Баранов А.Г. Борьба с фальшивомонетчиками в колчаковской России // Труды МГУ Правительства Москвы. 2005. Вып. 6. С. 40–59; Киселев А.Л. Некоторые признаки подделки краткосрочных обязательств Российского временного правительства адмирала А.В. Колчака // Петербургский коллекционер (СПб). 2024. № 1(131). С. 17; он же. Политическая непризнанность Правительства Адмирала А.В. Колчака как основание для оправдания в суде: история одной группы фальшивомонетчиков // XXII Всероссийская нумизматическая конференция: тезисы докладов и сообщений, г. Смоленск, 22–26 мая 2023 г. / Техн. ред. Е.В. Захаров. Смоленск: Изд-во ИП Копыльцов П.И., 2023. С. 252–255; Петин Д.И. Денежно-эмиссионная политика советской власти и антибольшевистских режимов в Сибири (октябрь 1917 — ноябрь 1920 г.): дис. ... канд. ист. наук. Барнаул, 2011. 293 с.; он же. Фальшивомонетничество в период Гражданской войны (на примере денежных знаков Омского правительства А.В. Колчака) // Международные юридические чтения: материалы ежегодн. науч.-практ. конф. (Омск, 22 мая 2009 г.). Омск: Омский юридический институт, 2009. Ч. 1. С. 70–74; он же. Фальшивые краткосрочные обязательства Государственного Казначейства правительства А.В. Колчака как источник по истории денежного обращения в период Гражданской войны в Сибири // Известия Омского Государственного историко-краеведческого музея. 2009. № 15. С. 43–47; он же. Фальшивые краткосрочные обязательства государственного казначейства правительства А.В. Колчака: источниковедческий подход в изучении бумажных денежных знаков // Вестник Тюменского государственного университета. Гуманитарные исследования. Humanitates. 2010. № 1. С. 79–84; он же. Финансовая политика и денежное обращение в Сибири. 1917–1920: документы Исторического архива Омской области: сб. док. / Авт.-сост., науч. ред. Д.И. Петин; вступ. слово А.В. Сушко. Омск: ООО «Амфора», 2014. 224 с.

5 % Краткосрочное обязательство Государственного Казначейства. 500 руб.
Омск. 1 января 1919 г. Реверс. Фальшивое

ных обязательств нашли свое отражение на страницах монографий М.В. Ходякова⁴ и В.М. Рынкова⁵. На страницах монументальной монографии, посвященной денежному обращению на Дальнем Востоке России, финансиста и современника событий А.И. Погребецкого⁶ эта история нашла эпизодическое упоминание. Отдельно стоит выделить сборник документов, подготовленный Д.И. Петиним⁷, на страницах которого имеются документальные свидетельства, касающиеся нашего исследования.

Несмотря на перечисленные работы, полная картина происходящих событий в данном вопросе по-прежнему пока не в полной мере изучена. Здесь подчеркнем общую историографическую ситуацию, связанную с тем, что денежное обращение периода Гражданской войны является относительно нечастой проблемой, к которой обращаются академические историки, делая масштабные обобщения⁸.

Достаточно информативным источником для изучения вопроса в дальневосточном регионе является местная официальная пресса, даю-

⁴ Ходяков М.В. Деньги революции и Гражданской войны 1917–1920 годы. СПб.: Изд-во Санкт-Петербургского ун-та, 2019. 312 с.

⁵ Рынков В.М. Финансовая политика антибольшевистских правительств Востока России (вторая половина 1918 — нач. 1920-х гг.): моногр. Новосибирск: Ин-т истории СО РАН, 2006. 212 с.

⁶ Погребецкий А.И. Денежное обращение и денежные знаки Дальнего Востока за период войны и революции (1914–1924 гг.). Харбин, 1924. 419 с.

⁷ Финансовая политика и денежное обращение в Сибири. 1917–1920: документы Исторического архива Омской области: сб. док. / Авт.-сост., науч. ред. Д.И. Петин; вступ. слово А.В. Сушко. Омск: ООО «Амфора», 2014. 224 с.

⁸ Петин Д.И. Книжное осмысление истории российских бумажных денег // Известия Лаборатории древних технологий. 2023. Т. 19. № 3. С. 182–187.

щая представления о событиях, являвшаяся ключевым рупором информационного воздействия для любой власти в тот период. Учитывая, что пресса тех лет активно использовала перепечатку материалов, нередко допуская ошибки. В связи с этим для исследования равноценны издания, не только собственно выходившие в Приморье, но фактически на всем белом востоке России. Для работы с информацией, полученной из газет, нами использовался метод контент-анализа с выделением риторики ее доведения до широких масс населения (т.е. способ подачи материала).

Отметим, что официальные газеты были распространителями не всегда до конца проверенной информации. При этом важно учитывать, что слухи в эпоху социальных катаклизмов — инструмент влияния на людские массы. В этом смысле наша наработка в данном ключе актуальна, поскольку в историографии сегодня история слухов применительно к революционному социуму стала одним из исследовательских трендов⁹. Тема влияния слухов на «массовые настроения» людей в период Первой мировой войны и революций 1917 г. нашла свое отражение в монографии В.Б. Аксенова¹⁰.

С одной стороны, сегодня деятельность правительства Колчака не является предметом массового анализа и исследования, с другой — многие события, происходящие в тот период, интересны с точки зрения анализа событий, происходящих на фоне острого военно-политического кризиса общества. Раскрытие темы позволяет нам рассмотреть влияние информации, распространяемой через средства массовой информации на общественное мнение и ситуацию в региональных финансах через призму социально-политических, военных и экономических потрясений.

Согласимся с мнением авторитетного российского историка Р.Г. Гагкуева, подчеркивающего особую важность взвешенного и детального отношения исследователей-профессионалов к событиям Гражданской войны в России¹¹. Ситуация, рассмотренная нами в данной работе — характерный тому пример.

6 мая 1919 г. газета «Сибирская речь»¹² сообщила о том, что в Омске обнаружены фальшивые краткосрочные обязательства Государственно-

⁹ См.: Аксенов В.Б. Слухи, образы, эмоции. Массовые настроения россиян в годы войны и революции (1914–1918). М.: Новое литературное обозрение, 2020. 992 с.

¹⁰ Там же.

¹¹ Гагкуев Р.Г. «Рассказывать сегодня о Гражданской войне нужно сдержанно, без стремления взять чью-то сторону...» // Омский научный вестник. Сер. Общество. История. Современность. 2024. Т. 9. № 1. С. 8–9.

¹² «Сибирская речь» — ежедневная газета, официальный печатный орган Омского комитета кадетской партии «Народная свобода». Выходила в 1917–1919 гг.

го Казначейства номиналами 25, 50, 100, 500 и 1000 руб.¹³ В номере от 8 мая упомянутая газета в своей заметке дополнительно проинформировала население о том, что¹⁴:

«В последнее время на рынке появились в большом количестве поддельные деньги 25, 50, 100, 250, 500 и 1000-рублевого достоинства. Государственное Казначейство снабдило торговцев особым списком номеров серий поддельных денег.

Список поддельных денег: 25 руб. — АА 0026, АА 0026, АА 0027, АА 0028, АА 0029, АА 0030; 50 руб. — АА 0051, АА 0059; Б-Б 0061; 100 руб. — ББ 0081; 250 руб. — 86299; 500 руб. — 7216; 1000 руб. — 11200».

9 мая 1919 г. на страницах официального печатного издания Временного Российского правительства — «Правительственного вестника» под заголовком «Министерство финансов» было размещено объявление, фактически повторяющее объявление из газеты «Сибирская речь» от 8 мая¹⁵, но с ошибками в перечисляемых номерах и сериях¹⁶:

«Государственным Казначейством открыта подделка краткосрочных казначейских знаков. Поэтому Государственным Казначейством разосланы по всем торгово-промышленным учреждениям предостережения с указанием поддельных номеров.

Таким образом оказываются поддельными:

Тысячирублевки №№ 11200 и 00200, двухсотпятидесятирублевки № 862, сторурублевки 0083, пятидесятирублевки 7216, АА 9051, БВ 0051 и 59 и двадцатирублевки АА 26, 27, 29.

Все деньги очень хорошо подделаны и открыть можно с большим трудом.

Выделяет подделку более худшее качество бумаги».

К локализации распространяемой информации и прекращению слухов среди населения подключились региональные власти и финансовые и правоохранительные органы Омского правительства.

Региональные власти, узнав о распространении информации о фальшивых обязательствах от имени Министерства финансов, немедленно обратили на это внимание. Так, управляющий Акмолинской областью С.С. Резанов 10 мая 1919 г. направил срочную телеграмму управляюще-

¹³ Фальшивые краткосрочные обязательства // Сибирская речь (Омск). 1919. 6 мая. № 94. С. 4.

¹⁴ Поддельные деньги // Сибирская речь (Омск). 1919. 8 мая. № 96. С. 4.

¹⁵ Там же.

¹⁶ Министерство финансов // Правительственный вестник (Омск). 1919. 9 мая. № 131. С. 2.

му Омской городской милицией, уведомил его о появлении в № 96 газеты «Заря» от 9 мая 1919 г. заметки «Фальшивые деньги» и предложил: «немедленно дознать и донести <...> по чьему распоряжению напечатана в “Заре” сказанная заметка»¹⁷. Исполнение поручения было возложено на начальника 3-го участка милиции города Омска, который лишь 27 мая 1919 г. рапортом доложил в Управление Омской городской милиции о том, что во исполнение поручения № 8163 по поводу публикации в № 96 газеты «Заря» заметки «Фальшивые деньги» им был опрошен секретарь редакции данной газеты. Последний пояснил, что заметка «была напечатана согласно телефонограмме, полученной редакцией из Министерства финансов»¹⁸.

Министр внутренних дел В.Н. Пепеляев, получив телефонограмму от управляющего Государственным банком С.И. Рошковского, направленную им 9 мая в Управление делами Совета министров и Верховного правителя, 12 мая 1919 г. направил циркулярную телеграмму в адрес управляющих губерниями и областями с опровержением информации, изложенной в объявлении от 9 мая¹⁹.

На следующий день управляющий Акмолинской областью С.С. Резанов в срочной телеграмме начальнику Омской городской милиции, прилагая к ней копию циркулярной телеграммы управляющего Министерством внутренних дел от 12 мая за № 8, предлагал ему «отдать распоряжение о немедленном изъятии из обращения распространяемых по городу печатных листов, заключающих в себе перечень якобы фальшивых казначейских знаков (образец прилагается), лиц, распространяющих такие списки, задерживать и привлекать к законной ответственности»²⁰.

В этот же день в адрес управляющего Акмолинской областью С.С. Резанова поступило письмо от управляющего Государственным банком С.И. Рошковского, в которой последний, ссылаясь на поручение министра финансов, обращался с просьбой о размещении на страницах местных газет и расклейке объявлений за подписью управляющего областью следующего содержания: *«В Омске неизвестно откуда появились списки якобы фальшивых кредитных знаков разных достоинств, выпущенных правительством. Списки эти предъявляются в кассах, служа причиной*

¹⁷ Финансовая политика и денежное обращение в Сибири... С. 108.

¹⁸ Там же. С. 113.

¹⁹ Там же. С. 109, 127.

²⁰ Там же. С. 110.

5% Краткосрочное обязательство Государственного Казначейства
 Российского правительства адмирала А.В. Колчака. 1000 руб.
 Срок 1 июня 1920 г. Аверс

недоразумений с публикой. Объявляю: все такие списки подложны; те, кто их составил, хотел сознательно создать вред государству. Те, кто их распространяет, совершает государственное преступление. Все те, кто эти списки принимает на веру и руководствуется ими, потворствуют преступникам и будут привлечены к ответу. Особенная ответственность лежит на кассирах правительственных, банковских и кредитных учреждений, торговых, промышленных и иных заведений. Их предупреждаю. Приглашаю население меньше верить провокационным слухам и руководствоваться официальными распоряжениями»²¹.

Уже 10 мая на страницах газеты «Сибирская речь»²², а 11 мая в «Правительственном вестнике»²³ было опубликовано опровержение напечатанной ранее информации за подписью управляющего Государственным банком С.И. Рошковского. В частности, сообщалось: «За последнее время в повременной печати появились известия о большом количестве поддельных обязательств Государственного Казначейства, кроме того, кем-то усиленно распространяются списки с номерами якобы поддельных обязательств. Такого рода списки имеются не только среди частных лиц, торговцев, но и в некоторых правительственных и общественных учреждениях, а по некоторым данным и в воинских частях, причем по слухам делаются распоряжения о не приеме обязательств, помещенных в списках. Ввиду этого Государственный Банк находит

²¹ Там же. С. 110–111.

²² От Государственного банка // Сибирская речь (Омск). 1919. 10 мая. № 98. С. 3.

²³ От Государственного банка // Правительственный вестник (Омск). 1919. 11 мая. № 133. С. 2.

необходимым сообщить, что никаких списков с указанием поддельных обязательств Государственным Банком не издавалось и что распространение всех подобного рода слухов, направленных к подрыву доверия населения к денежным знакам Российского правительства, является результатом злостной провокации»²⁴.

Кроме того, «к сему отделение банка считает необходимым приобокупить, что в отделениях банка и казначействах при возникновении сомнений в подлинности денежных знаков производится сравнение таковых с образцами, независимо от значащихся на денежных знаках номеров и серий»²⁵.

В последующих трех номерах газета «Сибирская речь» размещала повторно данное объявление на своей передовой странице, правда несколько в сокращенном виде²⁶. Почти сразу новое объявление с опровержением из «Правительственного вестника», подписанное управляющим Государственным банком С.И. Рошковским, было растиражировано на страницах сибирских и дальневосточных газет²⁷.

Екатеринбургская газета «Отечественные ведомости» от 11 мая 1919 г. со ссылкой на Министерство финансов Российского правительства сообщила о том, что «до сих пор подделок не наблюдалось, списка серий поддельных обязательств никому не давалось и все слухи являются провокацией»²⁸.

Не остался в стороне и Владивосток. Контролер Владивостокского отделения Государственного банка 12 мая 1919 г. на страницах газеты

²⁴ От Государственного банка // Сибирская речь (Омск). 1919. 10 мая. № 98. С. 3; От Государственного банка // Правительственный вестник (Омск). 1919. 11 мая. № 133. С. 2.

²⁵ О поддельных казначейских знаках // Эхо (Владивосток). 1919. 15 июня / Финансовая политика и денежное обращение в Сибири... С. 115.

²⁶ От Государственного банка // Сибирская речь (Омск). 1919. 11 мая. № 99. С. 1; От Государственного банка // Сибирская речь (Омск). 1919. 13 мая. № 100. С. 1; От Государственного банка // Сибирская речь (Омск). 1919. 14 мая. № 101. С. 1.

²⁷ Государственный банк объявление // Отечественные ведомости (Екатеринбург). 1919. 13 мая. № 99. С. 1; Объявление // Вестник Приуралья (Челябинск). 1919. 15 мая. № 46. С. 1; Объявляя телеграмму... // Вестник острова Сахалин (Александровск). 1919. 19 июня. № 28. С. 1; От Государственного банка // Наша Заря (Омск). 1919. 11 мая. № 99. С. 3; От Государственного банка // Наше дело (Иркутск). 1919. 16 мая. № 117. С. 1; От Государственного банка // Пермские губернские ведомости (часть официальная) (Пермь). 1919. 29 мая. № 16. С. 1; Объявление Государственного банка // Амурская жизнь (Благовещенск). 1919. 7 июня. № 116. С. 1; Объявление Государственного банка // Искра (Благовещенск). 1919. 6 июня. № 9. С. 1.

²⁸ Опровержение ложных слухов // Отечественные ведомости (Екатеринбург). 1919. 11 мая. № 98. С. 3.

5% Краткосрочное обязательство Государственного Казначейства
Российского правительства адмирала А.В. Колчака. 100 руб.
Срок 1 января 1920 г. Аверс

«Дальневосточное обозрение» разместил информацию о том, что «5% краткосрочные обязательства тысячерублевого достоинства срока 1-го июля 1920 г., всеми конторами банка, за исключением явно фальшивых, принимаются во все платежи и на текущие счета безпрепятственно. Появляющиеся в некоторых изданиях объявления с указанием литер обязательств, не принимаемых Государственным банком, не соответствуют действительности»²⁹.

Несмотря на проводимые мероприятия и появившиеся опровержения, некоторые дальневосточные газеты продолжали перепечатывать объявление из «Правительственного вестника» от 9 мая 1919 г.³⁰, отмечая при этом, что по данному вопросу необходимо «официальное разъяснение местного отделения Государственного банка», являются ли указанные номера поддельными³¹.

Владивостокская газета «Эхо», разместившая на страницах № 73 от 4 июня статью «Подделка казначейских знаков», в своем номере от 15 июня напечатала статью-опровержение опубликованной информации под названием «О поддельных казначейских знаках». В качестве причин указывалось, что информация была взята из «Правительственного вестника» от 9 мая, а также то, что на запрос редакции в адрес

²⁹ От Владивостокского Контролера Государственного банка // Дальневосточное обозрение (Владивосток). 1920. 12 мая. № 321. С. 1.

³⁰ Недоразумение с деньгами // Дальневосточное обозрение (Владивосток). 1919. 13 мая. № 57. С. 2; Подделка казначейских знаков // Эхо (Владивосток). 1919. 4 июня. № 73.

³¹ Недоразумение с деньгами // Дальневосточное обозрение (Владивосток). 1919. 13 мая. № 57. С. 2.

управляющего Государственным банком был получен ответ об ошибочности размещенной информации³².

Благовещенской газете «Наши дни», напечатавшей заметку о том, что в городе появились фальшивые 5% Краткосрочные обязательства Государственного Казначейства, уже в следующем выпуске пришлось выпускать опровержение данной информации. Это было сделано на основании разъяснения, полученного от управляющего Благовещенским отделением Государственного банка о том, что *«до настоящего времени ни одного случая предъявления в кассу отделения Государственного банка указанных фальшивых обязательств не было»*³³.

Пользуясь слухами, появившимися после публикации о появлении фальшивых обязательств, в китайском Сахаляне³⁴ предприимчивые спекулянты начали скупать Краткосрочные обязательства на 50% ниже их номинальной стоимости³⁵, получая на этом прибыль.

Благовещенской газете «Искра», перепечатавшей с опозданием информацию из «Правительственного вестника» от 9 мая 1919 г. в номере от 3 июня 1919 г.³⁶, получив отношение от Благовещенского отделения Государственного банка, в котором сообщалось, что *«помещенные в названной заметке сведения не отвечают действительности. До настоящего времени случая предъявления в кассу отделения фальшивых казначейских обязательств за указанными в заметке номерами не было и распоряжений из Центрального управления Государственного банка по этому вопросу в распоряжении отделения банка не имеет»*, также пришлось написать опровержение³⁷.

При этом газета отмечала, что это уже второй случай «опровержения» их сообщений о существовании подделок Краткосрочных обязательств. Уточнялось, что в первом случае редакция газеты была убеждена в существовании подделок. Но получив по требованию подтверждение от местного отделения Государственного банка, которое *«сочло благоразумным “выгородить” денежные знаки»*, написала опровержение размещенной информации. Что касается второго опровержения, то тут вина, как считала газета, полностью лежит на «Правительственном вестнике»,

³² Финансовая политика и денежное обращение в Сибири... С. 115.

³³ Разъяснение // Наши дни (Благовещенск). 1919. 27 апреля. № 55. С. 3.

³⁴ Современный город Хэйхэ.

³⁵ Недоразумение с деньгами // Дальневосточное обозрение (Владивосток). 1919. 13 мая. № 57. С. 2.

³⁶ Подделки // Искра (Благовещенск). 1919. 3 июня. № 6. С. 3.

³⁷ Нам прислано // Искра (Благовещенск). 1919. 6 июня. № 9. С. 3.

со страниц которого оно и было перепечатано. Газета в ответ на то, что Благовещенское отделение Государственного банка называет подобного рода сообщения «злостной провокацией», спрашивала со своих страниц: «кто же занимается провокацией?»³⁸.

С целью пресечения распространения «недостовой» информации в газетах, согласно распоряжению начальника Благовещенского гарнизона, опубликованного на страницах благовещенской газеты «Искра» от 6 июня 1919 г., предварительная цензура в городе упразднена. За появление в печати противогосударственных статей редакторы должны были привлекаться к ответственности по законам Временного правительства³⁹.

На страницах благовещенской газеты «Амурская жизнь» объявление за подписью управляющего Государственным банком С.И. Рошковского было размещено только 15 июня 1919 г.⁴⁰

27 июня 1919 г. на страницах газеты «Искра» был опубликован официальный приказ начальника Благовещенского гарнизона № 189 следующего содержания: «За последнее время в местных газетах, в частности в газете “Искра”, несмотря на опровержение местного отделения Государственного банка, помещаются заметки о появлении в обращении фальшивых краткосрочных обязательств государственного казначейства с указанием их номеров. Принимая во внимание, что эти заметки направлены к подрыву доверия населения к денежным знакам Российского Правительства, почему за появление в будущем подобных явно провокационных заметок буду виновных подвергать денежному штрафу до трех тысяч рублей или заключению в тюрьму до трех месяцев». В продолжение темы газета указывала, что вся информация, изложенная на страницах газеты, была взята из «Правительственного вестника», который является «официальным органом» и «которому не доверять не было оснований». Таким образом «вся вина ложится на “Правительственный вестник”, взволновавший абсолютно всю Сибирь своей заметкой»⁴¹.

Необходимо отметить, что на самом деле информация о появлении в денежном обороте фальшивых Краткосрочных обязательств Государ-

³⁸ От редакции // Искра (Благовещенск). 1919. 6 июня. № 9. С. 3.

³⁹ Хроника // Искра (Благовещенск). 1919. 6 июня. № 9. С. 3.

⁴⁰ Объявление Государственного банка // Амурская жизнь (Благовещенск). 1919. 15 июня. № 122 (184). С. 1.

⁴¹ Еще о сибирских денежных знаках // Искра (Благовещенск). 1919. 27 июня. № 26. С. 3.

ственного Казначейства появилась задолго до объявления от 9 мая 1919 г. Еще в марте 1919 г. во Владивостоке стали распространяться слухи о появившихся в обращении большого количества фальшивых обязательств Государственного Казначейства и даже указывались их номера и серии.

Местные власти понимали, что указанные слухи могут нанести серьезный урон и без того расстроенному денежному обращению Сибири и Дальнего Востока России. Испуганные люди, боясь получить подделку, в конечном итоге начали бы отказываться получать и без того не популярные в народе обязательства Государственного Казначейства.

Владивостокское отделение Государственного банка в начале апреля 1919 г. разместило объявление с опровержением данной информации⁴²:

«Настоящим доводится до всеобщего сведения, что злонамеренными людьми распространяются ложные слухи о появлении в обращении 5% обязательств Государственного Казначейства достоинством в 25, 50, 100 и 250 рублей за №№ 0026 серия А.А. для 25 рублевых, за №№ 0051 серия Б.Б. для 50 рублевых, за № 412345 для 100 рублевых и №№ 123456 и 187820 для 250 рублевых, как фальшивых.

Владивостокское отделение Государственного банка категорически заявляет, что подобные слухи безусловно неверны и вышеозначенные 5% обязательства Государственного Казначейства в 25 и 50 рублей за указанными выше номерами получены из Омска от центрального управления Государственного банка и безусловно настоящие, что же касается указанных номеров для достоинств в 100 и 250 рублей, то таковых нет и в обращении они даже не встречались».

В поддержку этой информации управляющий Приморской областью И. Цимерман был вынужден в начале апреля 1919 г. разместить официальное объявление на страницах владивостокской газеты «Дальневосточное обозрение», в котором сообщалось:

«Ввиду имевшихся случаев отказа в приеме в платежи обязательств Государственного Казначейства достоинством в 25, 50, 100 и 250 руб. настоящим довожу до сведения населения города, что все слухи о том, что указанные обязательства фальшивы, безусловно неверны, и обязательства эти выпущены в обращение владивостокским отделением Государственного банка.

В случае отказа в приеме этих обязательств кем бы то ни было прошу заявлять об этом чинам милиции и виновные будут подвергну-

⁴² Объявление // Дальневосточное обозрение (Владивосток). 1919. 3 апреля. № 28. С. 2.

Краткосрочное обязательство Государственного Казначейства
Российского правительства адмирала А.В. Колчака 50 руб.
Срок 1 марта 1920 г. Аверс

ты мною в административном порядке штрафу до 3000 руб. или аресту до 3-х месяцев»⁴³.

Таким образом, опубликованное 9 мая 1919 г. в «Правительственном вестнике» объявление⁴⁴ стало «как гром среди ясного неба», так как противоречило всем тем объяснениям финансовых органов и официальных лиц, публиковавшимся ранее.

Стоит отметить тот факт, что экземпляров фальшивых обязательств с сериями и номерами, указанными в объявлении от 9 мая, к настоящему моменту среди коллекционеров-бонистов не выявлено.

Тем временем, как сообщала владивостокская пресса, в городе появились поддельные краткосрочные обязательства Государственного Казначейства номиналом 1000 и 5000 руб. Фальшивые деньги отличались «ломкостью и недостаточно хорошей отделкой рисунков на сетке, в особенности на левой стороне»⁴⁵. В мае 1919 г. во Владивостоке был составлен протокол на некоего А. Кохно за попытку сбыта фальшивого обязательства номиналом 5000 руб. в магазине «Экономия»⁴⁶.

Еще в конце 1918 г. Читинское отделение Государственного банка довело до всеобщего сведения о том, «что кроме объявленных ранее подделок, в обращении появились сибирские кредитные билеты 50-руб-

⁴³ От Управляющего Приморской областью // Дальневосточное обозрение (Владивосток). 1919. 6 апреля. № 31. С. 1.

⁴⁴ Министерство финансов // Правительственный вестник (Омск). 1919. 9 мая. № 131. С. 2.

⁴⁵ Фальшивые кредитки // Наши дни (Благовещенск). 1919. 22 мая. № 75. С. 3.

⁴⁶ Заметка // Дальневосточное обозрение (Владивосток). 1919. 17 мая. № 61. С. 4.

левого достоинства следующих видов подделки: 1) цифры нумераторов и литеры другого шрифта, чем на настоящих, причем цифры номеров расставлены так, что шесть рядом стоящих цифр дают линию длиннее на одну цифру против линии с тем же числом цифр на настоящих, и 2) номера билетов наложены не машинным, как на настоящих, а ручным способом, штемпель грубой работы»⁴⁷.

В августе 1919 г. в Харбине были обнаружены и арестованы китайцы, подделавшие в Фудзяне 200 тысяч рублей 250-рублевых сибирских обязательств⁴⁸.

В сентябре 1919 г. Иркутской городской милицией была обнаружена фабрика по изготовлению фальшивых 50-рублевых обязательств Государственного Казначейства. Было задержано три человека, у которых изъято фальшивых знаков на сумму 117 тыс. руб.⁴⁹ 25 сентября 1919 г. на базаре в селе Александровское был задержан китаец, назвавшийся Юи-цаи-хваном, с 1000-рублевой фальшивой «сибирской». При обыске у него было обнаружено еще 26 шт. 1000-рублевых и 3 шт. 25-рублевых фальшивых обязательств. Несмотря на все принятые меры, задержанный китаец не сознался, где производится подделка этих денег, заявив лишь, что он продал опий какому-то корейцу, от которого и получил эти деньги⁵⁰.

В начале октября 1919 г., как отмечала газета «Амурская жизнь», несмотря на все заявления, что фальшивых сибирских денег в обращении нет, «нам удалось увидеть две поддельных двухсотпятидесяти рублевки». Одна из них была представлена в городской банк и, по словам владельца, была получена им в «Чосен банке», а другая попала среди денег, жертвующих на «возрождение армии». У фальшивых денег «сразу обращает на себя внимание шрифт, которым напечатан текст, он заметно отличается от настоящего». Кроме того, отмечалось, что попадают и 1000-рублевые фальшивки⁵¹. В середине октября 1919 г. чинами уголовно-розыскного отделения Владивостока были изъяты фальшивые

⁴⁷ Государственный банк Читинское отделение // Забайкальская новь (Чита). 1918. 8 октября. № 3004. С. 2; Фальшивые кредитные билеты // Наши дни (Благовещенск). 1918. 17 декабря. № 15. С. 2.

⁴⁸ Подделка сибирок // Амурская жизнь (Благовещенск). 1919. 6 августа. № 165. С. 3.

⁴⁹ Заметка // Амурская жизнь (Благовещенск). 1919. 3 октября. № 220 (282). С.1; Фабрика сиб. денег // Амурская жизнь (Благовещенск). 1919. 30 сентября. № 206 (268). С. 3.

⁵⁰ Крупный фальшивомонетчик // Амурская жизнь (Благовещенск). 1919. 9 октября. № 215 (277). С. 2.

⁵¹ Фальшивые деньги // Амурская жизнь (Благовещенск). 1919. 9 октября. № 216. С. 3.

500 руб. 5% Краткосрочные обязательства Государственного Казначейства на сумму 25 тыс. руб.⁵²

В начале ноября 1919 г. у некоего С.К. Венгера были обнаружены фальшивые 250-рублевые Краткосрочные обязательства Государственного Казначейства⁵³. К сожалению, общая сумма изъятого не указывалась. В конце ноября 1919 г. русскому Генеральному консулу в Харбине было направлено из местной милиции дело о сбыте японцем фальшивых 50-рублевых Краткосрочных обязательств Государственного Казначейства. Суть дела заключалась в том, что надзиратель уголовно-розыскного отделения Аристовулов, получив заявление от потерпевшей о том, что ему на Водопроводной улице даны были 4500 руб. фальшивыми 50-рублевыми, захотел задержать японца и отобрать у него фальшивые кредитки. Японец, увидя намерение надзирателя, вырвавшись из его рук, пустился бежать и скрылся в отхожем месте во дворе местного отделения «Йокогама Спешн банка». Надзиратель погнался за ним и извлек японца из уборной. Однако на шум явился директор банка, который отобрал у японца только 5 шт. этих фальшивых кредиток, заявив, что убегающий японец его шофер и фальшивых денег не сбывал⁵⁴.

Приведена выше только часть из фактов сбыта и оборота фальшивых Краткосрочных обязательств Государственного Казначейства практически всех номиналов на территории Сибири и Дальнего Востока. Это говорит о широкой практике их подделки. Но ради справедливости стоит отметить, что Государственный банк проводил мероприятия в сфере борьбы с фальшивыми обязательствами. Это подтверждает «Переписка с Экспедицией заготовления государственных бумаг об экспертизе денежных знаков»⁵⁵. В ней содержится перечисление отличительных признаков, указывающих на подделку Краткосрочных обязательств Государственного Казначейства «омского» правительства различных номиналов, выявленных специалистами Государственного банка. Приводим информацию из него в оригинальном документальном исполнении:

Краткосрочное обязательство номиналом 5000 руб. (№ 5941) — *«сетка размером крупнее оригинала; перья орла путаны; рисунок рубашки крупнее оригинала; исполнено литографским способом»;*

⁵² Фальшивые деньги // Голос Родины (Владивосток). 1919. 16 октября. № 32. С. 2.

⁵³ Заметка // Голос Родины (Владивосток). 1919. 11 ноября. № 53. С. 2.

⁵⁴ Фальшивые сибирки // Голос Родины (Владивосток). 1919. 25 ноября. № 64. С. 2.

⁵⁵ ГА РФ. Ф. Р-143. Оп. 14. Д. 46. Л. 2-2 об.

Краткосрочные обязательства номиналом 500 руб. (№№ 26559, 26528) — «*штриховка каймы вокруг виньетки отличается от имеющих в экспедиции образцов по количеству штрихов и не ровны; перья орла путаны; рубашка исполнена грубее оригинала и отличается от него по характеру рисунка; исполнены типографским способом*»;

Краткосрочные обязательства номиналом 500 руб. (№№ 26592, 26590, 26538) — «*исполнено типографским способом; виньетка сфотографирована с оригинала; лицевая сетка исполнена очень грубо; рисунок орла виньетки неправильный; все одного производства*»;

Краткосрочные обязательства номиналом 500 руб. (№№ 25952, 25951, 36008, 25910, 25918, 25971, 25958, 25896, 25932) — «*орел виньетки отличается от оригинала своими формами, цвет краски виньетки не соответствует оригиналу, расстановка букв в шрифте не совпадает с оригиналом, рубашка имеет несколько другой характер рисунка. Подделка хорошего качества*».

Кроме того, специалисты Государственного банка отмечали факты изъятия из оборота поддельных краткосрочных обязательств комитета членов Всероссийского Учредительного собрания. Так приводились факты переделки 50 руб. обязательства в 500 руб. и 50 руб. в 1000 руб.⁵⁶

Эта загадочная история с появлением официального объявления о фальшивых обязательствах от имени Министерства финансов и его последующее настойчивое отрицание представителями Государственного банка так и нашли своей истинной пододелки. Источник информации, направивший объявление в «Правительственный вестник», не был установлен. Но учитывая тот факт, что издание все же являлось официальным рупором Омского правительства, стоит предположить, что в деле замешан высокопоставленный человек.

Кроме этого, не следует забывать, что именно в этот период проходила денежная реформа, затеянная министром финансов И.А. Михайловым. Правовым основанием реформы являлось Постановление Совета министров от 15 апреля 1919 г. № 243 «Об изъятии из обращения казначейских знаков 20- и 40-рублевого достоинства (так называемых “керенок”», в рамках которого было предписано в срок с 15 мая по 15 июня обменять имеющиеся на руках у населения «керенки» на сибирские обязательства⁵⁷.

⁵⁶ ГА РФ. Ф. Р-143. Оп. 14. Д. 42. Л. 313–314.

⁵⁷ Постановление Совета министров от 15-го Апреля 1919 г. № 243 об изъятии из обращения казначейских знаков 20- и 40-рублевого достоинства (так называемых “керенок”) // Правительственный вестник (Омск). 1919. 20 апреля. № 118. С. 1–2.

Краткосрочное обязательство Государственного Казначейства
Российского правительства адмирала А.В. Колчака. 25 руб.
Срок 1 мая 1920 г. Аверс

Подтверждением данной версии является информация, размещенная на страницах еженедельного журнала «Вестник финансов промышленности и торговли», выпускаемого Министерством финансов Российского правительства. В мае 1919 г. в статье, посвященной ходу изъятия из обращения керенок, было указано, что после решения Сибирского правительства о проведении денежной реформы «среди населения больших городов Сибири и других местностей начали появляться известия о большом количестве поддельных обязательств Государственного казначейства». Наряду с появившимся списком «якобы поддельных обязательств» появилась информация о продлении срока обмена «керенок» на 3–4 месяца. В связи с этим Государственный банк выпустил официальное объявление о том, что⁵⁸: « 1) Никаких списков с указанием поддельных обязательств Государственным Банком не подавалось.

2) Распространение всех подобных слухов, направленных на подрыв доверия населения к денежным знакам Российского правительства, является результатом злостных провокаций, и

3) Что на точном основании закона 15 апреля сего года об изъятии керенок из народного обращения — свободное их хождение безусловно прекращается с 15 мая, причем последним днем приема считается 14 мая, каковой срок ни в коем случае изменен не будет».

Таким образом, можно предположить, что появившиеся так называемые списки «фальшивых обязательств» были направлены на дискре-

⁵⁸ Изъятие керенок // Вестник финансов промышленности и торговли (Омск). 1919. Май. № 13. С. 14.

дитацію краткосрочных обязательств Государственного Казначейства и попытку срыва обмена на них выводящихся из обращения «керенок».

Из приведенной информации явно прослеживается возможный незримый конфликт между Министерством финансов и Государственным банком Омского правительства, когда одно ведомство размещает информацию, а другое ее опровергает и без упоминания источника называет ее вредной. Аналогичная ситуация имела место в январе 1920 г. во Владивостоке. Именно тогда в ходе эмиссии 1000-рублевых чеков владивостокским отделением Государственного банка, практически одновременно с выпуском, в местной прессе появилась информация о появлении большого количества качественных подделок, что привело к дискредитации данной эмиссии. Распространение информации привело к конфликту между Товарищем управляющего Государственным банком А.И. Евреиновым и вице-директором кредитной канцелярии Министерства финансов А.Г. Скерстом⁵⁹.

А.Г. Баранов в своем исследовании⁶⁰ высказывает гипотезу о причастности к распространению слухов о большом количестве поддельных обязательств «Русско-Азиатского банка», имевшего французскую ориентацию. Можно частично согласиться с данным утверждением. Кроме того, действительно, отделения банка, расположенные за пределами России в конце 1918 г. — начале 1919 г., отказывались принимать данные обязательства в свои кассы.

Но в противовес данной версии служит тот факт, что изначально все отделения иностранных банков, осуществляющих свою деятельность на Дальнем Востоке России в 1918–1919 гг., отказывали в приеме обязательств в свои кассы. Исключение в конце 1918 г. было сделано именно французскими отделениями «Индо-китайского банка» и «Китайского промышленного банка» на основании рекомендаций французского правительства. Остальные отделения иностранных банков соглашались принимать обязательства, когда игрой на курсовой разнице им удавалось получить выгоду. В связи с этим у них были косвенные причины способствовать распространению слухов о большом количестве фальшивых обязательств. Из-за них обязательства обесценивались и теряли курсовое значение. При данной ситуации их можно было скупать в большом количестве, оставаясь в выигрыше.

⁵⁹ См.: Киселев А.Л. Эмиссия чеков Владивостокским отделением Государственного банка в 1920 году // Омский научный вестник. Серия Общество. История. Современность. Т. 7. № 3. 2022. С. 40–48.

⁶⁰ Баранов А.Г. Борьба с фальшивомонетчиками в колчаковской России... С. 40–59.

Подводя итоги, отметим, что слухи о большом количестве фальшивых обязательств, находящихся в обращении в Сибири и на Дальнем Востоке, не были лишены оснований. Кроме того, обязательства выпускались непризнанным странами-союзниками правительством адмирала А.В. Колчака. Иностранные банки, осуществляющие деятельность в регионе, не были заинтересованы в укреплении местного денежного обращения и отказывали в приеме обязательств в своих кассах практически на протяжении всего периода своей деятельности.

Таким образом, выскажем два варианта развития описанных событий. Первый. Это преднамеренная дискредитация Краткосрочных обязательств Государственного Казначейства противниками планирующейся денежной реформы, заключающейся в изъятии «керенок». Второй. Преднамеренное официальное подтверждение факта наличия в обороте большого количества фальшивых Краткосрочных обязательств Государственного Казначейства для понижения их курса и последующей скупки за бесценок. Хотя и не исключается слияние обоих вариантов воедино.

Нельзя отрицать, что сложившейся ситуации способствовала военно-политическая нестабильность власти адмирала А.В. Колчака в данный период. Отчасти вина в ситуации с денежным обращением лежит на министре финансов Омского правительства И.А. Михайлове. Его стремление заниматься политическими интригами, а не финансовыми вопросами востока России, его честолюбие и желание выдвинуть себя на первое место хорошо описано в совместной работе М.М. Стельмака и Д.И. Петина⁶¹.

Раскрытие темы исследования отсылает нас к дискуссии. «Кому это было выгодно?», «Кому это полезно?», «Как функционировала пресса?» Совершенно понятно, что официальный печатный орган Временного правительства не рискнул бы размещать на своих страницах информацию, поступившую к ним не от официальных правительственных учреждений. В связи с этим что это было? Преднамеренный информационный вброс? Информационная война? Или случайная оплошность? Кроме того, это отсылает нас к дискуссии о финансовой политике на востоке России в период Гражданской войны и интервенции. Точнее, кому была выгодна неразбериха и хаос в финансовой системе востока России?!

⁶¹ Стельмак М.М., Петин Д.И. «Он насытил свое честолюбие при Колчаке»: министр финансов И.А. Михайлов в оценках современников // Исторический вестник. 2022. Т. XLII. С. 36–61.

References

1. *Aksenov V.B.* Rumors, images, emotions. Mass sentiments of Russians during the war and revolution (1914–1918) [Slukhi, obrazy, emotsii. Massovye nastroyeniya rossiyan v gody voyny i revolyutsii (1914–1918)]. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie, 2020. 992 p. (in Russian).
2. *Baranov A.G.* The fight against counterfeiters in Kolchak's Russia [Bor'ba s fal'shivomonetchikami v kolchakovskoy Rossii] // Trudy MGGU Pravitel'stva Moskvy. 2005. Vol. 6. P. 40–59 (in Russian).
3. *Gagkuev R.G.* Today we need to talk about the Civil War with restraint, without the desire to take sides... [Rasskazyvat' segodnya o Grazhdanskoy voyne nuzhno sderzhanno, bez stremleniya vzyat' chyu-to storonu...] // Omsk Scientific Bulletin. Series «Society. Story. Modernity» [Omskiy nauchnyi vestnik. Seriya «Obshchestvo. Istoriya. Sovremennost'». 2024. Vol. 9. № 1. P. 6–12 (in Russian).
4. *Kiselev A.L.* Some signs of falsification of short-term obligations of the Russian provisional government of Admiral A.V. Kolchak [Nekotorye priznaki poddelki kratkosrochnykh obyazatel'stv Rossiyskogo vremennogo pravitel'stva admirala A.V. Kolchaka] // St. Petersburg collector [Peterburgskiy kollektzioner (Sankt-Peterburg)]. 2024. № 1(131). P. 17 (in Russian).
5. *Kiselev A.L.* Issuance of checks by the Vladivostok branch of the State Bank in 1920 [Emissiya chekov Vladivostokskim otdeleniem Gosudarstvennogo banka v 1920 godu] // Omsk Scientific Bulletin. Series «Society. Story. Modernity» [Omskiy nauchnyi vestnik. Seriya «Obshchestvo. Istoriya. Sovremennost'». 2022. Vol. 7. № 3. P. 40–48 (in Russian).
6. *Kiselev A.L.* Political non-recognition of the Government of Admiral A.V. Kolchak as a basis for acquittal in court: The story of one group of counterfeiters [Politicheskaya nepriznannost' Pravitel'stva Admirala A.V. Kolchaka, kak osnovanie dlya opravdaniya v sude: istoriya odnoy gruppy fal'shivomonetchikov] // XXII All-Russian Numismatic Conference: Abstracts of reports and communications (Smolensk, May 22–26, 2023) [XXII Vserossiyskaya numizmaticheskaya konferentsiya: Tezisy dokladov i soobshcheniy (g. Smolensk, 22–26 maya

- 2023 g.)] / Tech. ed. by E.V.Zaharov. Smolensk: Izd. dom P.I. Kopyl'tsova, 2023. P. 252–255 (in Russian).
7. About counterfeit treasury signs. Echo. Vladivostok. 1919. June 15 [O poddel'nykh kaznacheyskikh znakakh. Ekho. Vladivostok. 1919. 15 iyunya] // Financial policy and monetary circulation in Siberia. 1917–1920. Documents of the Historical Archive of the Omsk Region: Collection. documents [Finansovaya politika i denezhnoe obrashchenie v Sibiri. 1917–1920. Dokumenty Istoricheskogo arkhiva Omskoy oblasti: Sb. dokumentov]. Omsk: Amfora, 2014. P. 115 (in Russian).
 8. *Petin D.I.* Monetary emission policy of the Soviet government and anti-Bolshevik regimes in Siberia (October 1917 – November 1920): Diss. ... cand. hist. sci. [Denezhno-emissionnaya politika sovetskoy vlasti i antibol'shevistskikh rezhimov v Sibiri (oktyabr' 1917 – noyabr' 1920 g.): dis. ... kand. ist. nauk]. Barnaul, 2011. 293 p. (in Russian).
 9. *Petin D.I.* Book understanding of the history of Russian paper money [Knizhnoe osmyslenie istorii rossiyskikh bumazhnykh deneg] // News of Laboratories of Ancient Technologies [Izvestiya Laboratorii drevnikh tekhnologiy]. 2023. Vol. 19. № 3. P. 182–187 (in Russian).
 10. *Petin D.I.* Counterfeiting during the Civil War (using the example of banknotes of the Omsk government of A.V. Kolchak) Fal'shivomonetchestvo v period Grazhdanskoj vojny (na primere denezhnykh znakov Omskogo pravitel'stva A.V. Kolchaka) // International legal readings: Materials annually. scientific-practical conf. (Omsk, May 22, 2009) [Mezhdunarodnye yuridicheskie chteniya: materialy ezhegodn. nauch.-prakt. konf. (Omsk, 22 maya 2009 g.)]. Omsk: Omskiy yuredicheskiy Institut, 2009. Ch. 1. P. 70–74 (in Russian).
 11. *Petin D.I.* False short-term obligations of the state treasury of the government of A.V. Kolchak: A source study approach to the study of paper banknotes [Fal'shivye kratkosrochnye obyazatel'stva gosudarstvennogo kaznacheystva pravitel'stva A.V. Kolchaka: istochnikovedcheskiy podkhod v izuchenii bumazhnykh denezhnykh znakov] // Bulletin of Tyumen State University. Humanities studies. Humanities [Vestnik Tyumenskogo Gosudarstvennogo universiteta. Gumanitarnye issledovaniya. Humanitates]. 2010. № 1. P. 79–84 (in Russian).
 12. *Petin D.I.* False short-term obligations of the state treasury of the government of A.V. Kolchak as a source on the history of monetary circulation during the civil war in Siberia [Fal'shivye kratkosrochnye obyazatel'stva gosudarstvennogo kaznacheystva pravitel'stva

- A.V. Kolchaka kak istochnik po istorii denezhnogo obrashcheniya v period grazhdanskoj vojny v Sibiri] // News of the Omsk State History and Local Lore Museum [Izvestiya Omskogo Gosudarstvennogo istoriko-kraevedcheskogo muzeya]. 2009. № 15. P. 43–47 (in Russian).
13. *Pogrebeckiy A.I.* Currency circulation and banknotes of the Far East during the period of war and revolution (1914–1924) [Denezhnoe obrashchenie i denezhnye znaki Dal'nego Vostoka za period vojny i revolyutsii (1914–1924 gg.)]. Kharbin: Obshchestvo izucheniya Man'chzhurskogo kraja, 1924. 419 p. (in Russian).
 14. *Rynkov V.M.* Financial policy of the anti-Bolshevik governments of the East of Russia (second half of 1918 – early 1920s): Monography [Finansovaya politika antibol'shevistskikh pravitel'stv Vostoka Rossii (vtoraya polovina 1918 – nach. 1920 g.): monogr.]. Novosibirsk: Institut istorii SO RAN, 2006. 212 p. (in Russian).
 15. *Stel'mak M.M., Petin D.I.* «He satisfied his ambition under Kolchak»: Finance Minister I.A. Mikhaylov in the assessments of his contemporaries [«On nasytil svoe chestolyubie pri Kolchake»: ministr finansov I.A. Mikhaylov v otsenkakh sovremennikov] // Historical Reporter [Istoricheskiy vestnik]. 2022. Vol. XLII. P. 36–61 (in Russian).
 16. Financial policy and monetary circulation in Siberia. 1917–1920: Documents of the Historical Archive of the Omsk Region: Collection of reports [Finansovaya politika i denezhnoe obrashchenie v Sibiri. 1917–1920: dokumenty Istoricheskogo arkhiva Omskoy oblasti: Sb. Dokl.] / Comp., sci. ed. by Petin D.I.; introd. remark by Sushko A.V. Omsk: Amfora, 2014. 224 p. (in Russian).
 17. *Khodyakov M.V.* Money of the Revolution and Civil War 1917–1920 [Den'gi revolyutsii i Grazhdanskoj vojny 1917–1920 gody]. St. Petersburg: izd-vo St.-Peterburgskogo universiteta, 2019. 312 p. (in Russian).

Ключевые слова:

Гражданская война; денежное обращение; финансы;
фальшивомонетничество; Краткосрочные обязательства
Государственного Казначейства; слухи; пресса; интервенция;
иностранные банки

Andrey L. Kiselev

Counterfeit Banknotes Under Admiral A.V. Kolchak's Russian Government, as Covered by Siberian and Far Eastern Press

This paper analyzes the measures taken by the Ministry of Finance and the State Bank under Russian Government instated by Admiral A.V. Kolchak in 1919 to conceal the widespread circulation of counterfeit money. Our research aims to examine this previously unexplored aspect of domestic historiography through the study of contemporary periodicals. The study employs a theoretical framework combining the methods historical genetics and chronology with content analysis. The author concludes that this deception by the Omsk authorities aimed to maintain the credibility of their currency, revealing the contradictory perception of ongoing events within the anti-Bolshevik bloc in eastern Russia.

The study also examines how external forces intervened in this matter.

Keywords: Civil War; Monetary Circulation; Finance; Counterfeiting; Short-Term State Treasury Bonds; Rumors; Press; Intervention; Foreign Banks

Andrey L. Kiselev – Ph.D. in History, Department of Russian and World History, Sakhalin State University (Yuzhno-Sakhalinsk, Russia).

SPIN-код: 5135-6999, AuthorID: 1114599

ORCID 0000-0002-2845-4157

and94859610@yandex.ru

Киселев Андрей Леонидович

кандидат исторических наук, кафедра российской и всеобщей истории
Сахалинского государственного университета (г. Южно-Сахалинск, Россия)

SPIN-код: 5135-6999, AuthorID: 1114599

ORCID 0000-0002-2845-4157

and94859610@yandex.ru

Исторический вестник. 2025. Т. LI
DOI: 10.35549/HR.2025.2025.51.005

С.В. СЫТИН

Реформа тюремного устройства в Российской империи конца XIX — начала XX в. К истории тюремной стражи и ее медали «За беспорочную службу»

Восприятие европейского опыта (в социально-экономической, политической, культурной жизни) было отличительной чертой Российского государства времен Империи. И если в начальный имперский период оно носило подражательный характер (а не откровенно эпигонский, как сейчас), то в предреформенное и пореформенное время (вторая половина XIX в.) стал преобладать подход вдумчивого, критического осмысления.

Структурные реформы второй половины XIX в., ориентированные на западноевропейские стандарты, были закономерным явлением для трансформирующихся обществ — переходящих от традиционализма к индустриализму (современности) с его прагматичностью, функциональностью, целесообразностью, т.е. рационализмом.

Прагматичность, функциональность, целесообразность проявились и в ходе реформы тюремного устройства гражданского ведомства, которая была прямым следствием alexandrovских изменений — отмены крепостного права, трансформации судопроизводственных порядков и уголовной системы в целом.

В 1872 г. была образована комиссия под председательством графа Соллогуба¹, которая видела основную задачу реформы в надлежащей

¹ Владимир Александрович Соллогуб (1813–1882) — русский чиновник (тайный советник), прозаик, драматург, поэт и мемуарист из литовского рода Соллогубов, граф. С начала 1860-х гг. Соллогуб уделял много внимания пенитенциарным вопросам — «тюрьмоведению». Результатом этого интереса стал удручающий вывод: «В настоя-

организации, прежде всего, тюремной стражи (тюремного надзора), так как существовавший ее личный состав был «не только не удовлетворительным, но и опасным» (!)². Проект комиссии предполагал подчинить тюремную стражу Главному тюремному управлению в составе МВД³; комплектовать ее в основном из отставных и отпускных воинских чинов, так как воспитаны они в дисциплине и ответственности; при недостатке последних привлекать в стражу и вольнонаемных; разделить стражников на старших и младших; освободить стражников от призыва в войска для сборов или по мобилизации; определить права и обязанности тюремной стражи; разработать штат и оклады тюремного надзора.

В 1873 г. проект комиссии Соллогуба был обсужден на совещании с участием министров юстиции, финансов, внутренних дел, принят к сведению. Окончательное обсуждение предполагалось провести уже на новообразованном комитете под эгидой тайного советника Зубова⁴

щее время тюремной администрации нет, да и тюрем, нравственно влияющих, нет, а существует какой-то страшный подземный мир несчастных и отпетых». В 1872 г. Соллогуб возглавил Комиссию для составления общего систематического проекта о тюремном преобразовании. Как председатель Комиссии, для исследования недостатков тюремного заключения в России и выяснения способов их устранения, Соллогуб отправился в командировку в Европу для изучения местного опыта. В целом, обращаясь к европейскому опыту, граф отстаивал преимущества исправительной системы перед депортационной. Считал лучшей на то время пенитенциарную систему, сложившуюся в Швеции. Наградой Соллогубу за работу в Комиссии стали орден Святого Владимира 2-й степени и премия в размере 225 рублей.

² Отчет по Главному тюремному управлению за 1887 г. СПб., 1889. С. 113.

³ Тюремная стража подчинялась непосредственно начальнику тюрьмы. И в целом, только с инициирования реформ в тюремной сфере ставится вопрос о едином (централизованном, концентрированном) управлении всей тюремной системой, включая ее нижний (операционный, технический) уровень — тюремный надзор (стражу). Собственно говоря, создание полноценной управленческой системы, снятие проблем «рыхлости» и «распыленности» управления были основными задачами тюремной реформы. Ведь до этих реформаторских инициатив управление местами заключения (в широком смысле — губернские, уездные тюрьмы, тюремные замки, смирительные дома и т.п.) находилось и в ведении 2-го Департамента полиции МВД, и Хозяйственного департамента МВД, и губернаторов, и, отчасти, иных ведомств.

⁴ *Петр Алексеевич Зубов* (1819–1880) — русский юрист, сенатор, тайный советник. Активно участвовал в разработке Великих реформ. С 1860 г. вел все делопроизводство по проекту устава судопроизводства по преступлениям и проступкам. В 1864 г. произведен в тайные советники. В 1872 г. назначен в Государственный совет. При окончательном рассмотрении вопросов на заседаниях Совета Александр II всегда обращался к Зубову и дорожил его мнением. С 1873 г. — председатель особого Комитета для окончательного обсуждения проекта о тюремном преобразовании.

с участием заместителей указанных министров, графа Соллогуба и других заинтересованных сторон.

Комитет Зубова подтвердил выводы комиссии Соллогуба о крайне низком кадровом составе тюремной стражи, а анализируя отчеты с мест, пришел к неутешительному мнению, что и многие беспорядки в местах заключения — следствие дурного состава стражи, отсутствия всякой системы в ее организации. «Набираемые по вольному найму из лиц разных сословий и не привыкшие к строгому порядку и дисциплине тюремные стражники в отношении своих служебных обязанностей руководствовались, по отсутствию твердо установленных, однообразных для всех тюрем правил, лишь указаниями тюремных смотрителей, а крайняя скудость содержания стражников, сравнительно с местною заработной платою, привлекала в их число людей или неспособных к труду, или же сомнительной нравственности, которым некуда более деваться»⁵.

Комитет решил, что стража должна иметь военизированную структуру, управляться как воинская часть шефом жандармов (хозяйственные и иные вопросы отдавались в ведение других структур), комплектоваться из отставных нижних воинских чинов без привлечения вольнонаемных, подчиняться воинским дисциплинарным законам. По проекту комитета стражники также разделялись на две группы — старших и младших, получали прибавку к жалованью за выслугу, снабжались определенной формой и оружием.

Проект комитета Зубова был рассмотрен в 1875 г. на Госсовете, но отклонен ввиду необходимости постепенности в реформировании. За постепенностью в реформировании скрывалась невозможность нужного финансирования.

Новый этап в проектировании реформ тюремной стражи и управления запустило военное ведомство. В 1881 г. оно выступило с предложением освободить полевые, резервные, местные войска от охраны тюрем (окарауливания) и конвоирования арестованных, так как эти обязанности не только не отвечают прямому назначению войск, но и отвлекают от строевых и учебных занятий. С одобрения Александра III была образована очередная комиссия по реформе тюремного устройства — комиссия графа Шувалова⁶.

⁵ Отчет по Главному тюремному управлению за 1887 г. СПб., 1889. С. 115.

⁶ Павел Андреевич Шувалов (1830–1908) — русский военачальник и государственный деятель из рода Шуваловых. В апреле 1879 г. был назначен командиром Гренадерского корпуса, в марте 1881 г. возглавил на постоянной основе Гвардейский корпус. Посол в Берлине (1885–1894), варшавский генерал-губернатор (1894–1896). Известен также как автор романа «Варшавский генерал» (1894).

В нее вошли представители министерств финансов, внутренних дел, Военного министерства. Комиссия пришла к выводу, что войска можно освободить от несвойственных им функций, если будут созданы конвойные команды⁷ и реформирована тюремная стража, опираясь на современные подходы к этому делу.

Проект комиссии Шувалова определял тюремную стражу как особое учреждение под началом МВД, вводил общий штат стражи и ее бюджет⁸, комплектовал людьми по вольному найму, с преимуществом для нижних воинских чинов в отставке, с правом брони при мобилизации и получения пенсии по выслуге, наделял особой формой и оружием и т.д. То есть повторял многие наработки комиссии Соллогуба.

Проект «шуваловской» комиссии в 1883 г. был одобрен в общих чертах Александром III с поручением МВД и Военному министерству приступить к детальной проработке всех положений проекта. Со стороны МВД этим занялось Главное тюремное управление.

В результате согласования позиций, особенно в вопросе финансирования⁹ и учитывая крайне затруднительное положение Государственного казначейства, решено было распространить реформу тюремного устройства первоначально только на Европейскую Россию, и то частично, ориентируясь на те территории, где уже начали действовать положения о конвойной страже (конвойных командах).

После всестороннего обсуждения итогового проекта тюремного устройства на Госсовете **15 июня 1887 г.** последовало «Высочайше

стен как германофил, проводивший политику сближения с Германской империей. Брат руководителя Третьего отделения Петра Шувалова, прозванного «Петром IV» за свое влияние на Александра II.

⁷ Положение о конвойных командах было утверждено 20 января 1886 г.

⁸ В целом тюремный бюджет был двусоставным. Казной финансировались по утвержденным нормам жалованье тюремных чинов (от начальника до надзирателя), расходы на продовольствие для заключенных, ремонтно-строительные работы, содержание канцелярии и т.п. Другая часть средств была средствами «попечительными», предоставлявшимися «Попечительным о тюрьмах обществом», основанным в 1819 г. под покровительством императора. Его средства формировались из казенных денег, благотворительных пожертвований, отчислений городского общественного управления, так называемых кружечных сборов (частные пожертвования в кружки, установленные у церквей и храмов) и пр. Каждый губернский или уездный комитет Общества патронировал соответствующую тюрьму.

⁹ Например, при обсуждении вопроса о минимальном окладе младших надзирателей Главное тюремное управление заявило о единогласном мнении губернаторов, что минимальный оклад, на который можно нанять надзирателя — 150 р. /год. И если оклад будет меньше этой суммы, часть губернаторов высказала решимость снять с себя всякую ответственность за порядок в тюрьмах на подотчетных территориях.

утвержденное мнение Государственного совета, коим [было] положено»:

управление мест заключения и тюремная стража находятся в ведении МВД, министр является их главным начальником;

общее руководство по Империи возлагается на Главное тюремное управление МВД, местное — на губернаторов;

тюремная стража состоит из старших и младших надзирателей;

чинам управления и стражи присваивается особая форма и вооружение;

бывшие воинские чины, поступившие в стражу, освобождаются от призыва в армию;

чинам надзора назначаются прибавки к окладу за выслугу: 5 лет службы дают 30% к окладу, 10 лет — 60%, 15 лет — 100%;

получившие увечья на службе получают право на дополнительные пенсии;

«тюремные надзиратели независимо [от] награждения их общепризнанными для нижних служителей знаками отличия, могут быть награждаемы медалями, установленными для лиц, поступающих в полицейские и пожарные команды по найму. В [этом] случае тюремные надзиратели подчиняются правилам, определенным Высочайшим повелением 17 Декабря 1876 года, а выдаваемые им медали имеют надпись: **“за безпорочную службу въ тюремной стражѣ”**¹⁰ [выделено нами. — С.С.] и др.

Результатом закона от 15 июня 1887 г., которым фактически создавалась тюремная стража (в том смысле, что стража стала составным элементом централизованной управленческой системы) как структурное, структурированное подразделение и нижняя (операционная) управленческая тюремная единица, стало увеличение количественного состава стражи, изменение нагрузки на одного надзирателя, если до реформы в среднем на 1 надзирателя приходилось 13,7 арестантов, то после соотношение изменилось на 1/9,7 (хотя это тоже высокий показатель), повышение среднего оклада с 151 руб. в год до 171 руб.¹¹, утверждение служебных обязанностей и преференций надзирателям, которые потом получили развитие в Уставах о содержащихся под стражей, Общей тюремной инструкции и т.д.

¹⁰ Отчет по Главному тюремному управлению за 1887 г. СПб., 1889. С. 132.

¹¹ Обзор десятилетней деятельности Главного Тюремного Управления. 1879—1889. СПб., 1889. С. 74.

Рисунок формы тюремных надзирателей образца 1885 г.

Тем не менее неудовлетворительный кадровый состав и его материальная обеспеченность признавались и в МВД, и в Минюсте, к ведению которого в 1895 г. было отнесено Главное тюремное управление (по примеру Бельгии, Голландии, Швеции, ряда государств Германской империи и других стран). Если изменения в качестве кадрового состава¹² особой динамикой в сторону улучшения не отличались, например, школа для старших надзирателей была организована только в 1913 г., то изменения в материальном обеспечении всегда осознавались как первостепенные и были адекватны для своего времени.

Еще в 1883 г. было получено разрешение распределять между надзирателями в виде награды остатки от штатных сумм на содержание надзора.

В 1888 г. было принято решение обеспечивать надзирателей бесплатным обмундированием, кроме обуви. Сама форма, с целью добиться единообразия, была введена в 1885 г. Бесплатная обувь для чинов надзора стала выдаваться с 1913 г. по закону от 29 декабря 1911 г.

В конце 1892 г. были утверждены «Правила о пенсиях и пособиях чинам тюремной стражи гражданского ведомства». Служба до введения этих правил в общую выслугу засчитывалась. Пенсии формировались из отчислений с жалованья в так называемый пенсионный капитал:

¹² По известным причинам предпочтение отдавалось отставным нижним воинским чинам. Должности в системе тюремного управления также замещались во многих местах офицерскими кадрами военного ведомства.

— 106 —

ТАБЕЛЪ
обмундирования, получаемого тюремными надзирателями
отъ казны.

№ по порядку	Наименов. вещей	Срок службы.	Разъ отъсрочить на сколько месяцев.	Колѣство штукъ.	Отпускъ на покупку в рубль.
1	Мундиръ . . .	1 годъ.	Черное суконное мундирное сукно . . . Полкалотный платок . . .	2 аршинъ. 8 аршинъ.	1 руб. 60 к.
2	Губернские штаны . . .	1 годъ.	Черное суконное мундирное сукно . . . Полкалотный платок . . .	4 арш. 10 в. 2 аршинъ.	70 коп.
3	Копы . . .	2 на 3 года.	Резиновые . . . Полкалотный платок . . .	6 аршинъ. 4 аршинъ.	1 рубль.
4	Шляпа . . .	2 года.	Черный драгъ изъ обрѣзковъ армянского для конюха чепуха . С.Петербургской шляпы . . . Копы . . .	4 аршинъ. 8 аршинъ.	1 руб. 60 к.
5	Фуражка . . .	2 года.			60 коп.
6	Белье на шею . . .	2 на 3 года.			10 коп.
7	Ванна . . .	5 летъ.			62 коп.
8	Панталоны . . .	1 годъ.			15 коп.

Примечанія: 1. Для старшихъ надзирателей въ полномъ отпуску на армянда и шитье мундира добавляется 7 руб. на галеты, бороды и рукава.
2. Полкалотные платки, носки на галды, фуражки и рукава, отпускаясь по назначенію въ сѣбѣтской графѣ суммъ.

Табель обмундирования надзирателя на 1888 г.

2% с суммы 150 и более руб., 1% с меньшего оклада. 21 декабря 1908 г. были приняты положения о льготных пенсионных правах.

По решению начальника тюрьмы надзиратель мог получить 28-дневный оплачиваемый отпуск. Но пользоваться этим правом рекомендовалось начальнику тюрьмы с осмотрительностью.

К 1889 г. средний оклад надзирателя увеличился до 180 руб./год, в 1906 г. составил 195 руб., в 1909 г. — 233 руб.¹³

По состоянию на 1908 г. 4084 человека (которые составляли «косяк» стражи) получали добавочное содержание за выслугу: 1523 надзирателя за 5 лет, 962 — за 10 лет, 1599 чинов надзора за 15 лет выслуги (т.е. двойной оклад)¹⁴.

Как писалось в тюремном отчете за 1908 г.: «существенно увеличивая материальное обеспечение чинов стражи, такие прибавки удерживают на тюремной службе наиболее исправных и опытных надзирателей,... когда... ограниченный размер основного надзирательского содержания... оказался совершенно недостаточным для привлечения на трудную и небезопасную для жизни службу в тюремной страже мало-мальски пригодных кандида-

¹³ Отчет по Главному тюремному управлению за 1908 г. СПб., 1910. С. 25.

¹⁴ Там же. С. 24.

Рисунок формы надзирателей, введенной в 1914 г.

тов. В этот период времени вновь поступавшие надзиратели нередко или сами весьма скоро оставляли службу или же были **увольняемы за полной непригодностью** [выделено нами. — С.С.], вследствие чего некоторые места заключения Империи в это тяжелое время [период Первой русской революции. — С.С.] не оставались вовсе без охраны лишь благодаря... надежному кадру старослужащих., уже выслуживших добавочное содержание»¹⁵.

С ростом материального содержания увеличивалась и нагрузка по службе на одного надзирателя. На общее количество арестантов — 171 219 чел. (1908 г.) приходилось 13 243 надзирателя или 1 надзиратель на 12,8 заключенных, что значительно превышало установленное законом 15 июня 1887 г. соотношение 1 к 10.

В последний мирный год империи — 1913 — 7 июля принимается закон, увеличивающий состав стражи, которая по-прежнему комплектуется преимущественно запасными нижними воинскими чинами. Количество стражников составило в этом году 18 080 чел. С увеличением штатов снизилась нагрузка на 1 надзирателя до соотношения 1/9,4. Средний годовой оклад увеличился до 275 руб. Тем не менее во многих тюрьмах комплектование службы надзора происходило с затруднениями, так как тюремные оклады не покрывали «прогрессирующей дороговизны жизни», а оплата труда в «промышленных и фабричных предприятиях» была более высокой. Из 7719 надзирателей, вновь принятых на службу, добро-

¹⁵ Отчет по Главному тюремному управлению за 1908 г. СПб., 1910. С. 23.

вольно ее покинуло 3167 человек, а 1423 человека было уволено в дисциплинарном порядке за непригодностью¹⁶. То есть основная проблема (качество кадрового состава), о которой говорилось еще в комиссии Соллогуба и комитете Зубова, оказалась неизжитой. Принцип экономизма, положенный в основу привлечения на службу в тюремную стражу и удержания¹⁷ на ней, был определяющим, но не единственным.

Надзиратели получали обмундирование, которое можно рассматривать как фактор культурного воздействия. Человек в форме начинал смотреть на себя по-другому — как минимум форма заставляла преодолевать неряшливость и расхлябанность. Форма придавала стражнику внутреннюю уверенность и внешний авторитет, чего не могло быть при предыдущем разнообразии в одежде чинов надзора, доходившем до того, что приводило инспекторские комиссии в ужас — в некоторых тюрьмах надзиратели разгуливали в арестантских халатах с бубновым тузом на спине!¹⁸

За усердную и деятельную службу надзиратели представлялись к званию личного или потомственного почетного гражданина.

Наряду с награждениями общеустановленными нагрудными или шейными¹⁹ медалями «За усердие» по повелению от 4 ноября 1909 г. разрешено было награждать надзирателей медалью «За храбрость»²⁰.

В «Тюремном вестнике» № 1 за 1904 г. в разделе «Сообщения» (потом он стал называться «Хроники тюремной жизни» (!)) была опубликована заметка о праздновании в Красноярской губернской тюрьме 20-летнего юбилея службы старшего надзирателя этой тюрьмы Ивана

¹⁶ Отчет по Главному тюремному управлению за 1913 г. СПб., 1914. С. 20.

¹⁷ С 1883 г. поступающие на службу надзиратели подписывали обязательство, по которому они должны были прослужить в страже не менее года и в течение первых месяцев службы отчислять часть зарплаты в так называемый залоговый фонд, доведя его размер до 10–15 руб. Возвратить залоговые деньги можно было при увольнении после года службы с усердием, без нареканий и штрафов и по усмотрению начальства.

¹⁸ Подробнее см.: Обзор десятилетней деятельности Главного Тюремного Управления. 1879–1889. СПб., 1889.

¹⁹ Шейными золотыми медалями «За усердие» на Владимирской ленте и серебряными на Аннинской ленте разрешено было награждать надзирателей за особо выдающиеся заслуги повелением от 4 ноября 1893 г. Этим они уравнивались с околоточными, портовыми и полицейскими (в столицах) надзирателями; брандмейстерами; городовыми, полицейскими урядниками; земскими и полицейскими стражниками; нижними чинами портовых и речных полиций и служителями полицейских и пожарных команд, которые получили право на эти медали еще 8 декабря 1888 г.

²⁰ Например, 4 ноября 1913 г. медалями «За храбрость» были награждены: 3-й степенью — младшие надзиратели Харьковского исправительного арестантского отделения Митрофан Казимирович, Михаил Гиацинтов, Петр Пархоменко; 4-й степенью — старший надзиратель Красноярской тюрьмы Василий Старков.

Фото награжденного медалями «За усердие» и медалью
«За беспорочную службу в тюремной страже» с портретом Александра III

Константиновича Комина. Поздравления юбиляру прислали губернатор (в тексте — «начальник губернии»), вице-губернатор. На праздновании, помимо сослуживцев юбиляра, присутствовали губернский тюремный инспектор А.С. Теплов, инспектор пересылки арестантов в Восточной Сибири полковник А.П. Гудим, заведующий тюрьмой, товарищ (заместитель) прокурора Д.И. Нарциссов. После положенных по такому случаю поздравлений за усердную службу и подарков полковник Гудим сказал:

«Служите как служили до сих пор и помните, что... за Царем служба не пропада[ет]!»²¹

Служба действительно «не пропадала». Несмотря на важность материального фактора и его постоянную недостаточность, нематериальная награда (как описанные поздравления, статус поздравляющих, разные знаки отличия и т.п.) была важной составляющей стимулирования служебного усердия. Собственно, с этой целью учреждалась любая награда.

15 июня 1887 г. была учреждена «персональная» медаль для нижних чинов тюремного надзора — «За беспорочную службу в тюремной страже».

В соответствующей литературе устоялось мнение, что датой учреждения стало 3 декабря 1887 г., но это не так. 3 декабря были утверждены правила награждения медалью, а сама медаль — именно 15 июня 1887 г.

Это утверждение подтверждается:

мнением (решением, проектом в современном изложении) Государственного совета, которое было высочайше утверждено, т.е. утверждено Алексан-

²¹ Тюремный вестник. 1904. № 1. С. 35–36.

дром III именно в этот день и пункт 15 которого гласил, что «тюремные надзиратели... могут быть награждаемы медалями, установленными для лиц, поступающих в полицейские и пожарные команды по найму. В [этом] случае тюремные надзиратели подчиняются правилам, определенным Высочайшим повелением 17 декабря 1876 года, а выдаваемые им медали имеют надпись: “За беспорочную службу в тюремной страже”²²;

первой публикацией²³ списка награжденных этой медалью, который предварялся отсылкой к этому мнению (решению) — «на основании п. 15 ст. I Высочайше утвержденного 15 июня 1887 г. мнения Государственного Совета об устройстве управлений отдельными местами заключения гражданского ведомства и тюремной стражи и Высочайше утвержденных 3 декабря 1887 г. правил» — здесь ясно говорится, что пункт 15 был утвержден 15 июня, значит, и медаль, а 3 декабря — правила по применению этого пункта (по награждению медалью);

собственно законом, которым в итоге стало утвержденное мнение (решение) Госсовета. В № 4859 «Полного собрания законов» читаем: «Государь Император в 3 день декабря 1887, Высочайше утвердить соизволил нижеследующие правила [т.е. речь идет об утверждении 3 декабря правил награждения. — С.С.]». И в пункте 1 этих правил сразу указывается, что медаль была учреждена мнением (решением) Госсовета, утвержденным царем 15 июня 1887 г. — «Выдача учрежденной п. 15, Высочайше утвержденного, 15 июня 1887, мнения Государственного Совета серебряной медали... возлагается на Капитул Орденов»²⁴.

Все это в очередной раз позволяет подчеркнуть, что медаль «За беспорочную службу в тюремной страже» была учреждена именно 15 июня 1887 г.

Предложение о необходимости медали для тюремной стражи было высказано, видимо, при разработке Главным тюремным управлением, входившим на тот момент в структуру МВД, проекта устройства тюремной стражи. Высказывалось ли это предложение кем-то персонально, руководством управления²⁵ или было обусловлено самим ходом обсуждений

²² Подробнее см.: Отчет по Главному тюремному управлению за 1887 г. СПб., 1889. С. 129–132.

²³ Тюремный вестник. 1893. № 1.

²⁴ Полное собрание законов Российской империи. Собр. 3. Т. 7. 1887. СПб., 1889. № 4859.

²⁵ Руководил управлением на тот момент Михаил Николаевич Галкин-Враской (1832–1916) — русский ученый-пенитенциарист и государственный деятель, эстляндский и саратовский губернатор, статс-секретарь (1904), действительный тайный советник (1895). Поставленный в 1879 г. во главе вновь учрежденного Главного тюрем-

проекта по тюремной страже, неизвестно. Скорее всего, верно последнее — предложение по отдельной медали было и обусловленным самой логикой обсуждения и разработки, и коллективным. Это, во-первых, связано с тем, что до создания тюремной стражи (как полноценной структуры) тюремным делом, скажем так, занималась и полиция, нижние чины которой с 1876 г. имели свою «персональную» медаль; во-вторых, тем, что медаль для стражи в основных своих положениях по награждению повторяла положения медали для полицейских; в-третьих, полиция была важной (базовой) структурой в системе МВД, такой же в этом ведомстве должна была стать в ходе реформ по судопроизводству и уголовной системе в целом и тюремная стража; в-четвертых, если первая (полиция) имела «свою» медаль как знак отличия по службе, то и вторая (стража), чтобы поднять престиж службы, должна была иметь такой же знак; в-пятых, как в полиции медалью «За беспорочную службу» награждали «любящих правду, благочестие и верность»²⁶, так и от чинов тюремного надзора требовались эти качества и за их проявление на службе, проявление постоянное и деятельное, они так же должны были быть поощрены.

Медаль для тюремной стражи и по основным правилам награждения, и по внешнему виду²⁷ была прямым продолжением медали «За беспорочную службу в полиции», о чем, впрочем, говорилось в том же п. 15 мнения (решения) Госсовета.

Единственным значимым отличием во внешнем виде медалей, помимо надписи о принадлежности, была разница в форме ленты, опоясывавшей лавровый венок.

Ушко медали «За беспорочную службу в тюремной страже» и сама медаль связывались этой лентой в одно целое.

На медали «За беспорочную службу в тюремной страже» I типа изображен портрет Александра III, обращенный вправо (лицевая сторона). Работал над изображением лицевой стороны медальер А.А. Грилихес²⁸.

ного управления он провел ряд реформ в тюремном деле — были преобразованы тюремные штаты с улучшением материального и служебного положения служащих, учреждены губернские тюремные инспекции в 20 губерниях, построены несколько образцовых тюрем (в частности, Царицынская тюрьма), введен обязательный труд среди арестантов и т.п.

²⁶ Девиз ордена Святой Анны, на ленте которого носилась медаль «За беспорочную службу в тюремной страже». Лента (красная с жёлтой каймой) была зримым выражением этого девиза.

²⁷ Изображение медалей: <http://medalirus.ru/>

²⁸ Авраам Авенирович Грилихес (1849—1912) — медальер, сын медальера Грилихеса Авенира Гиршевича. В 1869—1876 гг. учился в Санкт-Петербургской Академии худо-

Медали «За беспорочную службу в полиции» и «За беспорочную службу в тюремной страже». Отличие в лентах

В обрезе под профилем императора стоят его инициалы — «АГ». Изображение оборотной стороны принадлежит руке медальера М.Я. Габе²⁹. Медаль чеканилась на Санкт-Петербургском монетном дворе в последние годы царствования Александра III.

Медаль II типа стали чеканить на Санкт-Петербургском монетном дворе с 1895 г. На ее лицевой стороне появилось изображение нового императора — Николая II. Медальером лицевой стороны был А.Ф. Васютинский³⁰, оборотной — тот же М.Я. Габе.

Последняя медаль отличалась от первой:

жеств. Вольнонаемный служащий Санкт-Петербургского монетного двора с 1873 г. С 1899 г. становится старшим медальером монетного двора. В 1878 г. работал над «восстановлением» штемпелей знака отличия Военного ордена Святого Георгия. Автор одной или двух сторон более 170 медалей.

²⁹ *Михель Яковлевич Габе* (1842–1908) — медальер. С 1885 г. мастер медальерного отделения Санкт-Петербургского монетного двора.

³⁰ *Антон Федорович Васютинский* (1858–1935) — медальер. С 1882 по 1889 г. учился в Санкт-Петербургской Академии художеств. Обучался и за границей у известного медальера Антона Шарффа (Вена). В 1893 г. был назначен старшим медальером Санкт-Петербургского монетного двора. В дореволюционный период мастером было создано более 120 наградных, памятных медалей, плакет. В советский период разработал штемпели ордена Ленина II типа, знака «Будь готов к труду и обороне СССР», золотого червонца.

Медаль «За беспорочную службу» I типа

Медаль «За беспорочную службу» II типа

расположением профиля императора — он увеличился и стал повернут влево;

шрифтом и расположением надписи «Б.М. НИКОЛАЙ II ИМПЕРАТОР И САМОДЕРЖЕЦЪ ВСЕРОСС.» — шрифт уменьшился, надпись разделилась профилем надвое;

количеством трехлистных розеток в лавровом венке — на второй медали их стало меньше, чем на первой;

лентой на лавровом венке — медаль упростилась, так как лента перестала связывать в единое целое медаль и ушко, ушко стало выполнять только техническую функцию — обеспечивать крепление.

Первые награждения медалью «За беспорочную службу в тюремной страже» состоялись в 1893 г. Общее представление о количестве награжденных медалями с изображением Александра III и Николая II дает следующая таблица.

Таблица награждения медалью

1	2	3	4	5	6	7
Год	Количество медалей	Количество тюрем (тюремных замков, исправительных арестантских отделений и прочее), где прошли награждения	Количество медалей (первая цифра) к количеству тюрем (тюремных замков, исправительных арестантских отделений и прочее) (вторая цифра)	Общее количество медалей по году	Источник	Примечания
<p>На основании п. 15 ст. I Высочайше утвержденного 15 июня 1887 г. мнения Государственного Совета об устройстве управлений отдельными местами заключения гражданского ведомства и тюремной стражи и Высочайше утвержденных 3 декабря 1887 г. правил.</p> <p>Царствование Александра III</p>						
1893 сроком на 1 января	169	62	1 – 28 2 – 15 3 – 5 4 – 2 5 – 1 6 – 6 7 – 3 13 – 2	169	Тюремный вестник. 1893. № 1	По 13 медалей было выдано чинам надзора в Тифлисской тюрьме с Мехетским замком и в Сандомирской тюрьме Привислинского края.
1894 сроком на 1 января	811	216	1 – 62 2 – 41 3 – 32 4 – 26 5 – 12 6 – 9 7 – 12 8 – 5 9 – 3 11 – 3 12 – 2 13 – 3 14 – 2 15 – 1 16 – 1 22 – 1 24 – 1		Тюремный вестник. 1894. № 2	24 медали было выдано чинам надзора в Саратовском исправительном арестантском отделении. 22 медали было выдано чинам надзора в Саратовской тюрьме.

1	2	3	4	5	6	7
1894 сроком на 1 июля	298	112	1 – 47 2 – 23 3 – 14 4 – 7 5 – 10 6 – 4 7 – 5 9 – 1 17 – 1	1109	Тюремный вестник. 1894. № 8	17 медалей было выдано чинам надзора в Оренбург- ской тюрьме.
Общее количество медалей по царствованию				1278	-	
Царствование Николая II						
1895 сроком на 1 января	601	177	1 – 42 2 – 43 3 – 34 4 – 21 5 – 14 6 – 3 7 – 3 8 – 4 9 – 2 11 – 6 12 – 4 14 – 1		Тюремный вестник. 1895. № 2	14 медалей было выдано чинам надзора в Петроков- ской тюрьме Петроковской губернии.
1895 сроком на 1 июля	296	98	1 – 44 2 – 21 3 – 7 4 – 7 5 – 6 6 – 2 7 – 3 8 – 1 9 – 1 10 – 4 13 – 1 28 – 1	897	Тюремный вестник. 1895. № 8	28 медалей было выдано чинам надзора в Илецком исправительном арестант- ском отделении Оренбург- ской губернии.
1896 сроком на 1 января	398	127	1 – 49 2 – 20 3 – 19 4 – 14 5 – 14 6 – 1 7 – 4 9 – 2 10 – 1 13 – 1 14 – 1 37 – 1		Тюремный вестник. 1896. № 2	37 медалей было выдано чинам надзора в Печенеж- ском исправительном арестантском отделении Харьковской губернии.
1896 сроком на 1 июля	118	55	1 – 28 2 – 13 3 – 5 4 – 3 5 – 2 6 – 2 7 – 1 8 – 1	516	Тюремный вестник. 1896. № 7	8 медалей было выдано чинам надзора в Лысковской тюрьме Нижегородской губернии.

1	2	3	4	5	6	7
1897 сроком на 1 января	360	154	1 – 67 2 – 38 3 – 21 4 – 7 5 – 12 6 – 4 7 – 2 8 – 1 9 – 1 11 – 1		Тюремный вестник. 1897. № 2	11 медалей было выдано чинам надзора в Митавской губернской тюрьме.
1897 сроком на 1 июля	202	87	1 – 42 2 – 20 3 – 11 4 – 3 5 – 3 6 – 3 7 – 2 8 – 1 10 – 2	562	Тюремный вестник. 1897. № 7	10 медалей было выдано чинам надзора в Одесской тюрьме.
1898 сроком на 1 января	374	167	1 – 80 2 – 38 3 – 21 4 – 7 5 – 9 6 – 7 7 – 2 8 – 2 10 – 1		Тюремный вестник. 1898. № 4	10 медалей было выдано чинам надзора в Тюмен- ской тюрьме Тобольской губернии.
1898 сроком на 1 июля	213	88	1 – 37 2 – 20 3 – 13 4 – 5 5 – 6 6 – 4 7 – 2 9 – 1	587	Тюремный вестник. 1898. № 10	9 медалей было выдано чи- нам надзора в Печенежском исправительном арестант- ском отделении Харьковской губернии.
1899 без срока	160	74	1 – 33 2 – 15 3 – 17 4 – 5 5 – 1 6 – 1 7 – 1 8 – 1	160	Тюремный вестник. 1899. № 9	Информация по количеству медалей требует уточнения. 8 медалей было выдано чинам надзора в Костром- ском исправительном арес- тантском отделении.
1900 сроком на 1 января	262	133	1 – 68 2 – 28 3 – 20 4 – 11 5 – 4 6 – 1 8 – 1	262	Тюремный вестник. 1900. № 3	8 медалей было выдано чинам надзора в Новгород- ской тюрьме.
1901 сроком на 1 января	343	175	1 – 100 2 – 37 3 – 17 4 – 6 5 – 6 6 – 4 7 – 1 8 – 3 9 – 1		Тюремный вестник. 1901. № 4	9 медалей было выдано чинам надзора в Москов- ской центральной пересыль- ной тюрьме.

1	2	3	4	5	6	7
1901 сроком на 1 июля	141	79	1 — 45 2 — 23 3 — 7 6 — 1 7 — 1 8 — 2	484	Тюремный вестник. 1901. № 8	По 8 медалей было выдано чинам надзора в Москов- ской губернской тюрьме и в Херсонском испра- вительном арестантском отделении.
1902 без срока	223	123	1 — 74 2 — 29 3 — 3 4 — 9 5 — 5 6 — 1 7 — 1 8 — 1		Тюремный вестник. 1902. № 4	8 медалей было выдано чинам надзора в Тобольской 1-й каторжной тюрьме. Единственное упоминание о выдаче медали в Грознен- ской тюрьме. Награду полу- чил Федор Матюхин.
1902 сроком на 1 июля	97	72	1 — 50 2 — 19 3 — 3	320	Тюремный вестник. 1902. № 8	По 3 медали было выдано чинам надзора в Орловской тюрьме, Псковской тюрьме, Духовщинской тюрьме Смо- ленской губернии.
1903 без срока	227	113	1 — 68 2 — 26 3 — 7 4 — 1 5 — 4 6 — 3 7 — 1 8 — 1 12 — 1 17 — 1		Тюремный вестник. 1903. № 3	17 медалей было выдано чинам надзора в Тифлисской тюрьме. 12 медалей было выдано чинам надзора в тюрьме г. Ростова-на-Дону.
1903 сроком на 1 июля	157	83	1 — 52 2 — 16 3 — 4 4 — 5 5 — 2 7 — 2 8 — 1 9 — 1	384	Тюремный вестник. 1903. № 8	9 медалей было выдано чинам надзора в Краснояр- ском тюремном замке.
1904 без срока	167	100	1 — 71 2 — 14 3 — 5 4 — 6 6 — 2 7 — 1 10 — 1		Тюремный вестник. 1904. № 3	10 медалей было выдано чинам надзора в Седецкой тюрьме Седецкой губер- нии.
1904 без срока	83	55	1 — 37 2 — 10 3 — 6 4 — 2	250	Тюремный вестник. 1904. № 7	По 4 медали было выдано чинам надзора в Зерентуй- ской тюрьме и Нерчинской каторге Забайкальской области.
1905 без срока	84	45	1 — 27 2 — 13 3 — 2 5 — 1 6 — 1 14 — 1	84	Тюремный вестник. 1905. № 7	14 медалей было выдано чинам надзора в Самарской губернской тюрьме.

1	2	3	4	5	6	7
1906 сроком на 1 января	149	89	1 – 65 2 – 11 3 – 3 4 – 4 5 – 2 6 – 2 7 – 1 8 – 1		Тюремный вестник. 1906. № 3	8 медалей было выдано чинам надзора в Харьковском исправительном арестантском отделении.
1906 сроком на 1 июля	88	50	1 – 28 2 – 12 3 – 7 5 – 3	237	Тюремный вестник. 1906. № 7	По 5 медалей было выдано чинам надзора в Херсонском исправительном арестантском отделении, Ярославском исправительном арестантском отделении, Ишимском тюремном замке Тобольской губернии.
1907	-	-	-	-	-	Информация по количеству медалей требует выяснения. С 1907 г. начинается «информационная» чехарда по количеству награжденных этой медалью. По ст. 790 Учреждения орденов по продолжению 1906 г. медаль стала выписываться из Капитула орденов непосредственно местным начальством. В результате Главное тюремное управление не всегда информировалось о количестве награжденных этой медалью.
1908	-	-	-	-	-	
1909	305	-	-	305	Отчет по Главному тюремному управлению Министерства юстиции за 1909 г.	Тюремный вестник № 3 за 1909 г. дал информацию только о 30 награжденных по сроку 1 января 1909 г.
1910 без срока	154	77	1 – 44 2 – 18 3 – 4 4 – 3 5 – 3 6 – 2 7 – 1 8 – 2		Тюремный вестник. 1910. № 2	По 8 медалей было выдано чинам надзора в Варшавском исправительном арестантском отделении и Рижском исправительном арестантском отделении.
1910 без срока	36	24	1 – 21 2 – 2 11 – 1	190	Тюремный вестник. 1910. № 8/9	11 медалей было выдано чинам надзора в Ярославском исправительном арестантском отделении.
1911	283	-	-	283	Отчет по Главному тюремному управлению Министерства юстиции за 1911 г.	Тюремный вестник № 1 за 1911 г. дал информацию только о 137 награжденных. 7 медалей из них получили чины надзора в Московской пересыльной тюрьме.

1	2	3	4	5	6	7
1912 без срока	109	60	1 — 30 2 — 16 3 — 6 4 — 2 5 — 3 6 — 1 7 — 1 9 — 1		Тюремный вестник. 1912. № 1	9 медалей было выдано чинам надзора в Алексан- дровской центральной каторжной тюрьме.
1912 сроком на 1 июля	89	48	1 — 27 2 — 12 3 — 4 4 — 3 6 — 1 8 — 1	198	Тюремный вестник. 1912. № 10	8 медалей было выдано чи- нам надзора в Саратовском исправительном арестант- ском отделении.
1913	-	-	-	-	-	По ст. 790 Учреждения орденов по продолжению 1906 г. медаль стала выписы- ваться из Капитула орденов непосредственно местным начальством. В результате Главное тюремное управле- ние не всегда информирова- лось о количестве награ- жденных этой медалью. Чтобы преодолеть «инфор- мационную» чехарду, Глав- ное тюремное управление выпустило циркуляр № 73 от 8 декабря 1914 г., которым обязывало местное началь- ство сообщать о награ- жденных этой медалью. Но отсутствие информации за указанные годы говорит, что этот циркуляр остался без внимания.
1914	-	-	-	-	-	
1915	-	-	-	-	-	
1916	-	-	-	-	-	
1917 январь февраль	-	-	-	-	-	
Общее количество медалей по царствованию				5689	-	Если указанное количество разделить на 16 лет, по кото- рым есть информация — по- лучим в среднем 356 меда- лей в год, что соответствует устоявшейся информации о годовом вручении медалей. Остаются не охваченными информацией по выдаче медали 6 лет. В пересчете по среднему количеству — 2136 медалей. Предположительное общее количество медалей по последнему царствованию составит 7825 шт. Это значительно меньше, чем фигурирующее в извест- ной литературе количество медалей «За беспорочную службу в тюремной страже» Николая II.

По информации «Тюремного вестника»³¹, на конец царствования Александра III медалями «За беспорочную службу» было награждено **1278** человек. Информация эта вполне заслуживает доверия (даже без обращения к архивным фондам Капитула орденов) и потому, что издание было официальным органом Главного тюремного управления (далее ГТУ) и в нем печатались данные о всех награждениях по этой структуре, и потому, что по правилам награждения³² сведения о награжденных представлялись губернаторами и градоначальниками в то же ГТУ для дальнейшего заказа нужного количества медалей в Капитуле орденов. Здесь не проясненным остается только одно — с началом нового царствования, в 1895 г. по сроку на 1 января (а сведения по награжденным на этот срок должны были быть поданы в Капитул еще в конце 1894 г.), выдавались медали с изображением Александра III (I тип) или Николая II (II тип), но с задержкой в выдаче? На эту мысль наводит указание в специальной литературе со ссылкой на работу Е.С. Щукиной «Монограммы и подписи на русских медалях XVIII — начала XX веков», что медаль с изображением Николая II была утверждена (видимо, речь идет об изменениях во внешнем виде) самим же Николаем только 28 апреля 1895 г. В «Полном собрании законов Российской империи» за 1895 г. это утверждение внешнего вида медали не отразилось. Но там отразилось за май 1895 г. утверждение нового внешнего вида монет³³, где изображение императора и окружающей надписи идентично изображению и надписи на медали «За беспорочную службу в тюремной страже», что косвенно подтверждает апрельское утверждение нового внешнего вида медали. То есть если новый вид медали был утвержден только в конце апреля 1895 г., то с чьим изображением выдавались медали в начале 1895 г.? Или фактические награждения сдвинулись, пока медаль с новым изображением не была отчеканена монетным двором? В то же время приказ о награждении медалями должен был быть подписан начальником ГТУ еще в конце 1894 г. (царствование Александра III завершилось 20 октября 1894 г.). В конце этого же года должна была уйти заявка в Капитул орденов на

³¹ Журнал «Тюремный вестник» стал выходить с 1893 г. Был официальным печатным органом Главного тюремного управления сначала МВД, а потом Министерства юстиции.

³² См.: Полное собрание законов Российской империи. Собр. 3. Т. 7. 1887. СПб., 1889. № 4859.

³³ Полное собрание законов Российской империи. Собр. 3. Т. 15. 1895. СПб., 1899. № 11720.

медали «За беспорочную службу в тюремной страже» и изображение на ней должно было остаться еще Александра III.

Все это важно только для одного — определения количества медалей с изображением Александра III, ведь речь идет о дополнительных **601** шт. к и так небольшому количеству медалей этого типа.

В общем, если принять чисто календарное разграничение периодов царствования, то поименно подтвержденных награждений медалями с изображением Александра III было **1278**, если учитывать сомнения, описанные выше — **1879**. Возможная верность последнего заставит корректировать количество выданных медалей с портретом Николая II. Их могло быть **7825**³⁴ или **6996**³⁵ с поправкой на примерность этих цифр.

Изменение в 1906 г. пункта 790 правил награждения этой медалью, в результате чего губернаторам и градоначальникам разрешено было напрямую³⁶ заказывать медаль в Капитуле орденов, а ГТУ ставить только в известность об этом, внесло информационную чехарду, о которой с сожалением писалось в Отчете за 1913 г.³⁷ и с которой безуспешно пыталось бороться тюремное управление, издавая соответствующие циркуляры и инструкции³⁸.

Тем не менее то, что известно, позволяет говорить о малом тираже этих медалей, а значит, и малом количестве награжденных этой медалью.

³⁴ С учетом неполных данных за 1899 г. «Тюремный вестник» подтвердил 5689 награждений за 16 лет или в среднем 356 награждений в год. Это укладывается в устоявшееся представление о среднем награждении в 350—400 медалей/год. Применив цифру 356 к информационно пустым 6 годам (1907, 1908, 1913, 1914, 1915, 1916), получим усредненное количество за 6 лет — 2136 медалей. Вместе с награждениями за 16 лет (5689) — 7825 медалей.

³⁵ В том случае, если 601 награжденный на 1.01.1895 г. получил медаль с профилем Александра III, то подтвержденное «Тюремным вестником» количество 5689 медалей с изображением Николая II нужно снизить до 5088. Среднее за 16 лет составит 318 в год. Шесть «пустых» лет дадут 1908 награждений. А итог, опять-таки, средний — 6996 медалей.

³⁶ Здесь надо отметить и то, что еще 19 апреля 1904 г. законом «Об изменении порядка разрешения некоторых дел» разрешение это было передано из центральных органов в местные. В частности, представление о награждении медалями из ст. 770, 778, 785 («тюремная стража») «Учреждения орденов и других знаков отличия» должно было вноситься непосредственно губернаторами в Капитул орденов. См.: Тюремный вестник. 1904. № 6. С. 407.

³⁷ Отчет по Главному тюремному управлению за 1913 г. СПб., 1914. С. 9.

³⁸ Циркуляр ГТУ № 73 от 8.12.1914 г. // Памятка тюремного надзирателя. Сост. Н.Ф. Лучинский. Петроград, 1915. С. 43—44.

Фото старшего надзирателя Царицынской тюрьмы Саратовской губернии Д.В. Елина³⁹

Так как тюремная стража была образована 15 июня 1887 г., то получить медаль «За беспорочную службу в тюремной страже» (разъяснял циркуляр ГТУ № 7 от 5 марта 1888 г.) можно было только, прослужив непрерывно в страже 5 лет после указанной даты. Служба в тюремном надзоре до этой даты в «медальную» выслугу не входила⁴⁰. В этом смысле получение медали должно было считаться как бы награждением по статуту, «обусловленным единственно беспорочною выслугою определенного числа лет»⁴¹.

Циркулярным распоряжением по ГТУ № 12 от 6 июля 1894 г. «О порядке представления к наградам и форме наградных списков для чинов тюремного надзора» вводилась общая форма наградного списка⁴² на каждого представляемого к награде и на всех награждаемых.

³⁹ Старший надзиратель Царицынской тюрьмы Саратовской губернии Дмитрий Елин был награжден медалью «За беспорочную службу в тюремной страже» в 1895 г. Шейной серебряной медалью «За усердие» на аннинской ленте в 1897 г. Шейной золотой медалью «За усердие» на владимирской ленте в 1902 г.

⁴⁰ Устав о содержащихся под стражей / Сост. А.Н. Рябчиков. Казань, 1903. С. 62.

⁴¹ Циркуляр ГТУ № 12 от 6 июля 1894 г. // Тюремный вестник. 1894. № 8. С. 382.

⁴² Тюремный вестник. 1894. № 8. С. 383.

Фото Царицынской тюрьмы Саратовской губернии, построенной в 1886 г.

Представления к награждению должны были отправляться губернаторами и градоначальниками в ГТУ к 1 октября текущего года⁴³, а пожалование медалями объявлялось 1 января следующего года. Наряду с этим в п. 6 правил награждения этой медалью⁴⁴, а затем и в № 790 «Учреждения орденов и других знаков отличия»⁴⁵ говорилось, что списки представленных к награждению отправляются в ГТУ раз в полугодие.

Лимит 1 награда на 40 человек (в 1906–1908 гг. лимит был понижен — 1 награда на 12 человек) на эту медаль не распространялся, опять-таки потому, что награждение этим знаком отличия было обусловлено выслугой определенного количества лет.

Обобщая, надо сказать, что александровские преобразования, будучи как следствием развития новых экономических отношений,

⁴³ «Означенные списки, один общий и отдельные на полулистах о каждом лице, должны доставляться однажды в год с таким расчетом, чтобы они поступали в [ГТУ] не ранее 1 сентября и не позднее 1 октября, так как, в противном случае, слишком ранние представления, вследствие могущих произойти перемен в составе и служебном положении поименованных в списке лиц, будут вызывать излишнюю дополнительную переписку, а запоздавшие ходатайства могут остаться без рассмотрения и, таким образом, отдалить получение представленными лицами заслуженных ими наград». См.: Тюремный вестник. 1894. № 8. С. 382.

⁴⁴ Полное собрание законов Российской империи. Собр. 3. Т. 7. 1887. СПб., 1889. № 4859.

⁴⁵ См.: Учреждение орденов и других знаков отличия. СПб., 1892.

Форма лит. А.

НАГРАДНЫЙ СПИСОКЪ
о старшихъ надзирателяхъ, служащихъ въ мѣстахъ заключенія
губернiи.

№	Должность, званiе, имя и фамилiя, знаки отличiя.	Съ какого времени				Классъ долж-ности.	Годо-вой ок-ладъ содер-жания.	Не былъ ли подъ слѣдствiемъ или судомъ.	Когда и какую получилъ послѣднюю награду.	Къ чему пред-ставляется.
		Въ служ-бѣ.	Въ вѣдом-ствѣ.	Въ чи-нѣ.	Въ долж-ности.					
				—		—				
				—		—				
				—		—				

2^a

Форма наградного списка

так одновременно и их катализатором, двигали империю в сторону правомерного государства. В частности, это выразилось в реформах судопроизводства и в целом уголовной системы. Прямым результатом чего стала трансформация всего тюремного устройства в стране, прежде всего управления и надзора. С созданием ГТУ (Главного тюремного управления, в ведении которого находится вся тюремная система, в том числе и тюремная стража) в 1879 г. началась хотя бы правильная тюремная статистика с публикацией подробных годовых отчетов, не говоря уже о строительстве новых тюрем и улучшении их санитарного состояния. С 1893 г. ГТУ стало выпускать свой журнал информационно-просветительского характера, на страницах которого печатались и дискуссионные статьи о должном развитии тюремной системы. Также «Тюремный вестник» с регулярностью знакомил с зарубежным опытом тюремного устройства (в контексте его восприятия и учета), например, под «шапкой» «В поисках идеальной тюрьмы» (!) в 1907 г. выходили статьи Н. Лучинского (инспектор ГТУ) «Американские тюремные учреждения», «Тюрьма “Моабит” в Берлине» (последнее звучит сейчас неоднозначно).

ГТУ выступило и основным разработчиком системы непосредственного тюремного управления и надзирательской службы. В 1887 г. создается тюремная стража, как структура поддержания тюремного порядка и обеспечения внутреннего надзора. Основной упор в кадрах делается на отставных нижних воинских чинов, а также в привлечении на службу и удержании на ней — на материальные факторы (хоть небольшой, но постоянный рост оклада, надбавки за выслугу, пенсии,

пособия и т.п.). Говорилось даже, что увольняемых с воинской службы нужно рекрутировать в стражу как можно скорее, чтобы они не успели найти больших материальных выгод в других сферах.

В то же время сразу при создании стражи было уделено внимание и другим факторам (нематериальным, учитывающим психологические и культурные закономерности) — 15 июня 1887 г. учреждается особая медаль собственно для тюремной стражи. Медаль стала второй в линейке «персонально-ведомственных» медалей. Была прямым продолжением как по внешнему виду, так и по правилам награждения медали «За беспорочную службу в полиции».

Анализ публикаций в «Тюремном вестнике» по награжденным этой медалью позволил определить количество медалей за царствование Александра III в 1278 шт. А с учетом календарного разграничения периодов царствования Александра III и Николая II по последнему правлению получаем примерную цифру награждений в 7825 шт. Общую правильность этой цифры косвенно подтверждает количество среднегодовых награждений при Николае II в 356 шт., что четко укладывается в устоявшиеся и отраженные в специальной литературе представления о среднегодовой выдаче этих медалей в 350–400 шт.

Обращение к архивам Капитула орденов по награждению медалью «За беспорочную службу в тюремной страже» если и может изменить данные по количеству выданных медалей, то незначительно. И та информация, что есть, говорит о редкости этой медали и об особой службе награжденных ею — не каждому пришедшему в тюремный надзор удавалось беспорочным пятилетием выслужить этот знак отличия.

Если же говорить в целом о тюремной реформе, то она предполагала прежде всего изменение управленческой конструкции — выстраивание централизованной системы и снятие проблемы управленческой «распыленности», где тюремный комплекс находился под патронажем разных ведомств.

Первым шагом здесь стало создание Главного тюремного управления (первоначально в структуре МВД), полномочия которого, по словам А.П. Саломона⁴⁶, распространялись на все места заключения,

⁴⁶ Александр Петрович Саломон (1855–1908) происходил из дворян. В 1874 г. окончил Императорский Александровский лицей. Участник Русско-турецкой войны 1877–1878 гг. По болезни военную карьеру не продолжил. В 1881 г. получил чин коллежского асессора и определен на службу в Главное тюремное управление МВД. С 1896 по 1900 г. начальник ГТУ. С 1900 по 1908 г. — директор Александровского лицея.

каторжные работы, ссылку и пересылку арестантов. «До управления восходят все наиболее существенные дела и вопросы, касающиеся прохождения службы чинов тюремной администрации, сооружения и ремонта тюремных зданий, снабжения арестантов всеми видами довольствия, занятия их работами...»⁴⁷

Очередным этапом в формировании управленческого каркаса было появление института тюремных инспекторов. Об этом институте можно говорить как об управленческой находке, не имеющей аналогов в зарубежной тюремной практике, опыт которой активно изучался в ходе реформирования российской тюремной системы. На тюремную инспекцию «возлагались обязанности осуществления ревизий местных тюремных учреждений, руководство их деятельностью, а также разработка законодательных предположений»⁴⁸. И хотя зона деятельности инспекции была в основном ограничена европейской частью Российской империи (на остальных территориях «тюрьмоведение», скажем так, оставалось прерогативой губернских и областных начальников), эта структура регионального (среднего, тактического) уровня стала узловым элементом между центром в виде ГТУ и местами заключения. По горизонтали губернская тюремная инспекция взаимодействовала по тюремным вопросам с губернаторами, по вертикали — с Главным управлением. Хотя современники, как, например, С. Кашнев на страницах «Тюремного вестника» № 3 за 1897 г., отмечали, что за губернаторами (а не губернскими инспекторами) остается исключительное право в назначении тюремных начальников, их помощников, их отставлении от службы, награждении и т. п.

Тем не менее в тюремном комплексе создавалась классическая управленческая система пирамидального типа (что потом в социологии получит название «пирамида Парсонса»), где высший (стратегический) уровень отводился Главному управлению, средний (тактический и собственно управленческий) — губернским тюремным инспекциям, базовый (операционный, технический) — непосредственной тюремной администрации, начиная с начальника тюрьмы и заканчивая младшим стражником (надзирателем).

Еще одним нововведением стало создание при ГТУ Совета по тюремным делам, имевшего экспертно-совещательный характер, и к работе в котором на безвозмездной основе привлекались в основ-

⁴⁷ Саломон А.П. Тюремное дело в России. СПб., 1898. С. 10–11.

⁴⁸ Подробнее см.: Детков М.Г. Тюрьмы, лагеря и колонии России. М., 1999.

ном ученые — тюрьмоведы (тюрьмоведение стало одним из направлений юриспруденции). Содержательно (идейно) историю этого органа можно вести еще от комиссий Соллогуба и Зубова.

Концептуально управленческая реформа если не завершилась, то оформилась утверждением в 1915 г. Общей (т.е. применимой во всех местах заключения и на всей подотчетной территории) тюремной инструкции, которая представляла не только унифицированный и детально расписанный закон об исполнении наказаний, но где регламентировались вопросы тюремного управления, внутреннего распорядка, должностные инструкции тюремной администрации и пр. Достоинством и то, что ряд нормативных положений этой инструкции действовал в Советской России и действует в современной.

Наряду с выстраиванием управления тюремной системой значимым в тюремной реформе была и нацеленность на гуманизацию (в широком смысле слова) этой системы, что было общеевропейской тенденцией и что масштабно показал Мишель Фуко в работе «Надзирать и наказывать».

Например, Михаил Гернет в своей «Истории царской тюрьмы» отмечал, что с 1888 по 1902 г. было построено 58 тюрем (см.: *Гернет М.Н. Указ. соч.*), что безусловно, хотя бы частично, снимало проблему скученности, антисанитарии, значит, и развития эпидемических заболеваний. При строительстве новых тюрем, как и при переустройстве старых, обязательным требованием стало наличие в них больничных и коммунально-бытовых помещений, отдельных помещений для несовершеннолетних, соблюдение санитарных норм объема помещений для содержания заключенных.

Подтверждением указанной тенденции может служить и постоянный рост расходов на содержание тюремной системы. С 9 млн в 1879 г. они выросли, как писал М.Г. Детков, до 34 млн в 1902 г. (см.: *Детков М.Г. Указ. соч.*).

Направленность на социализацию тюремной системы проявилась и в более частном вопросе. Речь идет о ее низовом звене — тюремном надзоре. Наряду с мерами материального и морального стимулирования, поддержки и поощрения тюремная стража получила свою форму (вместо разношерстной одежды с бубновым тузом на спине), которая стала не только указанием на принадлежность к системе, элементом дисциплинирования, но и фактором, способствующим развитию чувства собственного достоинства. Важным для ГТУ был

и вопрос профессиональной подготовки кадров службы надзора. Его решению, отчасти, должны были способствовать школы для надзирателей в столичных городах, положения о которых были утверждены на излете империи.

Все вышеперечисленное, не отменяя управленческих провалов в тюремной системе, произвола тюремной администрации, нехватки соответствующих потребностям времени тюрем, эпидемической неблагополучности мест заключения и т.п., говорит о политике государства в пореформенный период в тюремном вопросе, как политике системной, нацеленной на рационализацию и социализацию тюремной сферы.

Приложение

Ф О Р М А

письменнаго обязательства, отбираемаго, на основ. утв. Министромъ Внутреннихъ Дѣлъ 2 Декабря 1883 года, журнальнаго постановленія Совѣта по тюремнымъ дѣламъ отъ 10 Ноября 1883 года.

190 года (мѣсяць, число) дня я, нижеподписавшійся (звание, имя, отчество и фамилія) поступилъ въ (такое то мѣсто заключенія старшимъ или младшимъ) надзирателемъ на слѣдующихъ условіяхъ:

1) Въ отношеніи надзора за арестантами я (фамилія) долженъ быть въ полномъ распоряженіи (смотрителя или начальника), а равно по его указаніямъ исполнять всѣ постановленныя о тюремномъ содержаніи правила, обязанности свои нести честно и быть постоянно трезвымъ.

2) Въ теченіи первыхъ пяти мѣсяцевъ моей службы изъ содержанія моего должно удерживаться по (два и три) рубля въ мѣсяць, всего (десять или пятнадцать) рублей. Деньги эти должны храниться все время моей службы въ должности (младшаго или старшаго) (такого то мѣста заключенія) въ видѣ залога.

3) Должность свою я добровольно могу оставить, прослуживъ не менѣе одного года и предупредивъ объ этомъ (смотрителя или начальника) не позже какъ за двѣ недѣли; ранѣе же года оставить эту службу могу я (фамилія) только по болѣзни, засвидѣтельствованной мѣстнымъ тюремнымъ врачомъ, по призыву на дѣйствительную службу, или инымъ причинамъ, которыя будутъ признаны самимъ начальствомъ уважительными.

4) Требовать возврата залоговыхъ денегъ я (фамилія) при увольненіи имѣю право только тогда, когда оставлю службу на основаніи предыдущаго 3 п., въ прочихъ же случаяхъ это будетъ зависѣть отъ усмотрѣнія Начальства.

5) За проступки мои на службѣ, не подлежащіе преслѣдованію въ общемъ судебнo-уголовномъ порядкѣ, я могу быть подвергнутъ, по усмотрѣнію (смотрителя или начальника) его властью: замѣчанію, выговору и аресту до 7 дней.

6) Равнымъ образомъ, по его же (смотрителя или начальника) усмотрѣнію, я могу быть подвергнутъ штрафу въ размѣрѣ отъ 1—5 рублей, которые и должны быть удержаны изъ первой выдачи мнѣ жалованья, или быть уволенъ вовсе отъ службы безъ расчета за текущій мѣсяць и даже съ удержаніемъ моего залога.

7) Обязательство это я обязуюсь соблюдать свято и ненарушимо.

Подлинное, подписанное мною, имѣть храниться при дѣлахъ конторы (мѣста заключенія), а мнѣ на руки должна быть выдана копія, удостовѣренная (смотрителемъ или начальникомъ).

Подпись

References

1. *Bitkin V.* Consolidated catalog of Russian medals [Svodnyi katalog medaley Rossii]. Kiev: Yunona-Moneta, 2008.
2. *Detkov M.G.* Prisons, camps and colonies of Russia [Tyur'my, lagerya i kolonii Rossii]. Moscow: Verdikt-1M, 1999.
3. *Gernet M.N.* The history of the Tsar's prison [Istoriya tsarskoy tyur'my]. In 3 vols., Vol. 3. Moscow: Gosyurizdat, 1961.
4. *Mironov B.N.* The Russian Empire: From tradition to modernity [Rossiyskaya imperiya: ot traditsii k modernu]. In 3 vols., Vol. 3. St. Petersburg: Dmitriy Bulanin, 2015.
5. *Pertli L.F.* Prison policy of the Russian Empire (1879–1917) [Tyuremnaya politika Rossiyskoy imperii] // Bulletin of the penal system [Vedomosti ugolovno-ispolnitel'noi sistemy]. 2018. № 9. P. 29–35.
6. *Peters D.I.* Award medals of the Russian Empire. Reign of Emperor Alexander III (1881–1894) [Nagradnye medali Rossiyskoy imperii. Tsarstvovanie imperatora Aleksandra III (1881–1894)]. Moscow: Drevlekhranilishche, 2002.
7. *Peters D.I.* Award medals of the Russian Empire. Reign of Emperor Nicholas II (1894–1917) and the period of the Provisional government [Nagradnye medali Rossiyskoy imperii. Tsarstvovanie imperatora Nikolaya II (1894–1917) i period Vremennogo Pravitel'stva]. Moscow: Drevlekhranilishche, 2005.
8. *Salomon A.P.* Prison business in Russia [Tyuremnoe delo v Rossii]. St. Petersburg, 1898. Collection of circulars issued by the main prison administration in 1879–1910. Ch. II. 1896–1910 [Sbornik tsirkulyarov, izdannykh po Glavnomu Tyuremnomu Upravleniyu v 1879–1910 gg. Ch. II. 1896–1910 gg.]. St. Petersburg, 1911.

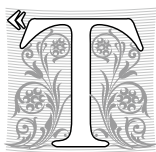

Ключевые слова:

александровские изменения; реформа тюремного управления; тюремная стража; Главное тюремное управление; «Тюремный вестник»; медаль «За беспорочную службу»

Sergey V. Sytin

«Service to the Tsar Never Goes Unrewarded». The Prison Guard and the Medal for Meritorious Service

The paper explores the history of the Medal for Meritorious Service in the Prison Guard, established in 1883. It presents the first analysis of instances when such medals were awarded and, consequently, circulated through the country under Alexander III and Nicholas II, based on official reports from the Main Prison Administration, as well as publications in its journal, the Prison Bulletin. Our analysis of name-by-name medal recipient lists have, despite the gaps in the records for certain years, resulted in the first-ever estimate of how many individuals were awarded such medals each year and overall, during the two emperors' reigns. The article examines the medal's establishment date and the rationale behind its creation. The medal's, to use a lofty term, genesis is an integral part of both the broader historical context of the prison administration reform and the establishment of the Prison Guard (for whom this medal was intended) in the Russian Empire during the second half of the 19th century.

Keywords: Alexander's reforms; prison administration reform; Prison Guard; Main Prison Administration; Prison Bulletin; Medal for Meritorious Service

Sergey V. Sytin — Ph.D. in Philosophy (Moscow, Russia).
s.1910@bk.ru

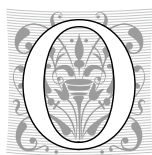
Сытин Сергей Владимирович

кандидат философских наук (Москва, Россия)
s.1910@bk.ru

Д.Е. Мишин

Сасанидское завоевание Йемена

завоевании Йемена войсками Сасанидов мы узнаём главным образом от средневековых мусульманских писателей. Расходясь между собой в деталях, они дают нам если не одну картину событий, то во всяком случае один их сюжет, который можно представить примерно так. После смерти эфиопского правителя Йемена Абрахи, предпринявшего неудачную попытку захватить Мекку («поход слона»), юго-западная Аравия находилась под властью его сыновей Йаксума (*Yaksūm*)¹, а затем Масрука (*Masrūk*). Вследствие произвола, который творили эфиопские правители, один из представителей знатного йеменского рода Йаз'анов обратился за помощью к византийскому императору, но получил отказ. Тогда он направился к сасанидскому царю² и был принят при его дворе благодаря содействию подчинявшегося Сасанидам лахмидского правителя Хиры. Первоначально царь не стал помогать эмигранту, но пожаловал ему денег. Последний, будучи недоволен таким решением, стал раздавать эти деньги всем встречным. После этого царь держал совет со знатью, и было решено предпринять поход на Йемен, направив на его завоевание узников тюрем: если они одержат победу, держава приобретет новые владения, а если погибнут — на то они уже были осуждены. Это

¹ Так арабоязычные авторы называют Аксума, сына Абрахи, известного нам по южноаравийской надписи СІН 541.

² К Хосрову I Ануширвану (531—579).

Вехриз поражает стрелой Масрука (иллюстрация к рукописи истории Балами).
Надпись над изображением означает: «Стрела попала точно в жемчужину (которую Масрук носил на голове. — Д.М.) и расколола ее надвое, затем пронзила корону и лоб Масрука и вышла из его затылка»

войско, предводителем которого был назначен престарелый полководец, именуемый *Вахриз* (*Wabriz*), по морю прибыло в Йемен и сразилось с силами эфиопского правителя. Метким выстрелом из лука Вахриз убил правителя, эфиопское войско потерпело поражение, и Йемен был подчинен власти Сасанидов³.

³ Дошедшие до нас сведения в основном восходят к нескольким рассказам ранних авторов, именно: (1) аш-Ша'би (*al-Sha'bi*, род. ок. 660 г., ум. в 20-е гг. VIII в.) (в передаче неизвестного автора трактата «Предел желаний в истории персов и арабов» (*Nihāyat al-arab fī akhbār al-furs wa al-ʿarab*. Ed. M.T. Dānishpezhūh. Tehran: Andjoman-i-āthār wa mafākhir-i-farhangī, 1996/97. P. 316–319), (2) Ибн Исхака (*Ibn Ishāq*, ум. в 60-е гг. VIII в.) (*Sīrat al-Nabī li ... Ibn Hishām*. Ed. M.F. al-Sayyid. Tanta: Dār al-ṣaḥāba li-l-turāth bi Ṭanṭā. 1995. Pt. 1. P. 104–107 (в передаче Ибн Хишама (*Ibn Hishām*, ум. в 828/29 или 833 г.)), *Annales quos scripsit Abu Djafar Mohammed Ibn Djarir at-Tabari*. Ed. M.J. De Goeje. Prima series. II. Rec. J. Barth, Th. Nöldeke. Lugduni Batavorum, 1881–1882. P. 946–950 (в передаче ат-Табари (*al-Ṭabarī*, 838/39 – 923)); см. также: *Kitāb al-tidjān fī mulūk Ḥimyar*. Sana: Markaz al-dirāsāt wa al-abḥāth al-yamaniyya, 1979. P. 315–316, где рассказ приведен со ссылкой на Ибн Хишама), (3) Хишама ал-Калби (*Hishām al-Kalbī*, род. ок. 738 г., ум. в 819/20 или 821/22 г.) (в передаче ат-Табари, *Annales...* 1881–1882. P. 950–956), (4) Абу Убайды Ма'мара ибн ал-Мусанны (*Abū 'Ubayda Ma'mar Ibn al-Muthannā*, род. в 728/9 г., ум. в 824/5 или 828/9 г.; *Kitāb al-dībādj. Ta'lif ... Abī 'Ubayda Mu'ammār Ibn al-Muthannā al-Taymī*. Ed. 'A. al-Djarbū', 'A. al-'Uthaymīn. Cairo: Maktabat al-Khāndjī, 1991. P. 103–106). Более поздние авторы, как правило, воспроизводят сообщения своих предшественников, иногда компилируя сведения, принадлежащие к разным рассказам. Наиболее подробные такие известия

Как объект исследования сасанидское завоевание Йемена уступает по изученности другим событиям истории этой страны, таким как царствование Иосифа зу Нуваса и его репрессии против христиан Наджрана, приход эфиопских войск, правление Абрахи и его поход на Мекку, а также, разумеется, распространение ислама. Но важность этого завоевания очевидна: оно стало началом нового, продлившегося более

см. в: al-Akhbār al-ṭiwāl. Taʿlif ... al-Dīnawarī. Ed. ʿA. ʿĀmir. Cairo: Wizārat al-thaqāfa wa al-irshād al-ḳawmī (al-Iḳlīm al-djanūbī), al-Idāra al-ʿamma li-l-thaqāfa, 1960. P. 63–64; al-Ansāb li ... al-ʿAwtabī al-Ṣuḥārī. Ed. M. Iḥsān al-naṣṣ. Muscat: Wizārat al-turāth al-ḳawmī wa al-thaqāfa, 2006. P. 247–250; Kitāb al-aghānī li-l-imām Abī-l-Faradj al-Aṣbahānī. Ed. A. al-Shīnkīṭī. Cairo, 1905. Pt. 16. P. 71–72; Kitāb al-ilmām bi-l-iʿlām fi-mā djarat bi-hi al-aḥkām wa al-umūr al-maḳḍiyya fi waḳʿat al-Iskandariyya li ... al-Nuwayrī al-Iskandarānī. Pt. 1. Ed. E. Combe, ʿA.S. ʿAṭiyya. Hyderabad: Dāʿirat al-maʿārif al-ʿuthmāniyya, 1968. P. 292–294; Nihāyat al-arab fi funūn al-adab. Taʿlif ... al-Nuwayrī. Vol. 15. Cairo: Dār al-kutub al-miṣriyya, 1949. P. 309–310; Le livre de la création et de l’histoire de Motahhar ben Tāhir el-Maḳdisī attribué à Abou-Zéid Aḥmed ben Sahl el-Balkhī. Pub. et tr. Cl. Huart. T. III. Paris, 1903. P. 188–194; *al-Masʿūdī*. Murūd al-dhahab wa maʿādin al-djawhar. Ed. Ch. Pellat. Beirut: al-Djāmiʿa al-lubnāniyya. Pt. 2, 1966. P. 202–204; Mulūk Ḥimyar wa aḳyāl al-Yaman. Ḳaṣīdat Nashwān bin Saʿīd al-Ḥimyarī ... wa sharḥu-hā al-musammā Khulāṣat al-sīra al-djāmiʿa li ʿadjāʿib akhbār al-mulūk al-tabābiʿa. Ed. ʿA. al-Muʿayyad, I. al-Djarāfi. Cairo: al-Maṭbaʿa al-salafiyya, 1974. P. 149–151; Nuzhat al-djalīs fi munyat al-adīb al-anīs. Taʿlif ... al-Makkī. Najaf: al-Maktaba al-ḥaydariyya, 1967. P. 417–419; Tārīkh-nāmeḥ-i-Ṭabarī. Gardānīdeh-i-mansūb be Balʿamī. Ed. M. Rowshan. Tehran: Soroush, 1995. P. 727–731. Представитель рода Йаз’анов, о котором идет речь, у аш-Ша’би, Ибн Исхака и Абу Убайды именуется Сайф ибн зи Йазан (*Sayf Ibn dhī Yazan*). У Хишама ал-Калби к сасанидскому царю первоначально обращается ал-Файйад зу Йазан (*al-Fayyād dhī Yazan*), который умирает, не получив помощи. После этого к царю направляется сын ал-Файйада Ма’дикариб (*Maʿḍikarīb*), который во время смерти отца находился в Йемене. В дальнейшем в рассказе Хишама ал-Калби о сасанидском завоевании Йемена фигурирует только Ма’дикариб, к которому относится то, что у аш-Ша’би, Ибн Исхака и Абу Убайды говорится о Сайфе. Некоторые средневековые авторы, столкнувшись с непреодолимым противоречием между этими версиями, пытались примирить их и писали, что с сасанидским войском Йемен завоевал сын ал-Файйада, но по имени Сайф (*Le livre...*, 1903. P. 188–194; *Tārīkh-nāmeḥ...*, 1995. P. 727–731). Свидетельством в пользу версий аш-Ша’би и Ибн Исхака можно считать два стиха, приписываемые современнику рассматриваемых событий — доисламскому поэту Умайе ибн Абй-с-Салту (*Umayya Ibn Abī-l-Ṣalt*), из которых следует, что один и тот же человек ездил к византийскому императору и сасанидскому царю, а впоследствии правил в Йемене, однако имя этого человека не упоминается; он называется Ибн зи Йазан (*Dīwān Umayya Ibn Abī-l-Ṣalt*. Ed. ʿA. al-Siṭlī. Damascus: al-Maṭbaʿa al-taʿāwuniyya, 1974. P. 424–426, 453–459). Поэтому на данном этапе с уверенностью можно утверждать лишь то, что за помощью к сасанидскому царю обратился представитель рода Йаз’анов. Поэтому далее этот человек будет именоваться «родовым» именем *Йаз’ан*. Это имя транслитерируется в соответствии с его написанием в южноаравийских надписях (*Yzʿn*), однако там, где цитируются или пересказываются тексты на арабском языке, приводится арабская форма *Йазан*.

полувека периода в истории Йемена, когда он находился под верховной властью Сасанидов. Настоящее исследование направлено на то, чтобы по мере возможности восстановить ход событий и исследовать их с учетом исторического контекста.

В тех относительно немногих работах специалистов, где разбирается история сасанидского завоевания Йемена, дискуссия сосредоточена в основном на том, к какому времени относится это событие. Широко известны слова Ибн Исхака о том, что правление эфиопов в Йемене от времени их вторжения до гибели их последнего правителя Масрука в борьбе с сасанидскими войсками продолжалось 72 года⁴. Но уже Т. Нёльдеке усомнился в правильности этого утверждения, отметив, что данная цифра завышена, а владычество эфиопов над Йеменом продолжалось с 526 г. примерно по 570 г.⁵ На мнении Т. Нёльдеке впоследствии основывался А. Кристенсен, который в своей истории государства Сасанидов отнес завоевание Йемена персами к 570 г., причем, судя по тексту, считал эту дату не приблизительной, а точной⁶.

К сожалению, ни Т. Нёльдеке, ни А. Кристенсен не приводят доводов в пользу указанной датировки. Разобраться в хронологии событий попытался впоследствии С. Смит. Он тоже считал слова о 72-летнем правлении эфиопов в Йемене преувеличением и, фактически основываясь на сообщениях ал-Мас'уди (ум. в 956/957 г.), предлагал датировать сасанидское завоевание 575 г. Ход рассуждений С. Смита таков: «*Vaxhriz* направлялся в Хадрамаут дважды, один раз когда поставил [у власти] Ма'дикариба ибн Сайфа (Абу Мурру) зу Йазана (*Ma'dikarib Ibn Sayf (Abū Murra) dhū Yazan*. — Д.М.), другой раз — когда двинулся мстить за него. Возвращение *vaxhriz*-а было одобрено Хосровом I не позднее 578 г. Ма'дикариб до того, как был убит абиссинцами, правил 4 года, т.е.

⁴ Annales..., 1881—1882. P. 946; *Sirat ...* 1995. Pt. 1. P. 112. Схожие указания обнаруживаются и у других ранних мусульманских авторов (*Kitāb al-masālik wa'l-mamālik (Liber viarum et regionum) auctore... Ibn Khordādhbeh et excerpta e Kitāb al-kharādj auctore Kodāma ibn Dja'far*. Ed. M.J. De Goeje. Lugduni-Batavorum, 1889. P. 145; *Kitāb tārikh sunī mulūk al-arḍ wa al-anbiyā'?*. Ta'rif Ḥamza ... al-Aṣḫānī. Berlin: Kaviani GmbH, 1921/22. P. 89; *al-Mas'ūdī*. Murūdij..., 1966. Pt. 2. P. 205). В свою очередь Абу-л-Фарадж ал-Исфахани (*Abū-l-Faradj al-Iṣḫānī*, 897/8—967) утверждал, что эфиопы владели Йеменом 74 года (*Kitāb al-aghānī...*, 1905. Pt. 16. P. 72).

⁵ *Nöldeke Th. Geschichte der Araber und Perser zur Zeit der Sasaniden*. Leyden, 1879. S. 220. Anm. 3.

⁶ *Christensen A. L'Iran sous les Sassanides*. Copenhagen: Ejnar Munksgaard, 1944. P. 373.

в 575—578 гг. Сражение *вахриз*-а и Ма'дикариба правильно датируется 45-м г. [правления] Ануширвана»⁷.

Другую заслуживающую внимания попытку датировать сасанидское завоевание Йемена предложил А.Г. Лундин. Его отправной точкой стало констатированное им противоречие между упомянутыми выше утверждениями о 72 или 74 гг. владычества эфиопов над Йеменом (начиная с 525 г.) и основанными на тех же арабских источниках мнениями ученых, по которым вторжение персидских войск относится к 572 — 575 гг. Решение этой проблемы, по мнению А.Г. Лундина, таково: «Кажущееся противоречие снимается, если предположить, что „убийство персами Масрука” относится не к первой персидской экспедиции, приведшей к воцарению Сайфа зу-Йаз'ана, а ко второй, после которой южная Аравия была превращена в персидскую провинцию. Этот поход произошёл уже во время царствования Хосрова II (590—628 гг.)»⁸. В рамках этого предположения Сайф ибн зи Йазан, поставленный персами правителем Йемена, правил с 577 по 587 г., а после его убийства власть вновь взяли эфиопы во главе с Масруком, который сохранял ее до второго похода сасанидских войск в 598/599 гг.⁹ При сопоставлении с историческим контекстом эта трактовка не может не вызвать вопросы. Трудно понять, почему сасанидский царь Хормузд IV (579—591), известный своим неприятием любых территориальных потерь, никак не отреагировал на захват Йемена эфиопами в 587 г., и по какой причине Хосров II Парвиз (591—628), несомненно зная о союзе эфиопов с Византией, стал воевать с ними в 90-е гг. VI в., в период правления императора Маврикия

⁷ *Smith S. Events in Arabia in the 6th Century A.D. // Bulletin of the School of Oriental and African Studies, University of London, Vol. 16. No. 3 (1954). P. 434.* Фактически (хотя и без прямых ссылок) С. Смит основывается на сообщениях ал-Мас'уди о том, что второй поход Вахриза состоялся в конце правления Хосрова I (*al-Mas'ūdī. Muḡūdj... 1966. Pt. 2. P. 210*), а Ма'дикариб, сын Сайфа ибн зи Йазана правил 4 года (*al-Mas'ūdī. Muḡūdj... 1966. Pt. 2. P. 208*). Слова о «сражении Вахриза и Ма'дикариба» тоже восходят к ал-Мас'уди (*al-Mas'ūdī. Muḡūdj... 1966. Pt. 2. P. 205*), однако пересказ источника необходимо поправить, так как Вахриз сражался не с Ма'дикарибом (выступавшим на его стороне), а с Масруком, а фрагмент *wa dhālik li khams wa arba'in sana khalat min mulk Anūshirwān* вернее переводить как «по истечении 45 лет царствования Ануширвана». На построениях С. Смита основывался, судя по всему, и М.А. Бафаких, который в кратком описании сасанидского завоевания Йемена отнес его приблизительно к 575 г. (*Bāfakīh M. 'A. Tārīkh al-Yaman al-ḡadīm. Beirut: al-Mu'assasa al-'arabiyya li-l-dirāsāt wa-l-nashr, 1985. P. 163*).

⁸ *Лундин А.Г. Южная Аравия в VI в. М.-Л.: Издательство АН СССР, 1961 (Палестинский сборник. Выпуск 8(71)). С. 85.*

⁹ Там же. С. 86.

(582—602), к которому относился с благодарностью и почтением. Тем не менее на выдвинутой А.Г. Лундиным гипотезе основаны хронологические расчеты в ряде работ, в том числе и таких, которые считаются классическими¹⁰.

Важнейший вклад в изучение вопроса о сасанидском завоевании Йемена внес выдающийся исследователь истории арабов доисламского времени Ирфан Шахид. Свою датировку сасанидского завоевания Йемена он построил на сообщениях византийских авторов — Феофана Византийского (жил во второй половине VI в.), Иоанна Эпифанийского (жил в VI—VII вв.) и Феофилакта Симокатты (жил в конце VI — первой половине VII в.). Эти сообщения будут разобраны далее, однако здесь необходимо сказать, что у первого из названных авторов краткий рассказ о морском походе сасанидского войска в Йемен помещен между известиями о поездке византийского посольства к тюркскому кагану (у И. Шахида она датируется 569 г.) и армянским восстанием против Сасанидов (у И. Шахида — 571 г.). Исходя из этого, И. Шахид отнес сасанидское завоевание Йемена к 570 г.¹¹

Подход И. Шахида с его опорой на известия более ранних византийских авторов (следует отметить, что Феофан Византийский был современником рассматриваемых событий) представляется намного более правильным, чем построения С. Смита и А.Г. Лундина. Опираясь на утверждения мусульманских авторов о 72 или 74 г. эфиопского владычества в Йемене крайне рискованно. Указания длинных временных отрезков в источниках нередко бывают неточными¹². Далее, у еще одного раннего мусульманского историка, ал-Азраки (жил в середине IX в.), обнаруживается утверждение о том, что владычество эфиопов над Йеменом продолжалось 30 лет (в одной из рукописей — 32 года)¹³. Столь заметная разница (30/32 или 72/74 г.) наводит на мысль о том,

¹⁰ См.: напр. *Пиотровский М.Б.* Южная Аравия в раннее Средневековье. М.: Наука, 1985. С. 24; *The Cambridge History of Iran. Volume 3(1). The Seleucid, Parthian and Sasanian Periods.* Ed. E. Yarshater. Cambridge: Cambridge University Press, 1983. P. 158.

¹¹ *Shahîd I.* Byzantium and the Arabs in the Sixth Century. Vol. 1. Part 1: Political and Military History. Washington, D.C.: Dumbarton Oaks Research Library and Collection, 1995. P. 364—369.

¹² Показателен пример, хорошо известный русскому читателю: автор «Задонщины» пишет, что «от Калкской битвы до Мамаева побоища сто шестьдесят лет» (Библиотека литературы Древней Руси. Том 6. XIV — середина XV века. СПб.: Наука, 2005. С. 106—107), хотя из указанных сражений первое произошло в 1223 г., а второе — в 1380 г.

¹³ *Akhbār Makka wa mā djā'a bi-hā min al-āthār. Ta'rif ... al-Azraqī.* Ed. R.al-Ş. Malḥas. Beirut: Dār al-Andalus li-l-tibā'a wa-l-nashr wa-l-tawzi', 1983. Pt. 1. P. 148.

Хосров I Ануширван (531–579). Изображения на монетах

что разброс мнений был велик, а следовательно, велика была и погрешность в оценках.

Несмотря на все достоинства подхода И. Шахида, нельзя сказать, что он стал господствующим. В сравнительно недавно опубликованной объемной статье об Абрахе К.Ж. Робен признает возможность разных датировок. Показательно то, как это выражено в тексте работы: «Это (свержение Масрука Сайфом ибн зи Йазаном с помощью Хосрова I Ануширвана. — Д.М.) должно было произойти к 570 г., если основываться на намеках (*allusions*) греческих источников (следует ссылка на работу И. Шахида. — Д.М.) или к 575 г. согласно арабским источникам (следует ссылка на работу С. Смита. — Д.М.)»¹⁴. Несколькими годами ранее со сходным подходом выступил Д.Т. Поттс. По его мнению, владычество абиссинцев над Йеменом закончилось в 575 (или, согласно византийским источникам, в 570) г.; при этом оценка общей продолжительности этого правления в 72 г. признается автором и приводит его к выводу о том, что второй поход сасанидских войск состоялся в 597 или 592 г., уже при Хосрове II и под командованием не Вахриза, а другого полководца, которого, однако, путали с ним¹⁵.

Вопрос о датировке сасанидского завоевания Йемена не раз затрагивал и автор этих строк. Основа его подхода указана выше; это опо-

¹⁴ Robin Ch.J. Abraha et la reconquête de l'Arabie déserte: un réexamen de l'inscription Ryckmans 506 = Murayghan 1 // Jerusalem Studies in Arabic and Islam. 39 (2012). P. 76.

¹⁵ Potts D.T. The Sasanian Relationship with South Arabia: Literal, Epigraphic and Oral Historical Perspectives // Studia Iranica, 37, 2008. P. 208–209.

Хосров I Ануширван. Изображение на блюде

ра на данные более ранних византийских авторов¹⁶. Принимая в этом отношении точку зрения И. Шахида, автор этих строк в то же время несколько расходится с ним в деталях. Эти вопросы будут разобраны далее.

Данное исследование следует начать с упомянутого выше известия Феофана Византийского:

«Поэтому и Хосров пошел войной на дружественных ромеям эфиопов, которых в старину называли макробиями, а ныне [именуют] омиритами¹⁷, усилиями мирана, полководца персов, взял в плен царя омиритов Санатурка, разорил их город (т.е. столицу. — Д.М.) и подчинил себе [этот] народ»¹⁸.

Трудно не согласиться с мнением И. Шахида, по которому ключевое слово в этом отрывке — «поэтому» (греч. διό)¹⁹. Оно позволяет утверждать, что поход сасанидских войск в Йемен стал ответом Хосрова I на сближение Византии и Тюркского каганата, определенно направленное против Сасанидской державы. В то же время следует отметить, что Феофан повествует не только об отъезде византийского посла Зимарха

¹⁶ Мишин Д.Е. «Поход слона» в контексте истории Аравии VI в. // *Minbar. Islamic Studies*. 2020. 13(2). С. 273–274; Мишин Д.Е. Хосров I Ануширван (531–579), его эпоха и его жизнеописание и поучение в истории Мискавейха. М.: ИВ РАН, 2014. С. 549–556.

¹⁷ Т.е. химьяритами.

¹⁸ *Photius. Bibliothèque. Tome I («Codices» 1–84). Texte établi et traduit par R. Henry. Paris: Société d'édition «Les belles lettres», 1959. P. 78.*

¹⁹ *Shahîd I. Byzantium...», 1995. P. 365.*

к тюркам, но и о возвращении посольства²⁰. Зимарх двинулся в путь в начале августа 569 г.²¹ Поскольку расстояние, которое предстояло покрыть посольству в оба конца, было значительным, можно предположить, что Зимарх прибыл к тюркам осенью того же года. Если переговоры, которые вел посол, пришлось на конец 569 г., можно считать, что Хосров, находившийся тогда, вероятно, в зимней столице Сасанидов Ктесифоне, узнал о них примерно в начале 570 г. и с того времени мог задуматься об ответных мерах. Однако идея нанести удар в Йемене не обязательно возникла у царя сразу же.

Как отмечено выше, другое важное свидетельство обнаруживается у Феофилакта Симокатты. Перевод данного фрагмента предложен автором этих строк в вышедшей недавно работе, однако вследствие его важности для рассматриваемой темы целесообразно привести его и здесь:

«На седьмом году царствования Юстина Младшего²² из-за легкомыслия императора ромеи нарушили мирный договор, счастье от мира было разорвано, и ромеи и мидийцы были ввергнуты в войну... Договор, заключенный ромеями и персами на пятьдесят лет, был погублен и разорван величайшей неразумностью императора. Это наихудшим образом привело к несчастьям ромеев. Ромеи обвиняли парфян, объявляя их зачинщиками войны, и говорили, что они подстрекали отложиться омиритов (это индийский народ, подчиненный ромеям), которые, когда не поддались уговорам, стали жестоко страдать от походов персов — притом что между персами и государством ромеев сохранялся мир»²³.

Из текста источника следует, таким образом, что походу сасанидских войск в Йемен предшествовали переговоры. Кто именно понимается под «омиритами» (химьяритами), неизвестно, однако вероятно, что переговоры потребовали времени. Их тема была важна, а ставки в политической игре — высоки. Можно представить себе, что сторонам приходилось договариваться по широкому кругу вопросов — о том, как они будут взаимодействовать, как будут разделять между собой плоды победы, какие заверения дадут друг другу на случай неудачи. Если посланцы Хосрова пытались договориться не с эфиопскими правителями,

²⁰ *Photius. Bibliothèque...*, 1959. P. 78.

²¹ *Мишин Д.Е. Хосров I Ануширван...*, 2014. С. 549, прим. 782.

²² 14 ноября 571 г. — 13 ноября 572 г. Юстин Младший — византийский император Юстин II (565—578).

²³ *Мишин Д.Е. «Поход слона»...*, 2020. С. 271—272; *Theophilacti Simocattae Historiae*. Ed. C. De Boor, P. Wirth. Stuttgart: B.G. Teubner, 1972. P. 128.

а с отдельными родами химьяритской и сабейской знати (что если не вероятно, то, по крайней мере, возможно), это тоже способствовало затягиванию переговоров.

Рассмотренные выше сведения имеет смысл сопоставить с отдельными сообщениями мусульманских авторов, которые, насколько известно автору этих строк, пока не привлекались к изучению рассматриваемого вопроса. Согласно одному такому сообщению, приводимому у мусульманских авторов со ссылкой на очень ранних рассказчиков, Сайф ибн Аби Йазан одержал победу над эфиопами через два года после рождения Мухаммада²⁴. Если исходить из традиционной датировки рождения Мухаммада (ок. 570 г.), сасанидское вторжение в Йемен следует относить примерно к 572 г. С другой стороны, Мутаххар ал-Макдиси (*Muṭaḥḥar al-Maḳḍisī*, писал ок. 966/967 г.) утверждал, что завоевание Йемена сасанидскими войсками произошло на сорок первом году правления Хосрова Ануширвана, когда Мухаммаду был один год или два²⁵. Сорок первый год правления Хосрова I, если определять его по тем правилам, которые были приняты при сасанидском дворе, охватывает период с 7 июля 571 г. по 5 июля 572 г.

Для определения временных рамок сасанидского завоевания Йемена следует принять во внимание и природные факторы. Как будет показано далее, сасанидское войско прибыло в Йемен на кораблях. Естественно, этот флот нуждался в попутном ветре и благоприятном течении. Поэтому вероятно, что сасанидские флотоводцы отправились в поход зимой, рассчитывая на муссоны, которые зимой дуют в районе Аравийского моря с северо-востока²⁶.

²⁴ Со ссылкой на Абу Зур'у (*Abū Zur'ā*), сына Сайфа ибн зи Йазана (*Dalā'il al-nubuwwa wa ma'rifat aḥwāl ṣāhib al-sharṭ'a li ... al-Bayḥaqī*. Ed. 'A. Ḳal'adī. Beirut: Dār al-kutub al-'ilmīyya, 1988. Vol. 2. P. 9), на Ибн Аббаса (*Ibn 'Abbās*), участника арабских завоеваний первой половины VII в. и ученого (*Akhbār ...*, 1983. Pt. 1. P. 149; *al-Ansāb...*, 2006. P. 251). В двух последних источниках среди передатчиков известий назван Хишам ал-Калби, слышавший в Средневековье знатоком древностей. Абу-л-Фарадж ал-Исфахани сообщает, что переписал из книги Абд ал-А'ла ибн Хассана (*'Abd al-'Alā Ibn Hassān*) приводимое со слов ал-Калби (т.е., очевидно, Хишама ал-Калби) известие о том, что Сайф ибн зи Йазан победил эфиопов через два года после рождения Мухаммада (*Kitāb al-aghānī ...*, 1905. Pt. 16. P. 72). См. также: *Kitāb al-tidjān fī mulūk Ḥimyar*. Sana: Markaz al-dirāsāt wa al-abḥāth al-yamaniyya, 1979. P. 318 (однако с учетом того, что данный фрагмент не является частью источника и приводится как приложение к нему).

²⁵ *Le livre...*, 1903. P. 194.

²⁶ Есть некоторые основания предполагать, что это природное явление имело место и в Средневековье. Ал-Мас'уди повествует: «Многие из *навахиза* этого моря, то есть судовладельцы из сирафцев и оманцев, из тех, кто плавает по этому морю

Высказанные выше соображения целесообразно сопоставить с некоторыми тезисами, изложенными автором этих строк в одной более ранней работе, посвященной известному «походу слона», т.е. неудачной попытке Абрахи захватить Мекку. Для целей настоящего исследования эти тезисы можно изложить следующим образом. «Поход слона» имел место на деле, однако представлял собой часть более широкого военного предприятия — продвижения эфиопов в сторону северо-восточной Аравии, попытки нанести удар по Сасанидам в ответ на призыв византийского императора Юстина II о совместных действиях против персов (тогда же сходное предложение было сделано и тюркам). Наиболее благоприятные условия для этого похода сложились к 570 г., так как осенью 569 г. погиб лахмидский правитель Амр III (554—569), который действительно и жестко проводил политику Сасанидов среди арабских племен. Ослабление Лакмидов создавало благоприятные условия для похода на север, который и предпринял эфиопский правитель Йемена (согласно мусульманским писателям, им был Абраха). Этот поход показал Хосрову I, что из Йемена его владениям грозит опасность. Дипломатические, а потом и военные действия Хосрова, прежде не проявлявшего значительной активности по отношению к Йемену, были попыткой устранить ее²⁷.

к народам, [живущим] на островах в нем и вокруг него, утверждают, что в большей части этого моря прилив и отлив бывают только дважды в год. Один раз прилив происходит на северо-востоке в летние месяцы, в течение шести месяцев — а когда это случается, вода прибывает в восточных частях земли, в Китае и в том, что расположено рядом с теми землями, и убывает в западных частях моря. В другой раз прилив происходит в зимние месяцы на юго-западе, в течение шести месяцев — а когда это случается летом (так в тексте, однако по смыслу отрывка в этом месте должно стоять «зимой». — Д.М.), вода прибывает в западных частях моря и убывает в Китае». Далее следует рассуждение о том, что движение воды следует за дуновением ветров (*al-Mas'ūdī*. Muḡūdī..., 1966. Pt. 1. P. 134). *Навахиза* (*nawākhidha*) — заимствованное арабами персидское слово, означающее судовладельцев. Сирафцы — жители города и порта Сираф в Иране. О том, что могло бы произойти, если бы флот двигался летом, можно судить на примере случая, произошедшего почти тысячу лет позднее. Османский флотоводец Сейди Али Реис (ум. в 1562/3 г.) получил приказ привести флот из Басры в Египет. Флот двинулся в путь в июле 1554 г. Миновал Маскат и Ра'с ал-хада, он попал в бурю в Аравийском море и был унесен в Индию. До Египта он так и не дошел; Сейди Али Реис и его товарищи добирались в Стамбул по суше, с большими тяготами. По возвращении из этого путешествия флотоводец написал книгу, в которой, в частности, отметил, что бури в Аравийском море намного сильнее, чем в Черном (*Seydī Ali Reis*. Mir'at-ül memalik «Ülkeleri aynası». Baskıya hazırlayan N. Akyıldız. İstanbul: Tercüman, 1975. S. 43—45).

²⁷ Мишин Д.Е. «Поход слона» ..., 2020. С. 270—274.

Легендарный иранский богатырь Рустам побеждает царя Хамаварана, т.е. Йемена (иллюстрация к «Книге о царях» (Шах-наме) Фирдоуси). Данный сюжет не связан напрямую с походом сасанидского войска, но указывает на то, что в представлениях персов они в древности одержали победу над силами Йемена

На основе изложенного мы можем восстановить ход событий следующим образом. Поход эфиопов на север, состоявшийся, вероятнее всего, в первой половине или середине 570 г.²⁸, побудил Хосрова I к активным действиям. В конце 570 или в первой половине 571 г. посланцы Хосрова вели переговоры с влиятельными политическими силами Йемена, которые мы пока не в состоянии указать точно. Эти переговоры не привели к успеху, после чего Хосров принял решение о подготовке похода. Вероятно, именно тогда он обратил внимание на Йаз'ана, которому прежде

²⁸ Необходимо учесть, что определенное время должно было уйти на то, чтобы на юг Аравии были доставлены известия о гибели Амра. Кроме того, по некоторым данным, эфиопский правитель Йемена обратился к негусу Аксума и получил от него помощь (Мишин Д.Е. «Поход слона»..., 2020. С. 272). Все это — а также, разумеется, сбор и подготовка войска — требовало времени. Время похода Абрахи в 570 г. можно более точно определить на основании одного арабского рассказа, по которому он, выступив с войском на север, отметил в Наджране один праздник; в этот день было принято есть яички животных (*kbuṣā*) (Kitāb al-munammaḡ fi akhbār Quraysh li Muḡammad bin Ḥabīb al-Baġhdādī. Ed. Kh.A. Fāriḡ. Hyderabad: Dā'irat al-ma'ārif al-ʿuthmāniyya, 1964. P. 70–71). Речь, кажется, идет о Пасхе, которую автор исходного рассказа, судя по общей тональности его повествования, пытается представить в карикатурном свете. В 570 г. Пасха пришлась на 6 апреля, на основании чего можно делать дальнейшие построения относительно времени похода.

отказал в помощи. Морской поход сасанидского войска в Йемен состоялся зимой 571/72 г., т.е. на сорок первом году правления Хосрова I, как в рассмотренном выше отрывке повествует Мутаххар ал-Мақдиси.

Восстание армянской знати, о котором повествует Феофан Византийский (см. выше), по мнению автора этих строк, действительно имело место в 571 г.²⁹ Однако это не значит, что сасанидский поход на Йемен должен был произойти до этого времени. Повествование Феофана известно по его сокращенному изложению у патриарха Фотия (род. ок. 815 г., ум. в 893 г.). Пересказав приведенное выше известие о завоевании Сасанидами Йемена, Фотий пишет, что далее Феофан повествует об армянском восстании³⁰. Это перемена темы, и здесь не обязательно видеть жесткую хронологическую последовательность (не говоря уже о том, что между рассказами о Йемене и Армении могли помещаться и другие сюжеты, опущенные Фотием). В части хронологии Феофан сообщает лишь то, что сасанидский поход на Йемен имел место после византийско-тюркских переговоров 569 г. — начала 570 г.

По дошедшим до нас сведениям источников мы можем попытаться восстановить и то, как проходил поход. В мусульманских источниках предводителем сасанидского войска неизменно называется *Вахриз*. Эта форма представляла собой не собственное, а почетное имя, которое было сродни титулу и определяло положение человека в обществе³¹. Вполне возможно, что оно было наследственным достоянием того или иного рода или родов; в перечне полководцев сасанидского царя Шапура II (307/8—379/80), посланных в Армению, Фавстос Бузанд (жил в V в.) упоминает Вахрича, сына Вахрича³².

²⁹ Мишин Д.Е. Хосров I Ануширван ..., 2014. С. 547—548.

³⁰ Photius. Bibliothèque..., 1959. P. 78.

³¹ Так — у Хамзы ал-Исфахани (писал во второй половине X в.), по словам которого *wabriz* — «один из рангов высокопоставленных людей» (*martaba min marātib kibār al-nās*); собственным же именем полководца было Хурразад (в среднеперсидском произношении — Хварразад), сын Нарсе (*Khurrazād Ibn Narsī*, Kitāb tārikh..., 1921/22. P. 91). В рассказе о событиях начала VI в. Прокопий Кесарийский (жил в VI в.) упоминает о сасанидском полководце, которых был «по рангу *вариз*, а по имени — Бой» (οὐαρίζης μὲν τὸ ἀξίωμα Βόης δὲ ὄνομα (Proc. De bello Pers. I. XII. 10. Procopius. With an English translation by H.B. Dewing. Vol. I. History of the Wars, Books I and II. London; New York, 1914. P. 98)). Арабское *вахриз* происходит, кажется, от среднеперсидского *webrēz* в значении «распространяющий то, что хорошо». Поэтому в дальнейшем полководец будет именоваться также *Вехриз*.

³² История Армении Фавстоса Бузанда / Пер. М.А. Геворгян. Ереван: Издательство Академии наук Армянской ССР, 1953. С. 115. В древних текстах *ч* и *з* нередко чередуются; *ч* отражает парфянское произношение, *з* — персидское.

Примечательно, что все люди, носившие почетное имя *Вехриз*, были полководцами, причем высокого ранга; это видно хотя бы из того, что, по словам Фавстоса Бузанда, Вахрич был предводителем войска численностью в четыре миллиона человек³³. С другой стороны, в рассмотренном выше сообщении Феофана Византийского сасанидским войском, посланным на завоевание Йемена, командовал *миран*, т.е. представитель Михранов, одного из семи родов высшей сасанидской знати. В Сасанидской державе того времени сферы государственного управления были разделены между такими родами, и военные дела были вверены Михранам. Это соответствует тому, что было сказано выше о почетном имени *Вехриз*. Таким образом, предводителем войска был Хварразад из рода Михранов, который носил почетное имя *Вехриз* и, очевидно, действовал на военном поприще. Мусульманские писатели почему-то не запомнили принадлежности Хварразада к Михранам, однако в остальном сообщаемые ими сведения близки к тому, что изложено выше. Мы читаем, что Вехриз принадлежал к высшей знати³⁴ и даже был сыном дяди Хосрова I по отцу и потомком сасанидского царя Варахрана V Гора (421–440)³⁵, построил мост в Нахраване³⁶, занимал должность *спахбад*-а Дейлема³⁷ и, по мнению Хосрова, на войне стоил тысячи всадников³⁸.

Сообщения о численности сасанидского войска в источниках сильно расходятся. Наиболее распространено восходящее к Ибн Исхаку сообщение о том, что в поход были посланы 800 человек, набранные из узников темниц (считалось, что если они победят, то принесут таким образом пользу, а если погибнут, это будет их за-

³³ Там же. Данная цифра — преувеличение, но можно считать, что Вахрич командовал большим войском, т.е. был высокопоставленным полководцем.

³⁴ К «людям из благородных домов», *min ahl buyūtāt al-sharaf* (Nihāyat... 1996/97. P. 318).

³⁵ *al-Ansāb...*, 2006. P. 248.

³⁶ *The Fārsnāma of Ibnū'l-Balkhī*. Ed. G. Le Strange, R.A. Nicholson. London: Luzac & Co., 1921. P. 96.

³⁷ *al-Mas'ūdī*. Murūdji..., 1966. Pt. 2. P. 203. В каком значении ал-Мас'уди употребляет здесь слово *спахбад*, до конца не ясно. При Хосрове I земли Сасанидской державы были разделены на 4 больших военных округа, во главе каждого из которых встал военачальник в звании *спахбад*-а. Однако Дейлем (в сасанидском официозе — Делан, *Dēlān*), область к юго-западу от Каспийского моря, был слишком мал, чтобы самостоятельно составлять такой округ. Поэтому Хварразад мог быть как военным комендантом собственно Делана, так и *спахбад*-ом округа, в который он входил (Адурбадаган, т.е. Азербайджан).

³⁸ *Annales...* 1881–1882. P. 953 (со слов Хишама ал-Калби).

кономерным уделом); в пути два корабля затонули, поэтому Вахриз завоевал Йемен с отрядом в 600 человек³⁹. Это известие, очевидно, носит легендарный характер: для завоевания Йемена таких сил, разумеется, не хватило бы⁴⁰. Однако в источниках мы обнаруживаем и иные сообщения. Согласно одному из них, на восьми кораблях было размещено не только 800 узников (по данной версии все они были знатного рода), но и тысяча бойцов-дейлемитов и 500 лучников⁴¹. В других источниках можно прочесть, что численность войска Вехриза составляла 3500⁴², 3600⁴³, 7500⁴⁴ и 10 тысяч человек⁴⁵. Между тем, даже если исходить из того, что численность войска составила 2300 (800 + 1000 + 500) человек, восьми кораблей не хватило бы для того, чтобы доставить его в Йемен. Поэтому размах похода был, очевидно, большим, чем это можно представить себе на основании сообщения Ибн Исхака. Кажется, что отряд в 800 бойцов представлял собой своего рода элитное подразделение, в котором находился и сасанидский полководец. Это заставляет серьезно отнестись к указанию на то, что эти 800 человек происходили из знатных родов. О том, что в походе участвовала сасанидская знать, сообщают два арабских поэта — современники тех событий: «И он (сасанидский царь. — Д.М.) явился и привел *бану-л-ахрар*»⁴⁶; «привели туда (в Сану. — Д.М.) обстоятельства войско *бану-л-ахрар* с вереницами их конницы»⁴⁷.

³⁹ Annales... 1881—1882. P. 948, 953; Kitāb tārīkh..., 1921/22. P. 91; Sīrat... 1995. Pt. 1. P. 106.

⁴⁰ Это понимали и средневековые писатели. Ас-Сухайли (*al-Suhaylī*, 1114/5—1185/6), комментатор труда Ибн Хишамы, в составе которого до нас дошли сообщения Ибн Исхака, писал, что «он (Хосров. — Д.М.) отправил с ним (Ма'дикарибом. — Д.М.) перса Вахриза (*Wabrīz al-Fārisī*) с 7500 персов. Ибн Исхак же сказал: «с восьмьюстами, из которых двести утонули, и осталось шестьсот». Первое утверждение, слова Ибн Кутайбы, более похоже на правду, так как с шестьюстами, даже если в добавление к ним, как говорит Ибн Исхак, он собрал арабов, едва ли можно было бороться с эфиопами» (*al-Rawḍ al-unuf fi sharḥ al-sīra al-nabawīyya li Ibn Hishām li ... al-Suhaylī*. Ed. 'A. al-Wakīl. Part 1. Cairo: Dār al-kutub al-islāmiyya, 1967. P. 221). Оценка численности войска Вехриза у Ибн Кутайбы (*Ibn Kutayba*, 828/9—889/90) приведена ниже.

⁴¹ The Fārsnāma..., 1921. P. 95.

⁴² Sharḥ Maqṣūrat Ibn Durayd. Ṣan'at al-Khaṭīb al-Tabrīzī. Ed. F. Ḥabāwa. Beirut: Maktabat al-ma'ārif, 1994. P. 43.

⁴³ Nihāyat..., 1996/97. P. 318.

⁴⁴ al-Ma'ārif li... Ibn Ḥutayba. Ed. Th. 'Ukāsha. Cairo: Dār al-ma'ārif, 1981. P. 638.

⁴⁵ Nuzhat..., 1967. Pt. 1. P. 418.

⁴⁶ Dīwān..., 1974. P. 455.

⁴⁷ Dīwān 'Adī Ibn Zayd al-'Ibādī. Ed. M.Dj. al-Mu'aybid. Baghdad: Sharikat Dār al-Djumhūriyya li-l-nashr wa-l-ṭab', 1965. P. 46.

Выражение *бану-л-ахрап* (*banū-l-ahrār*), буквально переводимое как «сыновья свободных людей», означает здесь *āzādān* («свободные, благородные люди») — представителей знати, не принадлежавшей к высшей аристократии и составлявшей основную часть сасанидской конницы.

Этим сведениям соответствует одно из дошедших до нас описаний начала похода. Согласно ему, воины передвигались на кораблях вниз по Тигру; вместе с ними везли их коней, снаряжение и слуг (*ghilmān*)⁴⁸. Воины, о которых здесь идет речь, очевидно, являются всадниками из числа знати, имевшей слуг. Необходимо, однако, иметь в виду, что, по другому рассказу, войско двигалось по суше⁴⁹.

В обоих рассказах сасанидское войско прибыло в Убуллу. В статье, опубликованной в одном из предыдущих номеров «Исторического вестника», автор этих строк представил разбор сведений об Убулле сасанидской эпохи, констатировав ее значение как торгового порта⁵⁰. Можно представить себе, что наличие того, что в описываемое время считалось портовой инфраструктурой, а также опыта плаваний предопределили выбор Убуллы как места, из которого началась морская часть похода.

Как отмечено выше, по сообщениям, восходящим к Ибн Исхаку, два из восьми кораблей в пути затонули, а находившиеся на них воины погибли. В некоторых источниках мы читаем, что на флоте произошел мятеж. По одному рассказу, воины заявили Вехризу, что он обманул их, и намеренно направили корабли к берегу, чтобы разбить их (прекратив таким образом поход); в результате с полководцем осталось лишь семьсот человек или немногим более⁵¹. Согласно другому сообщению, войско отплыло на десяти кораблях, но три из них охватила мятеж: воины не желали сражаться за йеменского изгнанника. Воины захватили корабли и, по-видимому, повернули к берегу. Корабли потеряли управление и разбились о скалы⁵². Это сообщение отнюдь не кажется вымыслом. Такое поведение мы иногда видим у сасанидской знати, которая, если тяготы похода казались ей нестерпимыми,

⁴⁸ *al-Mas'ūdī*. Murūdī..., 1966. Pt. 2. P. 203. Cp. *Kitāb al-dībādī*, 1991. P. 104.

⁴⁹ *Nihāyat*..., 1996/97. P. 318.

⁵⁰ Мишин Д.Е. «Шапуров ров» и сасанидско-арабское пограничье в IV–VII вв. // Исторический вестник. Т. 49 (История — свидетельница времен), 2024. С. 163–164.

⁵¹ *Kitāb al-dībādī*, 1991. P. 105.

⁵² *Kitāb al-ilmām* ..., 1968. P. 293; *Nuzhat* ..., 1967. Pt. 1. P. 418.

в одних случаях роптала, в том числе и на царя⁵³, а в других — даже пыталась сорвать кампанию⁵⁴.

Остальные корабли успешно достигли пункта назначения. О том, где именно высадилось сасанидское войско, судить трудно. В источниках указываются три места, где, согласно средневековым авторам, это произошло. Первым следует назвать Марса аш-Шихр (*Marsā al-Shiḥr*), т.е. пристань аш-Шихра⁵⁵. Это указание интересно тем, что, по словам Абу Убайды, еще основатель сасанидского государства Ардашир I (225–240) сделал арабов из племенного объединения *азд* моряками (*mallāḥīn*) в области Шихр Уман, т.е. в районе современного аш-Шихра⁵⁶. К сожалению, у нас нет никаких сведений о том, что происходило в аш-Шихре между временем Ардашира и зимой 571/72 г. Вероятнее всего, Сасаниды сохранили аш-Шихр как оплот на побережье или даже морскую базу; если это так, речь скорее всего идет о промежуточной остановке, сделанной для того, чтобы собрать флот, пополнить запасы и т.п.

Другое называемое в источниках (у ал-Мас‘уди) место высадки — Масваб (*Mathwab*) в области Хадрамаут⁵⁷. К сожалению, установить, где оно находилось, затруднительно⁵⁸. Можно опираться только на то, что, согласно самому ал-Мас‘уди, Масваб находился в Хадрамауте, а по словам Хишама ал-Калби, сасанидские войска высадились именно в этой области⁵⁹. В ряде иных рассказов, в том числе восходящих к Ибн Исхаку и аш-Ша‘би, местом высадки стало побережье Адена⁶⁰.

⁵³ Мишин Д.Е. Хосров I Ануширван..., 2014. С. 355–356.

⁵⁴ Мишин Д.Е. Киндитский царевич Абū-ль-Джабр и сасанидский царь Хосров I Ануширван // Вестник Московского Университета. Сер. 13. Востоковедение. 2019. №1. С. 78–79.

⁵⁵ Sharḥ..., 1994. P. 43.

⁵⁶ Mu‘djam al-buldān li... Yāqūt. Beirut: Dār Ṣādir, 1977. Vol. 5. P. 122.

⁵⁷ *al-Mas‘ūdī*. Murūdj..., 1966. Pt. 2. P. 203.

⁵⁸ Можно лишь утверждать, что этот Масваб не тождествен Масвабу на пути из Мекки в Джидду, о котором упоминает Ибн ал-Муджавир (*Ibn al-Mudjāwir*, 1204/5–1290) (*Ibn al-Muḡawir. Descriptio Arabiae Meridionalis*. Ed. O. Löfgren. Pars prior. Leiden: E.J. Brill, 1951. P. 42). Знаменитый географ-энциклопедист Йакут (*Yāqūt*, 1179–1229), у которого встречается другое упоминание о Масвабе, знает о нем только то, что он находился в Йемене (Mu‘djam ..., 1977. Vol. 5. P. 55). Показательно, что Масваб не упоминается в объемной средневековой географии Аравии ал-Хамдани (*al-Hamdānī*, жил в X в.), а статья о нем отсутствует в энциклопедическом словаре населенных пунктов и племён Йемена Мухаммада ал-Хаджри (*Muḥammad al-Ḥaḍjri*, 1889–1960).

⁵⁹ Annales..., 1881–1882. P. 953.

⁶⁰ Annales..., 1881–1882. P. 948; al-Ansāb..., 2006. P. 248; Mulūk..., 1974. P. 151; Nihāyat..., 1996/97. P. 318; Sīrat..., 1995. Pt. 1. P. 106.

Возникающая таким образом проблема выбора решается, по-видимому, следующим образом. Согласно ряду рассказов о походе, по призыву Йа'зана его сторонники в Йемене примкнули к персидскому войску. В наиболее подробном сообщении об этом говорится, что первыми на помощь Йаз'ану явились ополчения племени *sakāsik* (*al-Sakāsik*), принадлежавшего к племенному объединению *кинда*⁶¹. Исторические места расселения *сакасик* находились к северо-западу от Адена⁶². Из указанных выше мест высадки сасанидского войска именно область Адена был тем местом, куда ополчение *сакасик* могло прибыть довольно быстро. Поэтому вернее всего считать, что сасанидский флот дошел до Адена, сделав в пути остановки в аш-Шихре, Хадрамауте а возможно — и в других портах Южной Аравии.

Рассмотренный выше рассказ продолжается так: наряду с *сакасик* Йаз'ана поддержали арабы бану Хамдан (*Banī Hamdān*), а также химьяриты (*ḥimyar*), т.е. какая-то часть химьяритской знати; всего набралось 40 тысяч человек, так что персы составляли лишь незначительную часть войска⁶³. Названная цифра кажется явным преувеличением даже в сравнении с другими рассказами мусульманских авторов, где говорится, что Йаз'ан собрал к себе 5 тысяч⁶⁴ или 20 тысяч сторонников⁶⁵. Между тем, если считать, что каждый сторонник Йаз'ана из числа арабских племенных вождей или химьяритских вельмож приходил с отрядом воинов, можно допустить, что общая численность ополчений достигала нескольких тысяч человек. Кроме того, согласно одному рассказу сторонники Йаз'ана напали на эфиопские гарнизоны в областях, чем отвлекли силы противника от противодействия Вехризу⁶⁶.

Эфиопский правитель Йемена⁶⁷, будучи, несомненно, осведомлен о действиях Йаз'ана и Вехриза, выступил им навстречу. В рассказе Хишама ал-Калби персы перед началом решающего сражения стоят

⁶¹ al-Ansāb..., 2006. P. 248.

⁶² Ṣifat Djazīrat al-ʿArab. Taʿlīf... al-Hamdānī. Ed. M. al-Akwaʿ al-Ḥiwālī. Sana: Maktabat al-irshād, 1990. P. 136–137, 150; Madjmūʿ buldān al-Yaman wa ḳabāʿili-hā... djamaʿa-hu ... al-Ḥadjrī al-Yamānī. Ed. I. al-Akwaʿ. Sana: Dār al-ḥikma al-yamāniyya, 1996. P. 427.

⁶³ al-Ansāb..., 2006. P. 248–249.

⁶⁴ Tārīkh-nāmeḥ..., 1995. P. 729.

⁶⁵ Nihāyat..., 1996/97. P. 318.

⁶⁶ Kitāb al-dibādj, 1991. P. 105.

⁶⁷ Представляется вполне обоснованным отождествление Санатурка (правильнее, вероятно, Санатрука) Феофана Византийского с Масрукком мусульманских авторов (*Nöldeke Th. Geschichte...*, 1879. S. 120. Anm. 2; *Shahîd I. Byzantium...*, 1995. P. 366). Т. Нёльдеке на уровне гипотезы предлагал восстановить исходную форму имени как *Μαστρούκης*. Решающее слово принадлежит здесь специалистам по истории и культуре Эфиопии.

напротив неприятеля на берегу, спиной к морю⁶⁸. Стало быть, эфиопское войско продвинулось на юг, к Адену. С военной точки зрения этот шаг кажется оправданным: было целесообразно не дать силам Йаз'ана пополняться за счет вновь подходивших ополчений.

В рассказе Хишама ал-Калби далее говорится, что эфиопский правитель (Масрук) начал переговоры с Вехризом, предлагая ему уйти⁶⁹. Такие переговоры вполне могли иметь место, хотя не обязательно, чтобы их начали эфиопы. По некоторым сведениям, сасанидская военная доктрина предполагала, что до начала вооруженной борьбы полководец должен предложить неприятелю подчиниться добровольно⁷⁰.

После неудачи переговоров, неизбежной для ситуации, в которой стороны выступали со столь разных позиций, состоялось решающее сражение. По словам Хишама ал-Калби, Масрук располагал сотысячным войском, составленным из эфиопов, химьяритов и арабов⁷¹. Названная цифра, очевидно, представляет собой преувеличение, отражающее не столько действительную численность войска, сколько его восприятие восточными рассказчиками как огромного множества людей, намного превосходившего силы Йаз'ана и Вехриза⁷². Между тем это войско имело свои проблемы: многие эфиопские воины погибли в неудачном «походе слона», отряды эфиопов, арабов и химьяритов представляли собой непрочное собрание людей, объединенных лишь подчинением правителю. Это подметил один из восточных рассказчиков, который вкладывает в уста Вехриза следующие слова, обращенные к Йаз'ану: «Я выстрелю в него (Масрука. — Д.М.), а ты следи за выстрелом. Если ты увидишь, что сподвижники его оставили его и разбегаются в разные стороны, знай, что я убил его, а если они не двинутся с места, значит, я ничего не сде-

⁶⁸ Annales..., 1881—1882. P. 953.

⁶⁹ Ibid.

⁷⁰ В зороастрийском трактате *Дэнкард* (*Dēnkard*, «Сотворенный [зороастрийским] вероучением») сохранилось краткое изложение содержания трактата «О воинском деле» (*Arteshtaristān*); один из фрагментов его таков: «О споре, который предводитель войска ведёт с не-иранцами до сражения, призывая их к тому, чтобы стать слугами царя царей и [принять] вероучение Богов» (*Abar pabikārišn-i-spāhsardār ō anērān pēs az kārēzār pad-č paygāmbār ud hwardan zī-šān ō šāhān-šāh bandagīh ud dēn-i-Yazdān pabikārišn*) (The Complete Text of the Pahlavi Dinkard. Ed. D.M. Madan. Bombay, 1911. Part II. P. 731; The Dinkard. Ed. D.D.P. Sanjana. Vol. XVI. London: Kegan Paul, Trench, Trübner & Co., 1917. P. 11).

⁷¹ Annales..., 1881—1882. P. 953.

⁷² Примерно то же самое мы видим у аш-Ша'би, по словам которого, у Масрука было 30 тысяч всадников (*fāris*), т.е. не считая пехоты (*Nihāyat...*, 1996/97. P. 318).

лал»⁷³. Согласно источникам, именно это и решило исход сражения. По словам Хишама ал-Калби, персы начали бой обычным для них образом, обстреливая противника из луков⁷⁴. Одна из стрел, пущенная, согласно источникам, самим Вехризом, поразила эфиопского правителя, и он упал мертвым. После этого эфиопское войско фактически распалось, и персы одержали победу.

Вслед за этим войско Вехриза и Йаз'ана двинулось на север⁷⁵. При вступлении в Сану сасанидский полководец, по словам Ибн Исхака, сделал символический жест, который по сути ознаменовал собой наступление нового этапа в истории Йемена. «Достигнув ее ворот, он сказал: “Никогда не будет знамя мое внесено наклоненным. Разрушьте ворота!” Ворота Саны были разрушены, и он вступил в нее со знаменем, которое держали прямо и везли рядом с ним»⁷⁶. Начался период сасанидского владычества в Йемене, история которого составляет отдельный предмет исследования.

⁷³ Nihāyat..., 1949. P. 310.

⁷⁴ Annales..., 1881–1882. P. 955. Такой обстрел Бал'ами (ум. в 974 г.) в описании сражения между войсками Вехриза и Масрука назвал «дождем стрел», *tīr-bārān* (Tārīkh-nāmeḥ..., 1995. P. 730).

⁷⁵ Согласно большинству источников, после решающего сражения воины Йаз'ана и Вехриза почти не встречали сопротивления. Только в рассказе Абу Убайды после решающего сражения (согласно этому автору оно произошло в Сане, что маловероятно; о месте битвы см. ниже) несколько тысяч эфиопов укрепились в каком-то здании, но были перебиты воинами Вехриза (Kitāb al-dibādj, 1991. P. 105).

⁷⁶ Annales..., 1881–1882. P. 949. Ср. Sīrat..., 1995. Pt. 1. P. 107.

References

1. Biblioteka literatury Drevnej Rusi. Tom 6. XIV — seredina XVI veka [Library of Ancient Russia's Literature. Vol. 6. 14th through the Mid-15th Century]. St.-Petersburg: Nauka, 2005.
2. Istorija Armenii Favstosa Buzanda [P'awstos Buzand's History of Armenia]. Tr. M.A. Ghevorghian. Erevan: Izdatel'stvo Akademii nauk Armjanskoj SSR, 1953.
3. *Lundin* A.G. Juzhnaja Aravija v VI v. [South Arabia in the 6th Century]. Izdatel'stvo AN SSSR, 1961 (Palestinskij Sbornik. Vypusk 8(71)).
4. *Mishin* D.E. Kinditskij carevich Abū-lj-Dzhabr i sasanidskij car' Hosrov I Anushirvan [Kindite Prince Abū-l-Djabr and Sasanid King Khusraw I Anushirwan]. Vestnik Moskovskogo Universiteta. Ser. 13. Vostokovedenije. 2019. No. 1. P. 71–84.
5. *Mishin* D.E. «Pohod slona» v kontekste istorii Aravii VI v. ['Campaign of the Elephant' in the Context of the History of 6th-Century Arabia]. Minbar. Islamic Studies. 2020. 13(2). P. 263–283.
6. *Mishin* D.E. Hosrov I Anushirvan (531–579), jeho epoha i jeho zhizneopisanije i pouchenije v istorii Miskavejha [Khusraw I Anushirwan (531–579), His Epoch and His Biography and Admonition in Miskawayh's History]. Moscow: IV RAN, 2014.
7. *Mishin* D.E. «Shapur's Trench» and the Sasanian-Arab Borders in the 4th through the 7th Century. Istoricheskij vestnik. Vol. 49 (Istorija — svidetel'nica vremen), 2024. P. 138–171.
8. *Piotrovskij* M.B. Juzhnaja Aravija v rannee srednevekovje [South Arabia in the Early Middle Ages]. Moscow: Nauka, 1985.
9. Akhbār Makka wa mā djā'a bi-hā min al-āthār. Ta'lif ... al-Azrakī [History of Mecca and of the Monuments Which Arose There, by ... al-Azrakī]. Ed. R.al-Ş. Malḥas. Beirut: Dār al-Andalus li-l-ṭibā'a wa-l-nashr wa-l-tawzīf, 1983.
10. al-Akhbār al-ṭiwāl. Ta'lif ... al-Dīnawarī [Long Stories by al-Dīnawarī]. Ed. 'A. 'Āmir. Cairo: Wizārat al-thaqāfa wa al-irshād al-ḳawmī (al-Iḳlīm al-djanūbī), al-Idāra al-'amma li-l-thaqāfa, 1960.

11. Annales quos scripsit Abu Djafar Mohammed Ibn Djarir at-Tabari. Ed. M.J. De Goeje. Prima series. II. Rec. J. Barth, Th. Nöldeke. Lugduni Batavorum, 1881–1882.
12. al-Ansāb li ... al-ʿAwtabī al-Ṣuḥārī [Genealogies by ... al-ʿAwtabī al-Ṣuḥārī]. Ed. M. Iḥsān al-naṣṣ. Muscat: Wizārat al-turāth al-ḳawmī wa al-thaḳāfa, 2006.
13. *Bāfakīh* M.ʿA. Tārīkh al-Yaman al-ḳadīm [History of Ancient Yemen]. Beirut: al-Muʿassasa al-ʿarabiyya li-l-dirāsāt wa-l-nashr, 1985.
14. *Christensen* A. L'Iran sous les Sassanides. Copenhagen: Ejnar Munksgaard, 1944.
15. Dalāʿil al-nubuwwa wa maʿrifat aḥwāl šāḥib al-sharīʿa li ... al-Bayḥaḳī [Proofs of [Muḥammad] Being a Prophet and Knowledge of the Affairs of the Founder of the Islamic Law]. Ed. ʿA. Ḳalʿadjī. Beirut: Dār al-kutub al-ʿilmiyya, 1988.
16. Dīwān ʿAdī Ibn Zayd al-ʿIbādī. Ed. M.Dj. al-Muʿaybid. Baghdad: Sharikat Dār al-Djumhūriyya li-l-nashr wa-l-ṭabʿ, 1965.
17. Dīwān Umayya Ibn Abī-l-Ṣalt [Collection of Poetry by Umayya Ibn Abī-l-Ṣalt]. Ed. ʿA. al-Siṭlī. Damascus: al-Maṭbaʿa al-taʿāwuniyya, 1974.
18. *Ibn al-Muḡawir*. Descriptio Arabiae Meridionalis. Ed. O. Löfgren. Pars prior. Leiden: E.J. Brill, 1951.
19. Kitāb al-aghānī li-l-imām Abī-l-Faradj al-Aṣbahānī [Book of Songs by Imam Abū-l-Faradj al-Iṣfahānī]. Ed. A. al-Shinḳīṭī. Cairo, 1905.
20. Kitāb al-dībādj. Taʿlīf ... Abī ʿUbayda Muʿammar Ibn al-Muthannā al-Taymī [Brocade-[Like] Book by Abū ʿUbayda Muʿammar Ibn al-Muthannā al-Taymī]. Ed. ʿA. al-Djarbūʿ, ʿA. al-ʿUthaymīn. Cairo: Maktabat al-Khāndjī, 1991.
21. Kitāb al-ilmām bi-l-iʿlām fī-mā djarat bi-hi al-aḥḳām wa al-umūr al-maḳḍiyya fī waḳʿat al-Iskandariyya li ... al-Nuwayrī al-Iskandarānī [Book Bringing Knowledge on What Executable Orders Were Made on, about the Battle of Alexandria, by al-Nuwayrī al-Iskandarānī]. Pt. 1. Ed. E. Combe, ʿA.S. ʿAṭiyya. Hyderabad: Dāʿirat al-maʿārif al-ʿuthmāniyya, 1968.
22. Kitāb al-masālik waʿl-mamālik (Liber viarum et regionum) auctore ... Ibn Khordādhbeh et excerpta e Kitāb al-kharādj auctore Kodāma ibn Djaʿfar. Ed. M.J. De Goeje. Lugduni-Batavorum, 1889.
23. Kitāb al-munammaḳ fī akhbār Ḳuraysh li Muḥammad bin Ḥabīb al-Baghdādī [Elegant Book on the History of the Ḳuraysh, by Muḥammad Ibn Ḥabīb al-Baghdādī]. Ed. Kh.A. Fāriḳ. Hyderabad: Dāʿirat al-maʿārif al-ʿuthmāniyya, 1964.

24. Kitāb tārīkh sunī mulūk al-arḍ wa al-anbiyā'. Ta'rif Ḥamza ... al-Aṣfahānī [Book on History of the Years of the Kings of the Earth and of the Prophets by Ḥamza ... al-Iṣfahānī]. Berlin: Kaviani GmbH, 1921/22.
25. Kitāb al-tīdjān fī mulūk Ḥimyar [Book of Crowns on the Kings of Ḥimyar]. Sana: Markaz al-dirāsāt wa al-abḥāth al-yamaniyya, 1979.
26. Le livre de la création et de l'histoire de Motahhar ben Ṭāhir el-Maqdisī attribué à Abou-Zéïd Aḥmed ben Sahl el-Balkhī. Pub. et tr. Cl. Huart. T. III. Paris, 1903.
27. al-Ma'ārif li ... Ibn Ḳutayba [[Book of] Knowledge by Ibn Ḳutayba]. Ed. Th. 'Ukāsha. Cairo: Dār al-ma'ārif, 1981.
28. Madjmū' buldān al-Yaman wa ḳabā'ili-hā ... djama'a-hu ... al-Ḥadjrī al-Yamānī [Collection [of References] on Yemen's Settlements and Tribes, Gathered by al-Ḥadjrī al-Yamānī]. Ed. I. Al-Akwa'. Sana: Dār al-ḥikma al-yamāniyya, 1996.
29. *al-Mas'ūdī*. Murūdj al-dhahab wa ma'ādin al-djawhar [Meadows of Gold and Mines of Pearls]. Ed. Ch. Pellat. Beirut: al-Djāmi'a al-lubnāniyya. Pts. 1, 2, 1966.
30. Mu'djam al-buldān li ... Yāḳūt [Reference-Book on Countries and Settlements, by Yāḳūt]. Beirut: Dār Ṣādir, 1977.
31. Mulūk Ḥimyar wa aḳyāl al-Yaman. Ḳaṣīdat Nashwān bin Sa'īd al-Ḥimyarī ... wa sharḥu-hā al-musammā Khulāṣat al-sīra al-djāmi'a li 'adjā'ib akhbār al-mulūk al-tabābi'a [Kings of Ḥimyar and Princes of Yemen. Poem by Nashwān Ibn Sa'īd al-Ḥimyarī and its Explanation Called 'Abridgement of the History Inclusive of Amazing Stories of the *Tabābi'a* Kings']. Ed. 'A. al-Mu'aayyad, I. al-Djarāfi. Cairo: al-Maṭba'a al-salafiyya, 1974.
32. Nihāyat al-arab fī akhbār al-furs wa al-'arab [The Utmost of What May Be Sought in the History of Persians and Arabs]. Ed. M.T. Dānishpezhūh. Tehran: Andjoman-i-āthār wa mafākhir-i-farhangī, 1996/97.
33. Nihāyat al-arab fī funūn al-adab. Ta'rif ... al-Nuwayrī. [The Utmost of What May Be Sought in Various Arts of Literature, by al-Nuwayrī]. Vol. 15. Cairo: Dār al-kutub al-miṣriyya, 1949.
34. *Nöldeke Th.* Geschichte der Araber und Perser zur Zeit der Sasaniden. Leyden, 1879.
35. Nuzhat al-djalīs fī munyat al-adīb al-anīs [[Book] of the Enjoyment of the One Sitting Besides, on What a Literate Friend May Desire]. Ta'rif ... al-Makkī. Najaf: al-Maktaba al-ḥaydariyya, 1967.

36. *Photius*. Bibliothèque. Tome I («Codices» 1–84). Texte établi et traduit par R. Henry. Paris: Société d'édition «Les belles lettres», 1959.
37. *Potts D.T.* The Sasanian Relationship with South Arabia: Literal, Epigraphic and Oral Historical Perspectives // *Studia Iranica*, 37, 2008. P. 197–213.
38. *Procopius*. With an English translation by H.B. Dewing. Vol. I. History of the Wars, Books I and II. London, New York, 1914.
39. al-Rawḍ al-unuḥ fi sharḥ al-sīra al-nabawiyya li Ibn Hishām li ... al-Suhaylī [[Book Like a] Garden with an Intact Green Grass, with Explanation of Ibn Hishām's Biography of the Prophet, by al-Suhaylī]. Ed. 'A. al-Wakīl. Part 1. Cairo: Dār al-kutub al-islāmiyya, 1967.
40. *Robin Ch.J.* Abraha et la reconquête de l'Arabie déserte: un réexamen de l'inscription Ryckmans 506 = Murayghan 1 // *Jerusalem Studies in Arabic and Islam*. 39 (2012). P. 1–93.
41. *Seydī Ali Reis*. Mir'at-ül memalik «Ülkeleri aynası» [Mirror of the Countries]. Baskıya hazırlayan N. Akyıldız. Istanbul: Tercüman, 1975.
42. *Shabīd I.* Byzantium and the Arabs in the Sixth Century. Vol. 1. Part 1: Political and Military History. Washington, D.C.: Dumbarton Oaks Research Library and Collection, 1995.
43. Sharḥ Maḳṣūrat Ibn Durayd. Şan'at al-Khaṭīb al-Tabrīzī [Explanation of Ibn Durayd's *Maḳṣūra*, by al-Khaṭīb al-Tabrīzī]. Ed. F. Ḳabāwa. Beirut: Maktabat al-ma'ārif, 1994.
44. Şifat Djazīrat al-ʿarab. Taʿlif ... al-Hamdānī [Description of the Arabian Peninsula by ... al-Hamdānī]. Ed. M. al-Akwaʿ al-Ḥiwālī. Sana: Maktabat al-irshād, 1990.
45. Sīrat al-Nabī li ... Ibn Hishām [Biography of the Prophet by ... Ibn Hishām]. Ed. M.F. al-Sayyid. Tanta: Dār al-şahāba li-l-turāth bi Ṭanṭā, 1995.
46. *Smith S.* Events in Arabia in the 6th Century A. D. // *Bulletin of the School of Oriental and African Studies, University of London*. Vol. 16. No. 3 (1954). P. 425–468.
47. Tāriḫ-nāmeḥ-i-Ṭabarī. Gardānīdeh-i-mansūb be Balʿamī [[al]-Ṭabarī's History. A Translation Ascribed to Balʿamī]. Ed. M. Rowshan. Tehran: Soroush, 1995.
48. *The Cambridge History of Iran*. Volume 3(1). The Seleucid, Parthian and Sasanian Periods. Ed. E. Yarshater. Cambridge: Cambridge University Press, 1983.
49. *The Complete Text of the Pahlavi Dinkard*. Ed. D.M. Madan. Bombay, 1911.

50. The Dinkard. Ed. D.D.P. Sanjana. Vol. XVI. London: Kegan Paul, Trench, Trübner & Co., 1917.
51. The Fársnáma of Ibnu'l-Balkhí. Ed. G. Le Strange, R.A. Nicholson. London: Luzac & Co., 1921.
52. Theophilacti Simocattae Historiae. Ed. C. De Boor, P. Wirth. Stuttgart: B.G. Teubner, 1972.

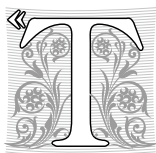

Ключевые слова:

арабы; доисламская Аравия; Сасаниды; Йемен

Dmitriy E. Mishin

The Sassanid Conquest of Yemen

This article is an attempt to reconstruct the Sassanid conquest of Yemen under king Khusraw I Anushirwan (531–579). This subject enjoys little attention of scholars and furthermore there are divergences as to the conquest's date. A comparative analysis of information yielded by Byzantine and Muslim sources, made here, makes it possible to reconstruct the events as follows. The conquest occurred in the winter of 571/572. The Sassanid army was led by a general belonging to the Mihrans, a family of the highest Sassanid aristocracy, whose members were mainly engaged in military matters. It is often stated in the sources that to conquer Yemen a small detachment of 800 warriors was dispatched. The Sassanid army was larger and references to a troupe of less than one thousand man appear to be related to an elite detachment composed of noblemen called *āzādān*. By sea the Sassanid army arrived to the region of Aden where it was joined by Ḥimyarite and Arab allies and subsequently fought against the forces of the Ethiopian ruler of Yemen. The latter's troops composed of Ethiopian, Ḥimyarite and Arab detachments lacked internal cohesion and was defeated following his death on the battlefield.

Keywords: Arabs; pre-Islamic Arabia; Sassanids; Yemen

Dmitriy E. Mishin — C.Sc. (History), Senior Research Fellow at the Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences (Moscow, Russia).

AuthorID: 111810

d.mishin@ivran.ru

Мишин Дмитрий Евгеньевич

кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института востоковедения Российской академии наук (Москва, Россия)

AuthorID: 111810

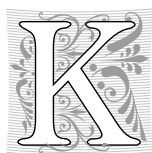
d.mishin@ivran.ru

Исторический вестник. 2025. Т. LI
DOI: 10.35549/HR.2025.2025.51.007

С.П. Брюн

«Новые мелькиты»: феномен перехода миафиситов в халкидонское православие в Сирии в X–XI вв.

Как хорошо известно, Четвертый Вселенский (Халкидонский) Собор 451 г., искавший компромисса между наиболее ревностными сторонниками учения папы Кирилла Александрийского (которых в историографии уместно именовать «миафиситами», или — в силу церковно-полемической традиции — «монофиситами»), с одной стороны, и Церквами Рима и Константинополя, с другой, Собор, на котором в качестве «золотой середины» был предложен томос папы Льва I Великого — стал поводом для наиболее масштабного, продолжающегося поныне церковного раскола на христианском Востоке. «Халкидонский орос», окончательно утвердивший учение о двух природах Христа, не был принят Александрийской церковью фактически во всей ее полноте; ни один из епископов Египта не подписал соборных постановлений, а преемник св. Кирилла — папа Диоскор I — был низложен за неявку на Собор¹. С 451 г. в Египте сохранялась лишь небольшая фракция сторонников халкидонского исповедания — мелькитов — чья иерархия была восстановлена при военной поддержке империи и чья Церковь на протяжении всей последующей истории зависела от притока сирийских и греческих переселенцев².

¹ Мейендорф И. Единство империи и разделения христиан. Церковь в 450–680 годах. М.: Изд. ПСТГУ, 2012. С. 223–260.

² Подробнее, с указанием дальнейших источников и литературы, см.: Панченко К.А., Александрийская православная церковь // Православная энциклопедия. Т. 1. М. 2007. С. 559–594.

Святая земля и Иерусалимский патриархат, после кратковременного господства миафиситского патриарха Феодосия (451–452 гг.), перешли практически под полный контроль халкидонитов/мелькитов³. После изгнания патриарха Феодосия миафиситы уже не могли поддерживать параллельную первосвятительскую иерархию; их общины на Святой земле (состоявшие из сирийских, коптских, нубийских и эфиопских паломников) становились яблоком раздора между сирийскими/сиро-яковитскими патриархами Антиохии и миафиситскими/коптскими патриархами Александрии. Три кавказские Церкви — Армении, Грузии и Кавказской Албании, как хорошо известно, не принимали участия в Соборе 451 г. и не приняли его постановлений. Тем не менее в VII в. имела место «конфессиональная рокировка» двух христианских царств на рубежах империи и халифата: Грузия перешла в стан халкидонитов⁴, в то время как нубийское царство Макурия (Маккурай) вошло в общение с миафиситским патриархом Александрийским (чья юрисдикция уже располагалась как севернее границ Макурии — в Египте, так и южнее, в царстве Алодия/Альва и в Аксуме)⁵.

Антиохийский патриархат — в то время простиравшийся от побережья Киликии и Сирии на западе до персидско-византийской границы на востоке — пережил относительно равномерный раскол между миафиситами и халкидонитами. В VII–VIII вв. имело место дальнейшее расселение общин сиро-яковитов и антиохийских мелькитов вглубь персидских и среднеазиатских земель (в том числе в города Великого шелкового пути, между Каспийским морем и Турфанским оазисом), где традиционно господствовали несториане. Кафедра *мафриана* — второго по чести иерарха миафиситской Сирийской (Сиро-яковитской) церкви, располагалась в месопотамской Селевкии (а позднее в Текрите и Мосуле). Под канонической властью православного патриарха Антиохийского в VIII–X вв. возникает два автономных католикосата (Ромагиры и Иринополя) — объединивших мелькитов Месопотамии, Персии

³ Мейендорф И. Указ. соч. С. 253.

⁴ Мейендорф И. Указ. соч. С. 142–152; Соловьева А.Т. Грузия в VI — первой трети VII в. // Очерки истории христианских цивилизаций. Т. I. От зарождения до арабских завоеваний. Кн. 1. М.: РОССПЭН, 2019. С. 489–490.

⁵ Кобищанов Ю.М. Христианизация Средней и Верхней Нубии // Очерки истории христианских цивилизаций. Т. I. От зарождения до арабских завоеваний. Кн. 1. М.: РОССПЭН, 2019. С. 609–610.

и Средней Азии⁶. В VIII в. имел место еще один раскол в стане сирийских халкидонитов — когда, на фоне репрессий, начатых православным патриархом Феодоритом бар Канбарой, опиравшимся на войска халифата, от Антиохийской православной церкви окончательно отделились сторонники монофелитства (позднее ставшие известными как марониты), утвердившие собственную патриаршую иерархию. Таким образом на территории некогда единой Антиохийской церкви (уже пережившей в 431 г. раскол с «несторианами») образовались три параллельные линии «Патриархов Антиохийских и всего Востока» — халкидонская православная, миафиситская и маронитская⁷.

Истории Халкидонского раскола и его последствий посвящен корпус исследований, от первых попыток систематизации литературного и богословского наследия, имевшего место в Риме XVI–XIX вв., до настоящего времени. Формат данной статьи, естественно, не позволит нам провести даже краткого очерка историографии Халкидонского раскола, корпуса работ, простиравшегося от эпохи Жозефа Ассемани до Ж.-Б. Шабо, до отца Иоанна Мейендорфа и Себастьяна Брока, до современности, скрашенной новыми исследованиями А.В. Муравьева, Е.А. Заболотного, Д. Вельтеке и других авторов. Цель данной статьи — рассмотреть историю наиболее масштабного перехода миафиситов в халкидонское православие, имевшее место в X–XI вв. в Сирии, в разгар так называемой «ромейской/византийской реконкисты», когда держава ромеев возвращала территории на Востоке, на протяжении трех веков находившиеся под арабским господством. В этот период под прямым воздействием империи ромеев (воздействием как репрессивным, так и миссионерским) имело место массовое отречение сирийских христиан от миафиситской доктрины.

«Ромейской» или «византийской» реконкистой в литературе все чаще называют плеяду завоевательных кампаний, инициированных державой ромеев в восточном Средиземноморье в 940–1030-х гг. В результате этих кампаний империя вернула территории Анатолии, Киликии, северной Сирии (от Мараша и гор Аманоса на севере до Тартуса,

⁶ О мелькитских общинах на востоке, в частности о католикосатах Ромагиры и Иринополя, см.: *Nasrallah J. L'église melkite en Iran, en Perse et dans l'Asie centrale.* Jérusalem, 1976. 128 p.; *Dauvillier J. Byzantins d'Asie Centrale et d'Extrême-Orient au moyen âge // Revue des études byzantines.* 1953. Т. 11. P. 62–87; *Parry K. Byzantine-Rite Christians (Melkites) in Central Asia in Late Antiquity and the Middle Ages // Thinking Diversely: Hellenism and the Challenge of Globalization.* Ed. by Kefallinos E. ed. Sydney, 2012. P. 91–108.

⁷ *Moosa M. The Maronites in History.* Piscataway, 2005. P. 110–117.

Св. Феодор Стратилат. Фреска церкви Свв. Сергия и Вакха в Каре. Сирия (1230-е гг.).
Фото автора

Мараклеи и Шейзара на юге), а также Крит и Кипр, не только перечеркнув трехвековое арабское господство, но и фактически искоренив исламское присутствие в регионе. В отличие от походов императора Ираклия в годы Персидской войны (602–628 гг.)⁸, кампании ромейской реконкисты были лишены какого-либо примиренческого пафоса общехристианской борьбы против неверных. Рассматриваемые кампании сопровождалась показательными жестокими расправами не только с мусульманами, но и с оказывавшими сопротивление христианами. К примеру, император Василий II разорял не только болгарские земли, но и территорию западногрузинского (абхазского) царства, где также имели место массовые ослепления пленных воинов⁹. Ярким примером императорской жестокости в отношении ближневосточных христиан

⁸ О персидской войне императора Ираклия и о византийской попытке искать примирения как с миафиситами, так и с несторианами в рассматриваемый период см.: Успенский Ф.И. История Византийской империи. М.: Астрель, 2002. Т. II. С. 35–62.

⁹ Во время войны Василия II против западногрузинского (абхазского) царства в 1020–1021 гг., в ходе которой, по словам мелькитского хрониста и современника указанных событий — Яхьи Антиохийского, василевс «сжег все его (царя Георгия) села, разграбил находившееся там зерно, пенил в его краю, убил, ослепил более двухсот тысяч человек его сторонников, опустошил все принадлежавшие ему округа и села...». См.: Яхья Антиохийский. Хроника (фрагмент) / Пер. Т.К. Кораяева // Антология литературы православных арабов / Сост. К.А. Панченко. М.: ПСТГУ, 2020. С. 143.

и их сакрального пространства служит сожжение эмесской церкви Свв. Константина и Елены — с искавшими там убежища людьми (как мусульманами, так и христианами) — воинами-русичами из Варяжской стражи императора Василия II во время его похода на Хомс (999 г.)¹⁰.

В глазах империи сиро-яковиты представляли собой неблагонадежное, еретическое, дружественное мусульманам население. В этом отношении нельзя не отметить всей парадоксальности этого ромейского недоверия к сирийским миафиситам: если в Египте, при арабском завоевании, действительно имело место относительно массовое выступление коптского населения на стороне захватчиков, то в сиро-палестинском регионе Иерусалим, Дамаск и Эмеса (а также Антиохия, после битвы у Железного Моста в 637 г.) были сданы арабам не миафиситами, а именно мелькитами¹¹. Отчасти подобное отношение было оправдано, однако антивизантийские настроения среди миафиситов лишь усиливались благодаря действиям ромейских властей и иницилируемых мелькитами погромов (о которых будет сказано ниже). Во время ромейского завоевания Эдессы (в 1031 г.) сиро-яковитское население покинуло город вместе с мусульманами.

С конца X в. империя — отчасти по инициативе василевсов, отчасти по инициативе местных властей и антиохийских патриархов — провела четыре волны гонений против сирийских миафиситов. Первая волна репрессий была начата патриархом Агапием II вскоре после его интронизации в 978 г. Патриарх Агапий II — с дозволения ромейских властей — поднял православных Антиохии и инспирировал серию погромов. Толпа мелькитов обрушилась как на церкви, так и на дома, лавки и имущество сиро-яковитов; разорению подвергся и кафедральный собор сирийских миафиситов. Помимо погромов гонения Агапия II сопровождалось насильственным обращением части сиро-яковитов в лоно православной Антиохийской церкви: миафиситы Антиохии вынуждены были принимать Халкидонский орос под страхом смерти или изгнания из города¹².

¹⁰ Там же. С. 109.

¹¹ Бартольд В.В. Ислам и мелькиты... М., 1966. С. 651.

¹² По словам Михаила Сирийца, Агапий II, взоидя на патриарший престол, «силой принуждал (сирийских миафиситов) присоединяться к халкидонитам. Он изгнал из города сопротивлявшихся и захватил их дома и их имущество, словно язычник. Он разорил великую церковь (кафедральный собор сиро-яковитов в Антиохии. — Прим. С.Б.) и, безбожник, бросил в огонь Евангелие и другие книги, миро и святые дары». См.: *Michel le Syrien. Chronique de Michel le Syrien. Patriarche Jacobite D'Antioche. Vol. III. Paris, 1905. Lib. P. 131.*

Вторая и более масштабная волна гонений — охватывавшая уже не только Антиохию, но подвластные империи земли Антиохийского патриархата — была инициирована не местным священноначалием, а непосредственно императором Романом III Аргиром в 30-х гг. XI в. Изначально эта волна репрессий была отсрочена благодаря тому, что назначенный Константинополем (!) Антиохийский патриарх — Николай II Студит — вступил в оппозицию ромейскому василевсу и отказался участвовать в соборе, осудившем сиро-яковитов. Об этом прямо пишет Михаил Сириец, воспевавший Николая II и его архиереев за отказ следовать приказам Романа III Аргира и являться на заседавший в Агия Софии собор. Согласно хронике Михаила Сирийца: «около 200 епископов халкидонитов собралось, чтобы приветствовать нового императора. И когда собрались они в церкви, именуемой Агия София, Патриарх Антиохийский и его епископы не явились. И когда призвали их, они ответили: “Мы знаем, что они (т.е. сирийские миафиситы) христиане и что их не следует допрашивать”. И они сказали, что отлично знают, что Блаженный Иоанн (сиро-яковитский патриарх Иоанн VII бар Абдун. — С.Б.) человек Божий»¹³. Остается открытым вопрос, какие конкретно действия заставили миафиситского патриарха и хрониста воспевать добродетели скончавшегося столетием ранее «константинопольского» патриарха Антиохии? Вряд ли стоит указывать на то, что в данный период отчуждение и взаимная неприязнь двух общин достигли высшей точки и у патриарха Михаила I не было оснований восхвалять халкидонского патриарха Николая II без должных к тому обоснований. Действительно, гонения против сиро-яковитов, начатые императором Романом III Аргиром и Вселенским патриархом Алексеем I Студитом в конце 1020-х гг., коснулись восточных епархий Константинопольского патриархата (прежде всего архиепископии Мелитены) и распространились на территорию Антиохийской церкви лишь в 1030-х, после смерти патриарха Николая II. Это дает полное основание говорить о том, что Николай II Студит на самом деле оказал сопротивление константинопольской директиве и выступил против гонений, что было явлением абсолютно исключительным в истории взаимоотношений двух сирийских Церквей¹⁴. К несколько поэтизированному описанию Михаила Сирийца можно было бы отнестись с известной долей здравого скептицизма,

¹³ Ibid. Vol. III. Lib. XIII. C. 6. P. 141.

¹⁴ Брюн С.П. Николай II Студит — «Константинопольский» Патриарх Антиохии в исторической памяти сирийских христиан... С. 306–308.

если бы их не подтверждал слово в слово современник данных событий, мелькитский автор Яхья Анти-охийский. Яхья также говорит о том, что Николай II Студит с избранными архиереями и клиром был призван в Константинополь, однако, будучи в столице, наотрез отказался участвовать в синоде, призванном осудить сиро-яковитов и их патриарха Иоанна VII. Мелькитский хронист пишет и о споре, разгоревшемся по этому поводу между двумя православными патриархами — Николаем II Антиохийским и Алексеем I Константинопольским, при этом отстаивая правоту последнего. Примечательно, что в противовес сиро-яковитскому первосвятителю-хронисту Яхья открыто осуждает Николая II, называя собственного патриарха «еретиком» (يقوطرألا كلد) ¹⁵. Так или иначе, после смерти Николая II Студита (1030 г.) Роман III Аргир распространил инициированные константинопольским синодом гонения на территорию Антиохийской церкви.

Кампания Аргира была направлена прежде всего на массовое обращение сирийских миафиситов. Помимо широкомасштабной проповеди сиро-яковиты испытывали ошутимое силовое давление со стороны империи: отдельные городские церкви миафиситов подвергались разорению и закрытию, имущество сиро-яковитов подвергалось поборам. Политика «кнути и пряника», в сочетании с внутренними противоречиями в стане сиро-яковитов, действительно привела к желаемому империи результату. Михаил Сириец с горечью пишет о том, что «верующие нашей Православной Церкви, поддавшись бесовскому действию и человеческим страстям, были разделены внутренними распрями. И часть из них, распаленных яростью и желчью, вышли на взывание халкидонского Патриарха, став еретиками» ¹⁶. Испытывая сильное давление со стороны василевса, византийского епископата и имперских наместников, в стан мелькитов переходили даже иерархи Сиро-яковитской церкви. В связи с кампанией Аргира известно три подобных перехода: в лоно православной церкви перешли Игнатий, митрополит Мелитены, Моисей, епископ сирийского города Зиад (в 40 км к северо-востоку от Алеппо), и Исаак, епископ ливанской Арки ¹⁷. Еще один подобный переход имел место ранее, на исходе X в., когда в лоно Антиохийской церкви перешел сиро-яковитский митро-

¹⁵ Vasiliev A., Kratchkowsky I. Éd. Yahya Ibn Sa'id d'Antioche. Continuation de Sa'id Ibn Bitriq // *Patrologia Orientalis*. Vol. 18. Paris, 1924. P.

¹⁶ *Michel le Syrien*. Op. cit. Lib. XV. C. 1. P. 161.

¹⁷ *Ibid.* Lib. XIII. C. 6. P. 143.

Милиарсий императора Романа III Аргири (1028–1034 гг.).
Частное собрание

полит Мардина — Иоанн, с частью своей паствы¹⁸. «Аргириева волна» гонений проходила при поддержке преемников Николая II — патриархов Илии II (1031–1032 гг.) и Феодора III Ласкариса (1034–1042 гг.). К примеру, в 1039 г. патриарх Феодор III издал собственное постановление, запрещающее чадам Антиохийской церкви вступать в брак с сирийскими миафиситами¹⁹.

Третья волна гонений разразилась в Антиохии в 1050–1051 гг., в правление императора Константина IX Мономаха, по инициативе местных властей, обеспокоенных сохранявшимся благоденствием отдельных представителей сиро-яковитской общины. Согласно Матфею Эдесскому, гонения начались после того, как имперские власти принудили одного из богатых антиохийских сиро-яковитов, массово скупавших рабов-мусульман, перейти в лоно халкидонской церкви. После этого в городе начались столкновения, в ходе которых для дальнейшей демонстрации «безблагодатности» миафиситской Церкви православный патриарх Василий II велел сжечь избранные святыни и евангелия, конфискованные из сиро-яковитских церквей, на площади перед собором Св. Петра. Примечательно, что сирийские и армянские миафиситы связывали попадание молнии в алтарь собора Св. Петра/церкви Кассиана именно с божьей карой за эту репрессивную кампанию, о чем говорит Матфей Эдесский в своем нарочито-мифологизированном описании

¹⁸ *Le Quien M. Oriens Christianus in Quatuor Patriarchatus Digestus. T. II. Paris. 1740. P. 1002; Michel le Syrien. Op. cit. Vol. III. P. 482.*

¹⁹ *Grumel V. Les registes des actes du patriarcat de Constantinople. Les actes des patriarches II. Les registes de 715 à 1043. Paris, 1936. № 846.*

указанных событий²⁰. Наконец, четвертая и финальная волна гонений имела место на исходе византийского правления в Антиохии, в 1075–1076 гг., в царствование Михаила VII Дуки. История этого последнего погрома сиро-яковитов Антиохии приведена в «Истории Александрийских патриархов» вторым ее автором, коптским дьяконом Мавхубом ибн Мансуром ибн Муффаригом. «Наши братья, сирийцы, верные града Антиохии были охвачены великими бедствиями и испытаниями, ибо мелькиты, будучи правителями, набросились на их церкви и сожгли их, вместе со всеми книгами, и сирийцы были изгнаны (...) Приумножились их стенания, их ропот, их плач, и часть из них последовала учению мелькитов Антиохии»²¹.

Составной частью гонений стала десакрализация святынь и храмового пространства сиро-яковитов, в том числе показательное сожжение святынь, книг и даже Святого Евангелия из их церквей. Согласно текстам Михаила Сирийца и Матфея Эдесского, к подобному показательному сожжению Евангелий прибегали два патриарха — Агапий II в 978 г. и Василий II в 1051 г. В 1063 г. Вселенский патриарх Константин III Лихуд (канонизированный святой, просвещенный иерарх, друг Михаила Пселла и покровитель Магнаврской высшей школы, «университета» Константинополя) приказал жечь на форумах «священные книги, святые дары и все что было в церквях сирийцев», в том числе произведения искусства и хранившиеся в сирийских библиотеках переводы богословских и литературных текстов. Михаил Сириец связывает смерть патриарха Константина III, наступившую в этом же году, с божьей карой за это сожжение²². Обращает на себя внимание ужесточение гонений в средневизантийский период (т.е. в эпоху ромейской реконкисты): если в VI в. указом императора Юстиниана I Великого предписывалось уничтожение лишь полемических текстов миафиситов — прежде всего Севира Антиохийского, то в XI в. в Антиохии ромеи и мелькиты доходили до сожжения Священного Писания из сиро-яковитских церквей, в то время как точно такие же, написанные на сирийском языке Евангелия благоговейно хранились и в мелькитских церквях. Это является

²⁰ *Mathieu D'Edesse. Chronique de Mathieu D'Edesse (962–1136) avec la Continuation de Grégoire le Prêtre. Paris, 1858. P. 96–98.*

²¹ *Atiya A.S., 'Abd al-Masih Y., Burmester O.H. E., ed. & trans. History of the patriarchs of the Egyptian Church: known as the History of the Holy Church / by Sawirus ibn al-Mukaffa', Bishop of al-Asmunin. Vol. 2, pt. 3: Christodoulus-Michael (A. D. 1046–1102). Cairo, 1959. P. 304.*

²² *Michel le Syrien. Op. cit. Lib. XV. P. 166–167.*

ярким свидетельством эскалации агрессии и межконфессионального напряжения, разделявшего мелькитов и сиро-яковитов. Показательное сожжение сакральных текстов стало интегральной частью византийских религиозных гонений, как против мусульман, так и против миафиситов в эпоху реконкисты.

Одновременно с ожесточенностью антимиафиситских кампаний на территории Антиохийского патриархата невозможно не отметить и бесспорный их успех: в результате четырех волн гонений в Антиохии сиро-яковитская община была практически полностью уничтожена. К моменту установления франкского правления в Антиохии у сиро-яковитов сохранилась лишь одна церковь в городе — «Сирийская церковь Пресвятой Богородицы»; остальные принадлежали православным и небольшое число — армянам²³. Подавляющее большинство населения города составили православные, в том числе недавно обращенные миафиситы. Массовый переход сиро-яковитов в лоно халкидонской церкви имел место не только в самой Антиохии, но и на территории всей византийской Сирии, Киликии, восточной Анатолии. Заслуживает особого внимания и тот факт, что из четырех сиро-яковитских архиереев, перешедших в лоно православной церкви в период указанных гонений, лишь один — Игнатий, митрополит Мелитены — возглавлял епархию на территории империи; кафедры других трех архиереев — Иоанна, митрополита Мардина, Исаака, епископа Арки и Моисея, епископа Зиада — располагались на мусульманских землях (пусть и регулярно разоряемых ромеями). Это говорит о том, что в византийских кампаниях, направленных на обращение сиро-яковитов, репрессии были не единственным рычагом воздействия; успешное инкорпорирование в число подданных империи и установление более прочных экономических и культурных связей с Византией обладало достаточной долей притягательности, толкая многочисленные сиро-яковитские семьи и даже отдельных представителей епископата к отречению от миафиситской доктрины и принятию Халкидонского ороса. Понимая недопустимость каких-либо прямых параллелей, все же считаем возможным выдвинуть предположение, что в X–XI вв. перспектива к переходу в полное общение с Великой Церковью и византийской цивилизацией (как господствующей культурно-экономической общностью христианского мира)

²³ Подробнее о положении сиро-яковитских общин в восточных провинциях Византии и о постепенном исходе этих общин см.: *Dagron G. Minorites ethniques et religieuses dans l'Orient byzantin a la fin du Xe et au XIe siecle: l'immigration syrienne // Travaux et Memoires. 1976. №6. P. 177–216.*

обладала для сирийских христиан той же притягательностью, что переход в унию с католической церковью для христиан в Османской империи в XVI–XIX вв. Вполне возможно, что здесь фактор полной интеграции в господствующую культурно-экономическую христианскую общность, которая успешно наступала на исламский мир, сыграл более чем весомую роль для обособленных христианских общин Дар аль-Ислама. При этом это принятие миафиситских архиереев в «сущем сане» или по крайней мере на почетных условиях (без которых их переход вряд ли был возможен) представляет собой разительный контраст с нарочитой десакрализацией храмового пространства и святынь сиро-яковитов.

В рассматриваемый период аналогичный и массовый переход в халкидонское исповедание имел место среди общин Армянской церкви — в Закавказье, Анатолии, Константинополе, в епархиях Антиохийской церкви — от Киликии до Месопотамии. Расцвет армяно-халкидонитских общин и епархий приходится как раз на XI–XIII вв. Представители армяно-халкидонитских общин и родов пережили падение византийского господства на Востоке и сохраняли свое положение в составе Грузинского царства (династия Захаридов) и в составе киликийского королевства Армения, которое — сохраняя значительную фракцию знати халкидонского исповедания — даже кратковременно (в 1219–1221 гг.) находилось под властью барона «греческой веры» — Адама Баграсского, сенешаля Левона I Великого, которому умирающий король доверил регентство над королевством и опеку над наследницей престола — малолетней королевой Изабеллой/Забел²⁴. Однако тема армян-халкидонитов в достаточной мере раскрыта в научной литературе (благодаря работам В.А. Арутюновой-Фиданян, А.П. Каждана, Ж. Дейдаяна, О.А. Казаряна) и заслуживает отдельного рассмотрения²⁵.

В Египте, при всей весомости влияния Ромейской державы и местной мелькитской общины, переходы местного коптского населения в лоно

²⁴ Подробнее об армяно-халкидонитской знати в королевстве Армения см.: Брюн С.П. Халкидонское Православие в королевстве Армения. Церковная иерархия, знать и общины ромеев и армян-халкидонитов в Киликии XII–XIV вв. // Вестник церковной истории. 2018. №3/4 (51/52).

²⁵ Каждан А.П. Армяне в составе господствующего класса Византийской империи в XI–XII вв. Ереван, 1975; Арутюнова-Фиданян В.А. Армяне-халкидониты на восточных границах Византийской империи (XI в.). М.: Наука, 1994; Dédéyan G. Les listes «féodales» du pseudo-Smbat // Cahiers de civilisation médiévale. 1989. Vol. 32 (№ 125); Казарян О. Роль армян-халкидонитов в латино-грузинских переговорах (1223–1224 гг.). 7 с. // URL: <http://deusvult.ru/89-rol-armyan-khalkidonitov.html> (дата обращения: 07.12.2022)

Центры перехода сиро-яковитов и их архиереев в лоно халкидонской православной церкви на границах Ромейской державы (XI в.).

Карта подготовлена специально к публикации

халкидонской Александрийской церкви были достаточно редкими. Одним из исключительных фигур стал коптский клирик и богослов Муркус (Марк) ибн Канбар, в 1180-х гг. перешедший в лоно Александрийской церкви и вступивший в общение с папой и патриархом Марком III²⁶. Это вновь указывает на то, что процесс массового перехода в халкидонское исповедание был неразрывно связан с военно-политической экспансией империи. Там, где эти связи ослабевали, «миссионерский потенциал» византийской Церкви резко сходил на нет. В этом еще один парадокс «византийского миссионерства», который достоин отдельного рассмотрения: если миссионерские усилия латинян и несториан, как правило, приносили успехи вне военно-политической поддержки единоверных или дружественных им государств, то успехи византийского миссионерства были прикованы к кампаниям и усилиям конкретных государей и правящих династий. Это ясно проступает и в становлении христианства в Болгарии, и на Руси (где христианизация проходила при поддержке правящих династий), и в кампаниях ромейской реконквисты, в том числе в повторной христианизации и византинизации населения отвоеванных у арабов Анатолии, Киликии, Кипра и Сирии.

²⁶ Murqus Ibn Qanbar // The Claremont Coptic Encyclopedia. Macmillan, 1991. 1699a–1700b.

С началом Крестовых походов и установлением франкского господства в Леванте (1097–1099 гг.) Сиро-яковитская церковь, чье присутствие в Антиохии было фактически сведено на нет византийскими репрессиями и массовым обращением миафиситов в халкидонское исповедание, смогла восстановить свое присутствие. В городе строились новые церкви миафиситов (незадолго до разрушения Антиохии там была воздвигнута и новая сиро-яковитская патриархия), а сиро-яковитские патриархи получили право не только посещать город, но, с 1160-х гг., совершать интронизацию на кафедре князя Апостолов, в соборе Св. Петра (церкви Кассиана), чего не имели права с момента византийского изгнания Севира Антиохийского в 512 г.²⁷

²⁷ Одной из постоянных резиденций сиро-яковитских патриархов (в особенности — Афанасия VII и Иоанна XII) был монастырь Доваир близ Антиохии. Патриарх Мар Иоанн XII (1130–1137) пользовался особым покровительством графа Жослена I Эдесского и его сына — Жослена II. Торжественная интронизация Мар Иоанна XII была совершена в латинском (!) кафедральном соборе Турбесселя, в присутствии графа Жослена и баронов Эдесского графства. См.: *Michelle Syrien*. Op. cit. Vol. III. P. 231. Позднее патриарх Иоанн XII даже перенес свою резиденцию из Амиды в подвластный эдесским франкам Кайсун. Подробнее о взаимодействии патриарха Иоанна XII с франками см.: *MacEvitt C. The Crusades and the Christian World of the East. Rough Tolerance. Philadelphia, 2008. P. 106–109*. Михаил Сириец в годы своего патриаршества (1166–1199 гг.) неоднократно посещал франкские земли, пользуясь гостеприимством королей Иерусалима и князя Антиохийского, а также латинского патриарха Антиохии — Амори де Лиможа. Бар Эбройе упоминает о том, что патриарх Михаил I Сириец во время своего пребывания в Антиохии совершал хиротонии епископов для различных епархий Сиро-яковитской церкви, что не могло совершаться без ведома и согласия франкского князя и патриарха. См.: *Bar Hebraeus. Chronica Ecclesiastica. Paris-Louvain, 1872–1877. Vol. II. P. 545–546*. В XIII в. право на подобный чин интронизации на хранимой латинянами кафедре князя Апостолов получил сиро-яковитский патриарх Иоанн XIII (1252–1263), и, возможно, его предшественник патриарх Игнатий III Давид (1222–1252). См.: *Bar Hebraeus. Chronica Ecclesiastica... С. 711*. К середине XIII в. сиро-яковитские патриархи взирали на интронизацию в латинском соборе Св. Петра как на устоявшуюся традицию и свое право. В годы патриаршества Игнатия III Давида (1222–1252 гг.) сирийские миафиситы получили право выкупить обширный сад в черте городских стен и возвести там величественную резиденцию для своего патриарха: сиро-яковитская патриархия представляла собой роскошный архитектурный ансамбль, выделявшийся среди окрестных садов и кварталов за счет своих необычайно высоких куполов. Описание новой сиро-яковитской Патриархии в Антиохии приведено в «Церковной истории» Бар Эбройе, см.: *Ibid ... С. 545*.

Об указанном периоде и истории Сиро-яковитской церкви и общин под франкским правлением см.: *Weltecke D. On the Syriac Orthodox in the Principality of Antioch during the Crusader Period // East and West in the Medieval Eastern Mediterranean. Antioch from the Byzantine Reconquest until the End of the Crusader Principality. Leuven, 2006. P. 95–124*.

В то же самое время есть свидетельство того, что мелькиты первоначально пытались проецировать известную им модель обращения к государственной власти, призывая номинально единоверных им франков выступить против сиро-яковитов. Один такой прецедент имел место в Эдессе и зафиксирован в «Хронографии» мафриана Бар Эбройю. В 1134 г. поля Эдессы страдали от нашествия саранчи: пытаясь справиться с бедствием, сиро-яковиты перенесли в город десницу миафиситского святого Бар Саумы. Во время крестного хода саранча поднялась и покинула городские поля. Событие, воспринятое населением города как чудо, явленное по молитвам миафиситского святого, вызвало острое недовольство мелькитов Эдессы. Как повествует Бар Эбройю: «Греки, сжигаемые завистью, призвали папиоса, митрополита франков, раскрыть раку, дабы воочию увидеть правую десницу святого. Когда же монахи воспротивились этому, греки разразились смехом и сказали: “У них нет ничего в той раке”. Тогда монахи, принужденные, открыли раку в церкви франков. В то же мгновение разразился гром, и темные тучи покрыли небо, и тяжелый град обрушился на землю, наполнив базары. И народ начал взывать “Кирие элейсон!” и “Помилуй нас, избранник Божий!”. Тогда греки бежали и спрятались. И тотчас же град прекратился»²⁸. Этот эпизод прямо перекликается с историями византийских гонений на сиро-яковитов, имевшими место в 978, 1030–1039, 1051 или 1078 гг. при поддержке православных патриархов: однако в данном случае мелькиты апеллировали не к православному иерарху, а к латинскому архиепископу Эдессы как к своему архипастырю, призывая его обратиться против «еретической» Сирийской церкви и ее святого. Обращает на себя внимание и тот факт, что латинский архиепископ Гуго Эдесский готов был начать разбирательство и раскрытие раки святого Бар Саумы, внимая протесту православной части своей паствы. Так или иначе, подобные эпизоды не смогли переломить общего дружественного отношения франкских властей к сиро-яковитам. Примечательно, что история взаимоотношений эдесской мелькитской общины с сиро-яковитами знает и противоположный прецедент: хорошо известна дружба сиро-яковитского патриарха Афанасия VII бар Хаморо с мелькитским философом из Эдессы — Абд аль-Масихом и о посредничестве последнего перед князем Рожером Антиохийским за освобождение миафиситского первосвященника, ко-

²⁸ *Bar Hebraeus. Chronography* // Ed. & trans. E.A. Wallis Budge. London, 1932. P. 292–293.

гда тот был брошен под стражу латинским патриархом Бернардом Валенским (ок. 1110–1111 г.)²⁹.

Итак, ромейская реконкиста и так называемое второе византийское правление в Антиохии и северной Сирии (период между 960 и 1080 гг., т.е. между кампаниями Никифора II Фоки и сельджукскими завоеваниями) были сопряжены с беспрецедентным переходом сирийских и армянских миафиситов в халкидонское исповедание. Наряду с крещеными мусульманами, «бывшие» сиро-яковиты массово переходили в лоно Антиохийской православной церкви и восточных епархий Константинопольского патриархата. При этом, воспринимая «ромейскую» веру, эти общины сохраняли родные им языки (арабский и сирийский) и культуру. Именно поэтому мы предлагаем обозначить крещенных в годы ромейской реконкисты арабов-мусульман и принявших халкидонское исповедание сиро-яковитов под предлагаемым термином **«новые мелькиты»**. Принимая халкидонское исповедание, миафиситы и мусульмане вынуждены были интегрироваться в новую для них религиозную среду. Для мусульман это означало принятие новой веры. Для сиро-яковитов — по крайней мере на территории Антиохийского патриархата — переход в лоно близкой Церкви, пока там сохранялся родной западносирийский обряд, с литургиями Св. Иакова Брата Господнего и Св. Петра (восточносирийская литургия Шара’р). Однако вместе с Антиохийской церковью в X–XII вв. бывшие сиро-яковиты/«новые мелькиты» переживали становившуюся все более планомерной и широкомасштабной литургическую византинизацию, которая в итоге оторвала их от исконного наследия.

Переход в лоно халкидонской церкви открывал для сиро-яковитов путь для дальнейшей интеграции в сферу византийской цивилизации, что обладало несомненной притягательностью для сиро-яковитов и армян-миафиситов, по крайней мере в период ромейской реконкисты, когда военно-политический триумф империи казался прочным и незыблемым. Об этом прямо свидетельствуют описанные выше переходы сиро-яковитских архиереев из мусульманских земель (в Мардине, Зиаде, Арке), а также сами масштабы сирийских и армянских обращений. В XII–XIII вв. значительная часть сиро-яковитов и армян аналогичным образом стремилась к сближению с утвердившимися на Востоке франками и латинской Церковью. Потребность выделения крещенных мусульман и обращенных в халкидонское православие сирийских

²⁹ *Michel le Syrien*. Op. cit. Lib. XV. P. 209–210.

миафиситов в особую общность — под новым определением («**новые мелькиты**») обусловлена еще и тем, что со времен Халкидонского раскола 451 г. и до настоящего времени мелькиты не испытывали подобного массового притока жителей Ближнего Востока в ряды своих общин: таким образом, масштабное вхождение сиро- и арабоязычного населения в ряды халкидонской православной церкви связано исключительно с эпохой ромейской реконкисты, а указанная общность принявших халкидонское исповедание жителей Сирии и Киликии нуждается в определяющем термине, а также рассмотрении в качестве отдельного исторического явления.

Так или иначе, тяжелое наследие «ромейской реконкисты» и византийских гонений привело к тому, что две сирийские Церкви — Антиохийская и Сиро-яковитская — не возобновляли полноценного богословского диалога до Нового времени. В XVIII в. в общении друг с другом — без прямого диалога — окажутся униатские ветви Антиохийской и Сиро-яковитской церквей (т.е. мелькиты и сиро-католики). Полноценный богословский диалог между православными и до-халкидонскими (Древними Восточными) церквями был восстановлен лишь в 1960-х гг. Примечательно, что в этом диалоге Антиохийская церковь — в противовес Иерусалиму — активнее других выступала и выступает за восстановление евхаристического общения с миафиситами.

References

1. *Arutyunova-Fidanyan V.A.* Chalcedonian Armenians on the eastern borders of the Byzantine Empire (11th century) [Armyane-khalkidonity na vostochnykh granitsakh Vizantiyskoy imperii (XI v.)]. Moscow: Nauka, 1994 (in Russian).
2. *Bartol'd V.V.* Islam and the Melkites [Islam i mel'kity] // Works on the history of Islam and the Arab Caliphate [Raboty po istorii islama i Arabskogo khalifata]. Moscow, 1966 (in Russian).
3. *Brun S.P.* Nicholas II the Studite — The «Constantinople» Patriarch of Antioch in the historical memory of Syrian Christians [Nikolay II Studit — «Konstantinopol'skiy» Patriarkh Antiokhii v istoricheskoy pamyati siriyskikh khristian]. P. 306–308 (in Russian).
4. *Brun S.P.* Chalcedonian Orthodoxy in the Kingdom of Armenia. Church hierarchy, nobility and communities of Romans and Chalcedonian Armenians in Cilicia, XII–XIV centuries [Khalkidonskoe Pravoslavie v korolevstve Armeniya. Tserkovnaya ierarkhiya, znat' i obshchiny romeev i armyan-khalkidonitov v Kilikii XII–XIV vv.] // Bulletin of Church History [Vestnik tserkovnoy istorii]. 2018. № 3/4 (51/52) (in Russian).
5. *Kazaryan O.* The role of the Armenian-Chalcedonians in the Latin-Georgian negotiations (1223–1224) [Rol' armyan-khalkidonitov v latino-gruzinskikh peregovorakh (1223–1224 gg.)]. 7 p. (in Russian) // URL: <http://deusvult.ru/89-rol-armyan-khalkidonitov.html> (Accessed: 07.12.2022).
6. *Kazhdan A.P.* Armenians as part of the ruling class of the Byzantine Empire in the 11th–12th centuries [Armyane v sostave gospodstvuyushchego klassa Vizantiyskoy imperii v XI–XII vv.]. Yerevan, 1975 (in Russian).
7. *Kobishchanov Yu.M.* Christianization of Middle and Upper Nubia [Khristianizatsiya Sredney i Verkhney Nubii] // Essays on the history of Christian civilizations. Volume I. From Origins to Arab Conquests [Ocherki istorii khristianskikh tsivilizatsiy. Tom I. Ot zarozhdeniya do

- arabskikh zavoevaniy]. Book 1. Moscow: ROSSPEN, 2019. P. 609–610 (in Russian).
8. *Meyendorff I.* The unity of the empire and the division of Christians. Church in 450–680 [Edinstvo imperii i razdeleniya khristian. Tserkov' v 450–680 godakh]. Moscow: PSTGU, 2012 (in Russian).
 9. *Panchenko K.A.* Alexandria Orthodox Church [Aleksandriyskaya Pravoslavnaya Tserkov'] // Orthodox Encyclopedia [Pravoslavnaya Entsiklopediya]. Volume 1. Moscow, 2007. P. 559–594 (in Russian).
 10. *Solovyova L.T.* Georgia in the 6th – first third of the 7th century [Gruziya v VI – pervoy treti VII v.] // Essays on the history of Christian civilizations. Volume I. From Origins to Arab Conquests [Ocherki istorii khristianskikh tsivilizatsiy. Tom I. Ot zarozhdeniya do arabskikh zavoevaniy]. Book 1. Moscow: ROSSPEN, 2019 (in Russian).
 11. *Uspenskiy F.I.* History of the Byzantine Empire [Istoriya Vizantiyskoy imperii]. Moscow: Astrel', 2002 (in Russian).
 12. *Dagron G.* Minorites ethniques et religieuses dans l'Orient byzantin a la fin du Xe et au XIe siecle: l'immigration syrienne [Ethnic and religious minorities in the Byzantine East at the end of the 10th and 11th centuries: Syrian immigration] // Travaux et Memoires [Works and Memoirs]. 1976. № 6.
 13. *Dauvillier J.* Byzantins d'Asie Centrale et d'Extrême-Orient au moyen âge [Byzantines of Central Asia and the Far East in the Middle Ages] // Revue des études byzantines [Review of Byzantine Studies]. 1953. Tome 11. P. 62–87.
 14. *Dédéyan G.* Les listes «féodales» du pseudo-Smbat [The «feudal» lists of the pseudo-Smbat] // Cahiers de civilisation médiévale [Notebooks of medieval civilization]. 1989. Vol. 32 (№ 125).
 15. *Le Quien M.* Oriens Christianus in Quatuor Patriarchatus Digestus. Tomus II [Eastern Christianity divided into four Patriarchates. Vol. 2]. Paris, 1740.
 16. *MacEvitt C.* The Crusades and the Christian world of the East. Rough tolerance. Philadelphia, 2008.
 17. *Moosa M.* The Maronites in history. Piscataway, 2005.
 18. *Murqus Ibn Qanbar* // The Claremont Coptic Encyclopedia. Macmillan, 1991. P. 1699a–1700b.
 19. *Nasrallah J.* L'église melkite en Iran, en Perse et dans l'Asie centrale [The Melkite Church in Iran, Persia and Central Asia]. Jérusalem, 1976.

20. *Parry K.* Byzantine-rite Christians (Melkites) in Central Asia in Late Antiquity and the Middle Ages / Ed. by Kefallinos E. // *Thinking Diversely: Hellenism and the Challenge of Globalization (Special Issue)*. Sydney, 2012. P. 91–108.
21. *Weltecke D.* On the Syriac Orthodox in the principality of Antioch during the Crusader period // *East and West in the Medieval Eastern Mediterranean. Antioch from the Byzantine reconquest until the end of the Crusader principality*. Leuven, 2006. P. 95–124.

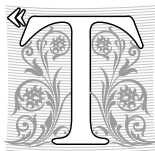

Ключевые слова:

Халкидонский раскол; миафиситы; Сирийская (Сиро-яковитская) церковь; Антиохийская церковь; мелькиты; крещение мусульман

Sergei P. Brun

The New Melkites: the Phenomenon of Miaphysite Conversion to Chalcedonian Orthodoxy in 10th–11th century Syria

The article is dedicated to the mass conversion of Syrian Miaphysites into Chalcedonian Orthodoxy, which took place in the 10th–11th centuries. This process was initiated by the secular and ecclesiastic authorities of Byzantium during the so-called 'Byzantine Reconquest', a series of campaigns during which the Empire reclaimed Cilicia and northern Syria, lost to the Arabs in the 7th century. During the period in question a significant part of the Syriac Miaphysite population converted into the «Melkite faith», with the conversion often taking place under the pressure of Byzantine punitive campaigns. The author provides a detailed analysis of the anti-Miaphysite campaigns in the eastern provinces of the Byzantine Empire, as well as of the precedents of Miaphysite conversion to the Chalcedonian fold (including the conversion of several hierarchs of the Syriac Church into Byzantine Orthodoxy). The article also proposes a new term «the New Melkites», which is aimed and singling out and signifying the baptized Muslims and converted Syriac Miaphysites, who joined the Antiochian Orthodox Church and the eastern dioceses of the Ecumenical Patriarchate during the Byzantine Reconquest (i.e. 10th–11th centuries).

Keywords: the Chalcedonian Schism; Miaphysites; Melkites; the Syriac Orthodox Church; the Antiochian Orthodox Church; baptism of Muslims

Sergei P. Brun — General Director of Novgorod State Museums, an Editorial Board Member of The Historical Reporter (Novgorod, Russia).
sbrun@mail.ru
SPIN-код: 6611-0835

Брюн Сергей Павлович

генеральный директор Новгородского государственного музея-заповедника,
член редакционного совета журнала «Исторический вестник»
sbrun@mail.ru
SPIN-код: 6611-0835

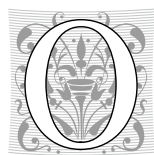

Исторический вестник. 2025. Т. LI
DOI: 10.35549/HR.2025.2025.51.008

Ф.А. Гуцин

«Короткая встреча»

Эпизод из истории сражения при Танненберге
в августе 1914 г.

Офицерские корпуса армий стран Антанты и центральных держав, вступивших в бой друг с другом летом 1914 г., были преимущественно кадровыми, имевшими в целом схожие традиции, воспитание и взгляды на военную службу. Нам представляется очень любопытным сравнение мировоззрения и профессиональных установок противников. Интересны их оценки друг друга, в особенности русских и немецких офицеров, по общему мнению, весьма сходные.

Среди обширного мемуарного наследия участников Первой мировой войны крайне редко можно встретить описание случайных встреч с офицером-врагом во время боевых действий вне непосредственного поля сражения. Особую ценность имеют воспоминания офицеров обеих армий-противников, оставивших изображение одной и той же встречи. Нам известно лишь несколько подобных записей (кавалергард Кочубей, Верховский, Рерберг и т. д.). Но все они относятся к 1915–1916 гг., когда война уже шла, победы и поражения создали репутацию обеим армиям в глазах врагов, да и всеобщее огрубление нравов не способствовало доброжелательному общению и желанию понять неприятеля, поэтому особенной ценностью в наших глазах обладают воспоминания двоих офицеров: русского капитана Павла Богдановича и германского оберлейтенанта Ханса Мартенса.

Судьба свела их в день капитуляции остатков центральных корпусов 2-й русской армии на поле сражения у Танненберга спустя все-

го месяц после начала войны. Мемуары Богдановича были написаны примерно в конце 1930-х и впоследствии переданы архиву Дома русского зарубежья имени Александра Солженицына¹, а «Воспоминания из моей солдатской жизни» Мартенса, подготовленные к печати в 1955–1956 гг., но так и не увидевшие свет, хранятся во Фрайбурге². Несмотря на то что обе рукописи написаны значительно позже августа 1914 г., между ними практически нет разночтений, что позволяет относиться с доверием к описанию мемуаристами фактической стороны событий.

К 1914 г. оба автора-офицера не были новичками в армии. Капитан Богданович, родившийся в 1883 г. в Одессе, по окончании Царицынской классической гимназии и Киевского военного училища в 1904 г. отправился служить в старейший полк русской армии — 13-й гренадерский Эриванский³ — и находился в нем до поступления в Академию Генерального штаба, которую окончил в 1911 г. по 1-му разряду.

Ханс Мартенс, который был на семь месяцев моложе Павла Богдановича, родился в интеллигентной восточногерманской семье небогатого управляющего крупным поместьем. Нигде в воспоминаниях Мартенс не говорит прямо о своем дворянском происхождении, что сближает его с Богдановичем, бывшим потомственным почетным гражданином, несмотря на это, служившим в двух лучших полках русской армии.

Рано лишившись отца⁴, Мартенс воспитывался энергичной и заботливой матерью, дочерью уважаемого в округе лесничего. Городом его детства был старинный Данциг, которому посвящены многие страницы воспоминаний и в котором автор окончил гимназию. В сентябре 1903 г. Мартенс поступил фанен-юнкером в 4-й (1-й Померанский) уланский полк фон Шмидта, стоявший в Торне, крупнейшем гарнизонном городе Восточной Германии. С апреля по декабрь 1904 г. Мартенс был в Данцигском военном училище, после чего вышел в свой полк фенрихом. В полку он прослужил девять лет на разных должностях, в том числе с ноября 1910 г. — полковым адъютантом, кем был ранее и Богданович в своем лейб-гренадерском Эриванском полку, так как с 1909 г. он уже

¹ ДРЗ имени А. Солженицына. Ф. 7. Оп. 6. Д. 1.

² ВА-МА. № 400/8.

³ Основан в 1642 году.

⁴ Отец же П.Н. Богдановича умер в 1915 г., когда его сын находился в плену.

учился в академии. Говоря о крепком товариществе в своем кавалерийском полку, имевшем всего 25 офицеров, Мартенс замечает:

«Обратной стороной столь тесного общения в повседневной жизни офицеров была неизбежная однобокость в воззрениях, так как не было свежих духовных запросов. В такой намеренной однородности офицерства заключалась, однако, и его сила, которая вполне оправдала себя готовностью к самопожертвованию в 1914–1918 годах»⁵.

Несмотря на то что Богданович был пехотинцем, он бы, вероятно, согласился с мнением своего немецкого коллеги, тем более что офицеры Эриванского и Преображенского полков, в которых он служил, имели очень развитое корпоративное сознание⁶. «Офицерский корпус моего старого полка комплектовался в основном сыновьями западно-прусских, позенских и померанских помещиков», — пишет Мартенс. Но обществу померанских улан по родовитости было далеко до эриванцев и преображенцев, в состав которых входила кавказская и общероссийская аристократия⁷. То, что не дворянин Богданович занял в своих полках достойное положение, безусловно, свидетельствует в его пользу. Нет сомнения, что Богданович мог бы повторить вслед за Мартенсом:

«Я же был убежден, что корпоративный дух и воспитание в моем полку оказали решающее влияние на становление моего характера и тем самым — на дальнейшую профессиональную жизнь»⁸.

Первые годы службы обоих офицеров пришлось на годы Русско-японской войны, когда Россия и Германия были если и не союзными странами, то во всяком случае доброжелательно настроенными по отношению друг к другу. Офицеры стоявших на границе гарнизонов без церемоний ездили друг к другу в гости. Мартенс вспоминает, что уланы наносили визиты русским пограничникам и фотографировались с ними. В 1950-е гг., после двух мировых войн, их 50-летней давности отношения с соседом представлялись бывшему улану такими:

«И хотя мы уже тогда смотрели друг на друга как на будущих врагов, все же корректное и товарищеское отношение с обеих сторон вос-

⁵ Полк Мартенса отлично проявил себя во время Первой мировой войны. В его рядах погибли 25 офицеров, 185 унтер-офицеров и улан.

⁶ Оба этих полка в 1914–1917 гг. сражались не менее достойно, чем померанские уланы: лейб-эриванцы потеряли убитыми 29 офицеров, а преображенцы — 42.

⁷ Уже обучаясь в Академии Генерального штаба, Мартенс в 1913 г., желая ближе познакомиться со службой и с атмосферой в гвардии, попросил направить его на стажировку в 1-й гвардейский полк полевой артиллерии. Таким образом, опыт гвардейской службы у Мартенса был гораздо меньше, чем у его русского коллеги.

⁸ Ibid. Bl. 65.

принималось как само собой разумеющееся. Ранее, когда еще не столь страстно подогревался панславизм, хранили воспоминания о русско-прусском боевом братстве времен Освободительной войны, они еще не потускнели, а офицеры приграничных полков вполне официально наносили друг другу визиты. При правлении Александра III стало совершенно иначе. Опасность русско-германского конфликта становилась все более осязаемой⁹.

Я же за девять лет моего торнского периода один-единственный раз видел посещение нашего казино двумя русскими офицерами. Это были ротмистр барон Розен — то есть балтийский немец — и ротмистр с русской фамилией, с которыми мы познакомились во время нашего выезда в русско-польские целебные грязи Цехоцинек и которых затем пригласили на скачки в Торн. Естественно, мы их стали угощать; потом были тосты за здоровье обоих «Высочайших Главнокомандующих», а русские разбили стаканы о стену, чтобы более никто не мог пить из кубка, из которого пили за здоровье царя. Была ли эта специфическая церемония уже после официального тоста или только в более веселый час, я уже не помню, но знаю, что мы тогда прекрасно понимали друг друга с обоими влоцлавскими уланами, которые были ветеранами Русско-японской войны, а ранее — в гвардии: элегантные и вполне светские люди. На улицах в Торне часто можно было видеть русских офицеров в мундирах, но без сабель; они ездили в город за покупками. Само собой, мы отдавали им честь. Германские же офицеры переезжали через границу очень редко; но я никогда не прошу себе, что не был в Варшаве, что — насколько я помню — вполне было обычным делом у офицеров нашего полка»¹⁰.

Кавказскому гренадеру Богдановичу, чей полк до войны стоял в урочище Манглиси, вряд ли доводилось до Первой мировой войны общаться с германскими офицерами, о чем нет и упоминания в его мемуарах. Любопытно, что у Мартенса не сложилась поездка на Кавказ именно тогда, когда там служил эриванец Богданович:

«В 1907 году капитан Штойер из 61-го полка, у которого я часто бывал, приглашал меня поехать с ним, его женой и еще двумя нашими офицерами-приятелями, которые так же, как и он, говорили по-русски, на Кавказ, чтобы провести там некоторое время в поместье гос-

⁹ В 1909 г. один из товарищей Мартенса, рассуждая о будущей войне, говорил: «Когда-нибудь кости наши будут блестеть на полях сражений под Москвой». Однако до Москвы он не дошел: в сентябре 1915 г. был убит под Сморгонью, командуя эскадроном.

¹⁰ Ibid. Bl. 31.

подина фон Кутченбаха. Я, естественно, загорелся этой идеей, однако мой командир, полковник Эме, был иного мнения. Всего несколькими месяцами ранее я потерял свою мать, мог теперь вполне свободно распоряжаться деньгами, так что Эме счел своим отеческим долгом позаботиться обо мне. На вопрос, как же я намерен финансировать поездку, я ответил, что возьму один или два векселя. Он заявил, что это — легкомыслие, и отказал мне в отпуске. С лучшими намерениями, но все же неверно. Векселей в обстановке инфляции я бы все равно не спас, а вот на одну прекрасную поездку в моей жизни стало меньше. А вот если бы я проиграл деньги или же “разбрасывался ими через плечо” в Берлине — вот тогда Эме и слова бы не сказал!»¹¹

Остается удивляться, что командир приграничного полка отказал в поездке в страну вероятного противника заинтересованному молодому офицеру, да еще и намеревавшемуся осуществить ее за свой счет.

Надо сказать, что мемуары улана наполнены рассказами о бесчисленных путешествиях как по Германии, так и по различным странам, включая Францию и Османскую империю. Особое предпочтение Мартенс отдавал морским круизам, о которых оставил великолепные воспоминания¹². Молодой кавалерист был прекрасным семьянином, не чуждым, как и положено, скачкам, теннису, театральным постановкам, поэзии и т. д. Этим он также был похож на своего русского коллегу: Богданович перед войной совершил путешествие по Турции, Греции, Малой Азии и Египту, отлично ориентировался в военной истории, обладал широким кругозором и занимался спортом. Однако, в отличие от сентиментального и, кажется, простодушного Мартенса, знавшие Богдановича лица отмечали его чрезвычайное честолюбие, стремление к первым ролям «при фактическом отсутствии талантов». Как нам кажется, многочисленные тексты, оставленные Богдановичем, и его жизненный путь не вполне подтверждают эту характеристику.

В 1910 г. Мартенс женился¹³ и стал готовиться к поступлению в военную академию, которая в Германии, как и в России, давала возможность

¹¹ Ibid.

¹² Особо сожалел кавалерист, любивший моря и океаны, что война не дала ему возможности пройти стажировку после академии на одном из кораблей флота Открытого моря.

¹³ Как следует из послужного списка П. Н. Богдановича, в январе 1914 г. он не был женат. После Первой мировой войны, будучи какое-то время в эмиграции в Нидерландах, он женился на «очень богатой голландке» и потому располагал весьма значительными денежными средствами.

небогатому, но способному и мотивированному молодому офицеру добиться успехов в службе и была обязательным этапом стремительной карьеры.

Первого октября 1912 г. лейтенант Мартенс, успешно сдавший вступительные экзамены, был откомандирован в академию: «Я отправился в монументальное, но поистине некрасивое красное кирпичное здание военной академии на Доротеен-штрассе, чтобы отметить прибытие». К тому времени штабс-капитан Богданович¹⁴, уже окончивший военную академию в Санкт-Петербурге, который вряд ли назвал бы ее здание некрасивым, командовал для ценза ротой в Преображенском полку.

Обучение Мартенса в академии сопровождалось весьма неординарными событиями:

«Случилась небольшая сенсация (в 1912 г. — Ф. Г.): отсутствовал лейтенант Дам. Он был арестован в России как шпион во время своей поездки в отпуск. Через несколько недель Дам объявился, бледный и исхудавший. Он сделал несколько зарисовок станций и мостов, а в его дневнике обнаружили заметки, показавшиеся подозрительными. Арестовали его явно лишь затем, чтобы обменять уже на настоящего и опасного русского шпиона, которого германская сторона освободила крайне неохотно. Естественно, Дам стал для нас героем дня; в 1945 году, русские его, директора фабрики в Тюрингии, забрали, с тех пор он пропал»¹⁵.

Даже на фоне весьма интенсивного темпа обучения в академии Мартенс находил время для посещения лекций по экономике и истории в Берлинском университете. Особо отмечал он в своих воспоминаниях, подобно многим другим мемуаристам эпохи, веселье и безмятежность предвоенного Берлина, ставшего оживленным и блестящим городом мирового значения. Вне всякого сомнения, Богданович мог бы сказать то же самое о довоенном элегантном Санкт-Петербурге, несмотря на то что в начале 1914 г. он был причислен к Генеральному штабу и отправился в 8-ю пехотную дивизию, расположенную в Варшавском военном округе. Можно констатировать, таким образом, что карьера Богдановича к лету 1914 г. развивалась успешнее, чем у Мартенса¹⁶. Будучи почти его ровесником, он существенно превосходил того по службе, занимая

¹⁴ В капитаны он был произведен 6 декабря 1913 г.

¹⁵ Ibid. Bl. 88.

¹⁶ Это объяснялось не столько разницей их заслуг, сколько более медленным темпом чиновного производства в германской армии.

высокий штабной пост, в то время как недавнему улану оставался еще год учебы в академии¹⁷. Однако и военная карьера Богдановича, и учебные планы Мартенса, как и тысяч их ровесников и современников, оказались сметены начавшейся Первой мировой войной.

Тридцать первого июля (нового стиля) 1914 г. в Германии было объявлено «положение, угрожающее войной». Мартенс оставил об этом периоде воспоминания, наполненные живым описанием типичных военных настроений, царивших в Берлине (причем для всех столиц стран — участниц войны). Знакомые недоучившегося генштабиста прощались с ним так: «До встречи в Москве!»¹⁸ Иностранцы покидали город, на улицах и в кафе царило большое патриотическое воодушевление.

Мобилизационным предписанием Мартенса было установлено, что в первый день мобилизации он должен был отправиться в 3-й резервный полк тяжелой конницы¹⁹, что кадровый офицер счел практически разжалованием. Как офицеру пограничного полка и учащемуся академии, ему было известно, что германское командование ожидает вторжения на территорию Восточной Пруссии крупных масс русской конницы непосредственно после объявления войны. Он, как и большинство его современников, не считал, что начавшаяся война продлится долго, однако необходимость вести оборону и отступать вглубь своей территории не добавляла оптимизма. Мартенс не пожалел негативных характеристик для своего полка: он называл его «прискорбным», сетовал на плохую выучку прибывших резервистов, а общий вид полка считал безрадостным. Первой боевой задачей Мартенса стала рекогносцировка вражеской территории в компании эскадронного командира, причем это мероприятие не было легкой прогулкой: мемуарист упоминает о гибели одного из патрулей в составе семи кавалеристов, павших в схватке с русской конницей, захватившей их врасплох в одной из усадеб. Впечатления первой недели войны в его памяти оказались более наглядными и стойкими, чем куда более серьезные события позднейшего времени. Особенно грустно было ему оттого, что приходилось сдавать широкую полосу германской территории, в чем кавалеристов

¹⁷ Начавшаяся вскоре Первая мировая война нанесла существенный урон академическому выпуску Мартенса. В воспоминаниях он отметил, что из 53 его сокурсников по академии 12 погибли в Первую, а 4 — во Вторую мировую войну. В то же время из 91 сокурсника Богдановича по выпуску 1911 г. в боях Первой мировой войны погиб лишь 1 офицер.

¹⁸ Увидеться им удалось лишь в Вильне в 1916 г.

¹⁹ Входил в состав 35-й резервной дивизии генерала фон Шметтау.

упрекали жители германских деревень, а им, по воспоминаниям Мартенса, было за это стыдно. Ярко описана пережитая Мартенсом паника в роте 107-го ландверного полка, получившей приказ выбить русских из деревни, однако смешавшейся от их огня и ставшей буквально «обезумевшей»²⁰. Не поддались панике лишь ротный командир и разъезд Мартенса. С трудом удалось восстановить порядок, отступить и «уныло дожидаться утра». Днем 24 августа Мартенс наблюдал длинную колонну русских, наступавшую с юга на Уздау. Это был левый фланг 2-й армии, прикрывавшийся 15-й кавалерийской дивизией. В общем, начало войны на Восточном фронте, с точки зрения немцев, защищавших Восточную Пруссию, выглядело весьма непривлекательным. Однако утром 25 августа Мартенс стал участником событий, ознаменовавших перелом операции в лучшую для немцев сторону. Вся местность вокруг станции Таутшкен была полна русской кавалерии, поэтому наблюдавший за ней Мартенс «лишился речи от изумления», когда увидел медленно двигавшийся локомотив, остановившийся на этой станции под огнем русской артиллерии. Из него вышел обер-лейтенант гвардейских стрелков фон Стефани, причисленный к Генеральному штабу и оказавшийся уполномоченным по железным дорогам штаба 8-й армии. Он, узнав местную обстановку, сообщил Мартенсу, что здесь будут выгружаться передовые части I армейского корпуса, прибывшие из-под Гумбиннена после неудачного сражения. Он же уведомил его о смене армейского командования. Сложно поверить, что Мартенс в действительности ощущал тогда то, о чем написал в мемуарах:

«Впечатление от всех этих новостей у меня было очень сильным. Сразу мне стало ясно, что теперь я нахожусь посреди кульминации мировой истории. Здесь же завязалось и решающее сражение. Мне показалось просто шедевром смелости командования перебросить отступивший армейский корпус по железной дороге за кавалерийской завесой вплотную к передовой»²¹.

Так или иначе, но Мартенс стал очевидцем начала формирования ударной группы правого крыла германских войск, которые вскоре смели левый фланг Самсоновской армии, что существенным образом отра-

²⁰ Двадцать седьмого августа Мартенс пережил «поистине страшные минуты», наблюдая поспешное отступление полков 2-й пехотной дивизии под русским огнем. Можно с уверенностью сказать, что отрицательных впечатлений к моменту капитуляции русских у него было гораздо больше, чем у Богдановича, чья дивизия наступала и сражалась весьма успешно, беря пленных и трофеи.

²¹ Ibid. Bl. 106.

зилось на судьбе ее центра, успешно наступавшего вглубь германской территории. В составе этой центральной группы корпусов находилась и 8-я дивизия с капитаном Богдановичем.

Во время вторжения в Восточную Пруссию Богданович состоял в должности старшего адъютанта штаба 8-й пехотной дивизии. Ее документы за период восточнопрусского похода практически не сохранились, а в тех, что остались и доступны, капитан Богданович не упоминается, но, несмотря на это, в автобиографии он называет себя «начальником штаба дивизии с мая 1914 года»²², а далее говорит о том, что после объявления войны произвел мобилизацию дивизии в Белянском лагере под Варшавой. До вступления на территорию врага русским штабам пришлось пережить немало неприятных моментов. Говоря о мобилизации своей дивизии, Богданович писал:

«В лагерь под Варшавой во время мобилизации 8-й пехотной дивизии приехал командир XV армейского корпуса генерал Мартос. Пишущему эти строки генерал сказал приблизительно следующее: “Я переживаю четвертую войну и никогда не видел подобной сумятицы и гонки; это не предвещает ничего хорошего, и у меня сложилось впечатление, что нам придется играть роль жертвы”»²³.

Несмотря на нервную атмосферу, мобилизация приграничных корпусов, по общему мнению, прошла неплохо, и 8-я дивизия в составе армии Самсонова выступила на войну, которая началась для нее практически сразу с интенсивных боев.

Перейдя в полдень 9/22 августа границу у Янова, 8-я дивизия к вечеру того же дня заняла г. Нейденбург, а на следующий день атаковала немецкие позиции у д. Орлау, которые и взяла после полудня 11/24 августа; 13/26 августа дивизией был с боем взят г. Хохенштейн. С 14/27 по 15/28 августа были упорные бои на линии Дребниц — Ваплиц, вечером 15/28 августа — ночной бой у Надрау, а на следующий день — у Ланы. В автобиографии Богданович пишет, что был контужен у Орлау, ранен у Надрау²⁴ и при выходе из окружения, а за бои у Хохенштейна и Надрау

²² В списках потерь 2-й армии отмечен убитый 17 августа начальник штаба 8-й дивизии полковник Л.И. Давыдов, значившийся начальником штаба дивизии с 22 июля 1914 г.

²³ *Богданович П.Н.* Вторжение в Восточную Пруссию в августе 1914 г. Буэнос-Айрес, 1964. С. 52.

²⁴ Еще в 1905 г. Богданович был в командировке для открытия ж/д пути Тифлис — Баку, где был ранен бомбой, а в 1906 г. отправился в Манглисский уезд для успокоения взбунтовавшихся селений, причем на обратном пути был ранен в ногу.

был представлен в штаб-офицеры. К сожалению, никакого объективного документального подтверждения эта информация не находит. Но, несмотря на это, можно констатировать, что к моменту встречи с Хансом Мартенсом молодой русский генштабист имел уже несколько ранений, боевой опыт и был причастен к управлению войсками в победных боях, что важно для понимания его психологического состояния в день капитуляции.

Двадцать восьмого августа вечером германские войска вернули себе Нейденбург, в котором за пять дней до того был капитан Богданович. В отбитом городе Мартенс остался ночевать с ротой гренадерского полка, а утром следующего дня, выполняя приказ, отправился в местечко Грюнфлис (в 8 км к северу от Нейденбурга), где должен был найти свой эскадрон. Однако там он его не обнаружил, предположив, что тот наступает на Вилленберг, отправился туда. Этот марш, по признанию Мартенса, стал одним из самых драматических моментов его жизни. Через дорогу, по которой двигался Мартенс, Наревская армия, зажата с трех сторон, пыталась прорваться на юг, в Россию. Среди частей, шедших на прорыв, были и полки 8-й дивизии, с которыми отступал Богданович. Между тем зримые признаки поражения русских были уже налицо. Так, если верить мемуарам Мартенса, ночь с 29 на 30 августа он провел в сарае в Венцковене, где якобы ночевал и плененный генерал-лейтенант Ключев, командующий XIII армейским корпусом, «с трудом сдерживающий слезы, но державшийся очень достойно». Мартенс не спускал с него «внимательных глаз», но «благодарение Господу, Ключев не сбежал» и его невольному конвоиру удалось хорошо поспать. Этот эпизод вызывает недоумение у знающего хронологию разгрома 2-й армии: видимо, Мартенса в этом случае подвела память, так как генерал Ключев попал в плен лишь в полдень следующего дня, о чем оставил подробные воспоминания капитан Богданович, очутившийся в плену тогда же²⁵.

Днем 30 августа Мартенс, переживший с утра несколько артналетов и участвовавший в отражении попыток прорыва окруженных русских войск, заметил, что враг начал сдавать и на окраинах леса стало появляться все больше белых платков. Вскоре потянулись длинные вереницы пленных с генералами во главе, шедшие на запад. По бокам дороги стояли бесчисленные обозы и парки. Подъехав к перекрестку дорог в Рой-

²⁵ За полутора суток до Ключева в плен попал генерал Н.Н. Марто́с, поэтому в этом случае речь может идти о нем, несмотря на то что и в мемуарах, и в полковой истории Мартенс уверенно называет именно командира XIII корпуса.

швердере, Мартенс увидел гигантскую толпу пленных (по версии Рейхс-архива — до 17 тыс. человек).

Капитан Богданович подробно описал события, предшествовавшие его попаданию в плен. В ночь с 29 на 30 августа он потерял в лесу своего начальника дивизии, когда они оба пытались сформировать группы для прорыва из окружения. Больше им уже никогда не довелось встретиться. На рассвете, после боя, Богданович собрал около двух рот с полубатареей и вышел на дорогу, по которой тянулись части XIII корпуса. От них он узнал, что их командир находится впереди (по свидетельству Мартенса, он в этот момент уже находился в амбаре с. Венцковен). Атмосфера вокруг была довольно мрачной:

«Кругом стоял грохот артиллерийской и ружейной стрельбы, гул человеческих голосов, взад и вперед носились одиночные всадники, за которыми тяжело скакали брошенные обозные лошади, и повсюду — море разбитых повозок и фур...»²⁶

После бесплодных попыток образумить нестроевых запасных Богданович решил проехать вперед, к Ключеву, чтобы узнать, что делается и предполагается делать. Проезжая к штабу XIII корпуса, он заметил неподалеку готовую к стрельбе немецкую конную батарею и надвигающуюся шагом кавалерию.

На поляне в середине толпы из 3–4 тыс. человек без оружия, сапог и фуражек реял флаг корпусного командира. Находившийся там генерал Ключев громким голосом сообщил, что дальнейшее сопротивление он находит невозможным и во избежание бесполезного кровопролития приказывает сдаться. Желаящие пробиваться индивидуальным порядком могли это делать. Затем он отправил к немцам ротмистра с трубачом и белым флагом... Было около 15 ч. (по санкт-петербургскому времени. — Ф. Г.).

Последующие события удобно описывать при помощи синхронного цитирования мемуаров Мартенса и Богдановича с добавлением фрагментов написанной Мартенсом полковой истории²⁷ и с нашими краткими комментариями.

Б.: «Всех направили в район ж/д станции Ройшвердер. Генералов и офицеров поместили в доме, где немецкий офицер предложил им вино и пиво; все от этого отказались, некоторые попросили воды». (За-

²⁶ Богданович. Указ. соч. С. 242.

²⁷ Martens H. Kurzer Überblick über die Geschichte des Schweren Reserve-Reiter-Regiments Nr. 3. O. o., 1930.

метим, что и от идеи пробиваться индивидуальным порядком помещенные в этой школе также отказались. — Ф. Г.)

М.: «В школе (в Ройшвердере. — Ф. Г.) были надежно размещены сотни генералов, офицеров Генштаба и адъютантов высших штабов, большинство из них были элегантно одеты, в узких высоких лаковых сапогах и с орденами на груди. Охраняли эту массу две роты 43-го пехотного полка²⁸. Я доложил их командиру, гауптману Грюну, предоставив себя и моих всадников в его распоряжение... Грюн тут же нашел мне задание: в нескольких километрах к северу стояли русские батареи, которые я должен был доставить. Я быстро собрал около 40 всадников, которые, как и я, не могли найти свои части (драгуны, уланы, конные егеря, кирасиры; потом они заставили выехать 12 упряжек с русскими возницами), и взял из школы одного капитана Генштаба в качестве переводчика. Он представился мне по всей форме, отдал честь: “Капитан Богданов”».

Б.: «Через некоторое время в нашу комнату вошел немецкий офицер и предложил одному из офицеров Генерального штаба следовать за ним. Генерал Пестич, который сидел за столом с Ключевым и началь-

²⁸ Нельзя пройти мимо такого наглядного описания того волевого паралича, который охватил командование и офицеров двух разгромленных русских корпусов. Несколько генералов и сотни офицеров, запертые в ройшвердерской школе, безусловно, понимали, что их охраняют всего две роты измотанных немцев, однако никто из пленных и не подумал организовать сопротивление и попытаться освободиться, используя тысячи солдат, находившихся вокруг. Многие из генералов и офицеров имели солидный боевой опыт прежних войн; за неделю, проведенную в Восточной Пруссии, они одерживали победы, захватывали трофеи и пленных. Однако в решающий момент по каким-то причинам силы воли на организацию прорыва у них не нашлось. Чем можно это объяснить? Ощущением безусловного превосходства немцев — сродни таковому же у чинов 3-й Тихоокеанской эскадры перед японцами в последний день Цусимского сражения? Вряд ли, так как тактические победы русских войск над немцами, безусловно, имели место, чем русские моряки похвастаться не могли. Возможно, кто-то испытывал смертельную усталость; к примеру, генерал Ключев, по его словам, не спал подряд несколько ночей. Иные из пленных могли предполагать, что плен не продлится долго, так как придет подмога, что можно будет избежать плена, дав честное слово не участвовать в боевых действиях, или что война скоро закончится (по примеру Русско-японской войны 1904–1905 гг.). Разумеется, все эти мотивы не могут исчерпывающе объяснить похожее поведение тысяч кадровых офицеров... Заметим, что совокупность отрицательных впечатлений, полученных за ту же неделю германскими офицерами, в том числе Грюном и Мартенсом, не привела ни к капитуляции двух рот перед шедшими на прорыв русскими, ни к простому бегству перед ними. Возможно, кажущаяся пассивность пленных офицеров объяснялась и тем, что, сдавшись по приказу старшего начальника (генерала Ключева), они приобрели новый юридический статус «военнопленных» и не имели права бежать, нарушая этим правила и обычаи войны. Похожим образом вели себя германские офицеры 59-го пехотного полка, попавшие в плен под Ваплицем 15/28 августа 1914 г.

ником 1-й пехотной дивизии Угрюмовым, дал мне знак как, думаю, находившемся ближе других к выходу. Мы вышли с немцем во двор, где была группа спешенных кавалеристов в 10–12 человек, во главе которой был худощавый, среднего роста²⁹ обер-лейтенант (потом оказалось — прикомандированный к Генеральному штабу)³⁰. Он начал что-то быстро, волнуясь, говорить по-немецки; я ему ответил, что почти не знаю языка. Тогда он спросил, не говорю ли я по-французски; я ответил утвердительно».

М.: «Мы кое-как объяснились по-французски, я просил его разъяснить возницам задачу и передать им мои приказы. Кроме того, его долгом было позаботиться о прекращении огня, если вдруг по нам вздумают стрелять. Если же я замечу, что он делает как раз обратное, то он будет первым, кто погибнет; при этом я показал на свой пистолет, а он с улыбкой ушел».

Полковая история: «В Ройшвердере набралась целая толпа всадников из разных полков: 8-го уланского, 10-го конноегерского, 10-го и 11-го драгунских. Встретил меня там и лейтенант Блум с несколькими всадниками из 1-го эскадрона 3-го резервного полка тяжелой кавалерии. Он присоединился ко мне, и мы набрали всех, кто был верхом. Вскоре получилось около 30 человек. Затем я вызвал капитана русского Генштаба — Богданова (мы представились друг другу по всей форме) — сопровождать меня, сообщил ему свое задание и объяснил, что в его задачу входит в случае атаки со стороны русских остановить ее, указав на общую обстановку, при этом я вытащил свой многозарядный пистолет, сказав, что он будет первым, кого убьют, если он будет призывать русских к боевым действиям. Он понял, попросив лишь, чтобы мы говорили по-французски, так как он не знал немецкого, а я — русского».

Б.: «Он (Мартенс. — Ф. Г.) мне сказал приблизительно следующее. Командующий русской армией отдал приказ о сдаче, между тем отдельные русские группы продолжают сопротивление, а это ведет только к излишнему и бесполезному кровопролитию, поэтому он, как старший

²⁹ Ханс Мартенс имел довольно субтильное телосложение. Он вспоминал, что однажды, уже во время революции в 1918 г., его жена смеялась, увидев его в штатском платье, окруженного грозными фигурами в стальных шлемах и с ручными гранатами за поясом. Ей показалось, что он выглядел в этой ситуации как пойманный мелкий мошенник.

³⁰ Удивительно, но в подробных мемуарах Мартенс ни словом не обмолвился о том, когда им был получен чин обер-лейтенанта. Да и к Генштабу, судя по воспоминаниям, он был причислен («попал в Большую будку») лишь летом 1916 г.

в секторе³¹, предлагает мне ехать с ним и сообщить сопротивляющимся, что сдача состоялась. Я безо всякого колебания немедленно согласился; чудовищный кошмар всего произошедшего начал рассеиваться, вернулась способность спокойно рассуждать. В немецком предложении, продиктованном паникой, я увидел неожиданно появившийся шанс присоединиться к одной из наших сопротивлявшихся групп и пробиться с нею. Наступление генерала Душкевича на Нейденбург стало сказываться, верхи нервничают до потери чувства реальности».

М.: «Мы поехали во главе кавалькады и рысили к северу через невысокие заросли. Пришлось ехать примерно 20 мин, а потом мы действительно наткнулись на брошенные людьми и лошадьми батареи. Капитан Богданов с величайшей энергией подгонял возниц, чтобы они запрягли, так как ему эта ситуация явно была очень неприятна. Все действовали замечательно. Потом прибыли и другие упряжки, посланные нам вслед Грюном. Как только одно орудие оказывалось в передках, оно выезжало назад в сопровождении нескольких всадников. За последним отправились Богданов и я».

Полковая история: «Богданов попросил, чтобы ему позволили ехать на его лошади. Так как он, несмотря на долгие поиски, ее так и не нашел, то пришлось ему взять другую».

Б.: «Я попросил найти моего коня, который остался в видимой с нашего места группе лошадей; немцы сделали вид, что найти его нельзя было, и привели мне лошадь, еле стоявшую на ногах. Я сел в седло; левый повод взял один из немцев, другой немец поместился сзади меня с револьвером наготове, обер-лейтенант заявил, что при малейшей попытке к бегству меня застрелят на месте. Обер-лейтенантский французский язык можно было еще понять, остальные говорили что-то очень сложное. Справа от меня поместился автор любезного заявления, а впереди пошел или младший офицер, или вольноопределяющийся (вероятно, лейтенант резерва Блюм. — Ф. Г.); обер-лейтенант еще поспешил сделать дополнительное заявление: если по нашей группе русские откроют огонь, я буду немедленно застрелен; я принял и это фантастическое по своей логике заявление. Протестовать против такой своеобразной сентиментальности и трогательной предосторожности не было расчета, потому что немцы, потерявши голову, были взвинчены до крайности. Хотелось только как можно скорее приблизиться к какому-нибудь центру

³¹ Странно, что Мартенс назвал себя таковым. Судя по чину, в Ройшвердере им был гауптман Грюн.

сопротивления: там была бы некоторая сила, а я дал бы ей недостающую ориентировку. К югу от железной дороги в этом районе я ничего, кроме жидких немецких цепей, не видел. Мы двинулись к рощу влево, откуда слышались оживленные выстрелы. Мои немцы чувствовали себя довольно кисло, с тревогой посматривая на рощу, а потом приостановились. Я начал настаивать на том, чтобы мне ехать в рощу и переговорить там со старшим. Думаю, моя настойчивость испортила дело: в сторону, в обход рощи, были высланы два кавалериста, которые, скоро вернувшись, доложили, что сопротивление прекращается (стрельба действительно стала утихать). Тогда немцы сказали, что надо ехать к следующему очагу сопротивления; вместо этого, вскоре наткнувшись на наши брошенные орудия, с помощью вышедших из кустов и русских, и немецких солдат они занялись вывозом орудий на ближайшую дорогу, с которой немецкий артиллерист начал переправлять их дальше. Здесь один из немцев ударил нашего солдата прикладом. Я обратился к обер-лейтенанту с протестом. Он очень резко разнес своего солдата, выразил мне свое сожаление, объяснил все повышенной нервностью и тем, что солдаты не понимают друг друга, просил меня объяснить нашим (их было 5–6 человек), что от них требуется, говоря, что таких случаев больше не повторится³². Я сказал нашим, чтобы скорее помогли немцам выкатить орудия на дорогу. Я तोпились, так как на эту ненужную операцию выкатывания нескольких орудий на дорогу смотрел как на предлог к оттяжке времени; с запада же шел гул серьезного боя. Я снова напомнил обер-лейтенанту о “напрасном кровопролитии”, тем более что орудиями всецело занялся командир немецкой батареи, который успел вызвать запряжки. Здесь я убедился, что мои настояния определенно стали подозрительными; немцы стали шептаться, и мы направились следом за уходившими орудиями на... восток. Все чаще стали попадаться немецкие патрули и команды, мое настроение упало до уровня отчаяния: мы больше и больше удалялись от очагов сопротивления... Немцы одумались и пришли в себя. Роли переменялись: теперь к немцам вернулась способность спокойно рассуждать».

Полковая история: «Гауптман Грюн дал нам несколько русских упряжек и возниц, и наша кавалькада устремила по песчаной дороге к сосновому бору на севере. Мы проехали, должно быть, четверть часа, когда увидели русскую батарею с повозкой с боеприпасами, без лошадей, дышлами к югу, стоящую на дороге. Очевидно, прислуга и возница искали спасения в бегстве; мой друг Богданович приказал запрягать,

³² В воспоминаниях Мартенса этот эпизод отсутствует.

и затем мы отправили одно за другим орудие при двух всадниках в Ройшвердер, откуда капитан Грюн высылал нам следующие повозки.

Прямо за передней батареей мы наткнулись на колонну артиллерии и обозов. В лесу еще крутились русские пехотинцы и всадники. Однако крупных сомкнутых формирований уже не было видно. Несмотря на это, в невысоких соснах было очень неудобно, так как вокруг нас постоянно потрескивало. Богданович был не в особенно хорошем настроении, потому что он постоянно энергично подгонял своих артиллеристов. Когда у нас осталось два всадника, он, Блум и я, а за нами — последнее запряженное орудие поехали назад в Ройшвердер. Мы вынуждены были бросить бесчисленное множество повозок и орудий. Их собрали позже».

М.: «Прямо перед Ройшвердером я поблагодарил его (Богдановича. — Ф. Г.) за действительную помощь; он ответил, что, к сожалению, должен был сдать свою саблю, вверенную ему царем, иначе он обязательно отдал бы ее мне в память о нашей маленькой экспедиции, так как у меня она была бы в хороших руках. Я ответил, что ценю такую честь, так что охотно принял бы саблю. Он хотел посмотреть, не найдет ли ее в груди трофеев. Это не получилось сделать, так что он передал мне другой наградной клинок с маленьким эмалевым крестом. Когда русские заняли в 1945 году Целендорф, мне пришлось сдать этот трофей вместе с пистолетом с еще дульной зарядкой моего дедушки и моей старой кавалеристской саблей. Эта маленькая история вообще характерна для представлений в старом, кайзеровском, офицерском корпусе. Для нас пленный офицер, само собой, более “врагом” не являлся — он был благородным кавалером и товарищем. Когда я доложил Грюну о выполненном задании, он был явно на нервах, затем отвел меня в сторону и тихо сказал: “Положение очень серьезное. Русские взяли с юга Нейденбург и наступают сюда”. Затем галопом примчался пехотный офицер и взволнованно доложил, что русские уже в Пухалловене, то есть всего в 4 км».

Б.: «Обер-лейтенант участливо и любезно вел разговор³³, рассказывал о службе, семье и своем городе — Гамбурге³⁴; беспокоился о том,

³³ Заметим, что «участливому и любезному разговору» не помешали некоторые анти-русские настроения, которые могли уже овладеть Мартенсом, получившим свежие впечатления по этому поводу. В воспоминаниях он писал: «Потом мы двинулись через деревни и поместья, где уже побывали русские войска, и были потрясены тем, как там все выглядело, и все же как это все было безобидно по сравнению с теми опустошениями, что довелось пережить во Вторую мировую войну». Ibid. Bl. 106.

³⁴ Родным городом Мартенса был Данциг, однако он много раз до войны бывал в Гамбурге, так что немало страниц его воспоминаний посвящено достопримечательностям и этого города.

что у меня нет ничего, кроме кителя, и отдал распоряжение найти мою двуколку; патруль отправился ее искать. Через час он вернулся, конечно, ни с чем; легче было бы найти иголку в стоге сена, чем мою двуколку в море разбитых обозов! Мой собеседник обещал с утра продолжать искать мою двуколку и переправить мои вещи в лагерь военнопленных; в случае нужды в чем-либо в лагере он дал мне адрес своей жены, которая вышлет все необходимое³⁵. В двуколке должны были находиться моя пашка и мой военный дневник с документами; под Надрау 15/28 августа вечером мне разбило пулей ножны, и я отправил с раненым казаком конвойной полусотни пашку в обоз, к моему денщику. Я сказал оберлейтенанту, что если в вещах найдется моя пашка, то пусть он ее возьмет себе. Он сейчас же пообещал, что после войны обязательно вернет пашку мне³⁶.

В сумерках мы подошли к дому, где раньше находился Ключев. Мы распрощались, и с тех пор я ничего и никогда не слышал от этого немецкого офицера, как и не видел своих вещей. Ночью нас погрузили в камионы и отвезли на станцию железной дороги, а днем мы были в лагере военнопленных в Нейссе, где уже находился генерал Ключев со своим штабом».

Полковая история: «На обратном пути Богданов попросил меня принять его уже отобранное почетное оружие, саблю, полученную от царя за отличие на прекрасно выдержанном им экзамене, принять на память, так как тогда она будет в хороших руках. Я заверил его, что могу оценить его просьбу по достоинству и отнесусь к сабле с почтением. К сожалению, в горах отобранного оружия мы ее потом не нашли, я должен был удовольствоваться другой, очень хорошей, саблей, где были выгравированы имя царя и крест Владимира. Капитан Грюн принял нас в явно очень нервном настроении, сказав мне, что я должен быстро отпустить моих русских, а затем сообщив с глазу на глаз, что обстановка полностью поменялась: у Нейденбурга полным ходом идет очень сильная атака свежих сил русских с юга. Канонада, доносившаяся с запада, заставляла поверить в это. Итак, этот новый противник сделал попытку разорвать снаружи кольцо вокруг окруженных русских корпусов. Если это удастся, мы в кратчайшее время должны были бы стать пленными наших пленных. Положение казалось поистине очень критическим, так как для боя у нас почти что никого не было; двух наших рот как раз

³⁵ Жена Мартенса в это время находилась в г. Ханенклее (Нижняя Саксония).

³⁶ И ни слова о каком-то другом клинке, переданном в подарок Мартенсу.

хватало только на то, чтобы на непросматриваемой местности сторожить 17 тыс. наших пленных — столько их было, как позднее установили (см.: Рейхсархив. Т. 2. С. 228). Мы были напряжены до предела, когда с запада по шоссе прискакал к нам галопом на кобыле, покрытой пеной, офицер для поручений; шлем на затылке, без дыхания, как вестник при Марафоне, он крикнул: “Русские уже в Пухалловене!”

“Сердечно поздравляю, — подумал я себе. — В Сибирь”. Так как они могли быть тут уже через полчаса...»

Однако никакого чуда не произошло, и малочисленным германским войскам, охранявшим русских пленных в Ройшвердере, в том числе обер-лейтенанту Мартенсу, не пришлось ехать в Сибирь, а вот капитан Богданович отправился в лагерь для военнопленных, расположенный в замке Нейссе. Потом ему пришлось побывать в Крефельде, Шваренштедте, Фридберге, пережить трехмесячное заключение в крепости Глац. Лишь в 1918 г. Богданович убежал из лагеря Гютерсло в Нидерланды, где поступил в распоряжение русского военного агента. От непосредственного участия в Гражданской войне Богданович, видимо, уклонился³⁷, но в 1922 г. он был произведен генералом Врангелем в полковники³⁸. Вплоть до конца 1929 г. Богданович находился в дружеских отношениях с генералом Кутеповым и имел самое непосредственное отношение к деятельности его боевой организации³⁹. В 1938 г. он сотрудничал с генералом Бискупским, организовывал русскую молодежь в Германии, работал в «Парижском вестнике» в период оккупации Франции, а после разгрома Германии уехал в Аргентину.

³⁷ Нельзя сказать, что это было типично для вернувшихся из плена. Упомянутые выше генералы: Н.Н. Мартос, Н.А. Клюев и Е.Ф. Пестич, — как и многие другие офицеры, просидевшие по 3,5 года в плену, искали возможности принять участие в Гражданской войне, причем почти всегда на довольно скромных должностях, как не имевшие современного боевого опыта.

³⁸ В эмиграции многие считали это производство «совершенно незаконным» // РВЭ. Т. 6. С. 255.

³⁹ В агентурном сообщении Парижской резидентуры ИНО ОГПУ от 29 января 1926 г., составленном на основании заслуживающих большого доверия сведений, он был назван «душой организации Кутепова» // РВЭ. Т. 6. С. 255. Странно, что ведущее положение в боевой организации занимал офицер, практически не воевавший, при наличии значительного числа гораздо более опытных ровесников.

Ханс Мартенс практически всю войну провел на строевых и штабных должностях в частях на Восточном фронте, хотя ему довелось побывать и во Франции, закончить войну на Балканах, после чего еще и повоевать со спартаковцами. Благодаря знакомству с одним из старших чинов рейхсвера Мартенсу удалось вступить в эту весьма элитную вооруженную структуру послевоенной Германии. Однако в 1922 г. он решил порвать с армией, ушел в отставку в чине майора и поступил в энергетическую компанию, где прослужил долгие годы. Он пережил жену и одного из сыновей, погибшего во Вторую мировую войну.

В 1930 г. Мартенс, бывший довольно активным членом своего полкового объединения⁴⁰, написал и издал полковую историю, в которой подробно описал свою встречу с капитаном Богдановичем. Почему-то лишь спустя 10 лет в адрес Богдановича прозвучали обвинения, на которые он незамедлительно отреагировал, направив 26 марта 1939 г. соответствующий рапорт председателю районного правления Общества офицеров Генерального штаба:

«В архиве исторической комиссии 3-й гвардейской пехотной дивизии имеется перевод из дневника 3-го резервного конного полка германской армии.

На основании этого перевода, к тому же произвольно деформированного, допускается (неясно, где именно; вероятно, в русской печати во Франции. — Ф. Г.) оскорбительная для моего доброго имени квалификация моего поведения 17/30 августа 1914 года.

В этот день, как и раньше, я действовал в качестве офицера русского Генерального штаба.

На основании вышеизложенного имею честь просить распоряжения Вашего Превосходительства о рассмотрении моего поведения 17/30 августа 1914 года судом чести районного правления Общества офицеров Генерального штаба во Франции»⁴¹.

К сожалению, неизвестно, какие именно материалы и чьи свидетельства изучал суд чести, в чем и кто обвинял Богдановича, но 17 апреля 1939 г. по делу было вынесено оправдательное постановление суда чести офицеров Генерального штаба во Франции:

⁴⁰ Богданович также активно участвовал в деятельности Эриванского и Преображенского полковых объединений в эмиграции, и никто из их членов, насколько нам известно, не ставил ему в упрек сдачу в плен и уклонение от участия в Гражданской войне.

⁴¹ ДРЗ имени А. Солженицына. Ф. 7. Оп. 6. Д. 1. Л. 7.

«Ознакомившись с имеющимися документами и письменными показаниями о поведении полковника Богдановича 17/30 августа 1914 года, в один из последних дней операции 2-й армии генерала Самсонова, суд не нашел в действиях полковника Богдановича ничего предосудительного»⁴².

Как было сказано выше, Богдановичу с Мартенсом после 30 августа 1914 г. встретиться не довелось, однако всю их дальнейшую жизнь Танненберг и то, что было с ним связано, не забывались и оставались вполне актуальными для обоих офицеров.

«После чудовищных последствий Второй мировой войны молодому поколению просто нельзя представить себе, что тогда значил для нас Танненберг», — написал Мартенс в 1955 г., посетив в межвоенный период мемориал на поле сражения (уничтоженный в 1945 г.).

Не менее эмоционально вспоминал сражение в письме боевому товарищу, написанном в 1939 г., и Богданович: «Понимаю Вас, что Вам тяжело вспоминать те жуткие дни. Я сам за этой работой (подготовкой мемуаров. — Ф. Г.) раздергал себе нервы: это рана, которая никогда не заживет»⁴³.

Остается лишь отметить, что и немецкий обер-лейтенант, и его русский коллега капитан достойно проявили себя в трагической ситуации, во многом благодаря тем полковым традициям и похожему воинскому воспитанию, которые летом 1914 г. не являлись экзотикой, но, за редким исключением, уже не встречались на полях сражения следующей мировой войны.

⁴² Там же.

⁴³ Там же. Л. 75.

References

1. Dom Russkogo Zarubezh'ja imeni A. Solzhenicyna. F.7. Op.6. D. 1.
2. *Tornau S.A.* S rodnym polkom (1914–1917 gg.). Berlin: [b. i.], 1923.
3. Lejb-Jerivancy v Velikoj vojne. Materialy dlja istorii polka v obrabotke polkovoju istoricheskoju komissii. Paris, 1959.
4. *Bogdanovich P.N.* «Vtorzhenie v Vostochnuju Prussiju v avguste 1914» [The Invasion of the Eastern Prussia in August 1914]. Buenos-Aires. 1964.
5. *Martens H.* Kurzer Überblick über die Geschichte des Schweren Reserve-Reiter-Regiments Nr. 3. O. o., 1930.
6. Russkaja voennaja jemigracija 20-40 godov XX veka. Dokumenty i materialy. Tom 6. [Russian Military Migrants of the 20th Century 20s–40s. Document and Materials. Vol 6] Shvatka. Moscow. 2013.

Ключевые слова:

кайзеровская армия; Померанский уланский полк; академия генерального штаба; наступление русской армии в Восточную Пруссию; сражение при Танненберге; русская военная эмиграция; г. Данциг

Fedor A. Gushchin

«Short Meeting». An Episode from the History of the Battle of Tannenberg in August 1914

The article is based on the memoirs of two officers - Hauptmann H. Martens and Captain P.N. Bogdanovich, who met at the moment of the surrender of the remnants of the central corps of the 2nd Russian Army of cavalry general A.V. Samsonov on the last day of the Battle of Tannenberg (East Prussia).

Based on unpublished archival sources stored in the Federal Military Archive (Freiburg) and the A. Solzhenitsyn House of Russian Abroad (Moscow), as well as little-known literature, the life paths of both officers, their combat biographies and details of participation in the key battle of the 1914 campaign on the Russian front of the First World War.

Keywords: Kaiser's Army, Pomeranian Uhlan Regiment, General Staff Academy, Russian Army Offensive in East Prussia, Battle of Tannenberg, Russian Military Emigration, Danzig

Fedor A. Gushchin – C.Sc. (History), Lawyer (Moscow, Russia).
Adv-fedora@bk.ru

Гушин Федор Александрович

кандидат исторических наук, адвокат (Москва, Россия)

Adv-fedora@bk.ru

Российская геополитика в отражении исторической литературы 1960–1990-х гг.

**Рецензия на монографию Г.Н. Ланского
«Россиеведение и геополитика. Российская империя
второй половины XIX — начала XX в. в концепциях
североамериканской, западноевропейской
и отечественной историографии 1960–1990-х годов»
(М.: РГГУ, 2024. 258 с.)¹**

 ецензируемая новая монография известного отечественного историка Григория Николаевича Ланского посвящена многолетнему заведующему кафедрой вспомогательных исторических дисциплин, позднее кафедрой источниковедения и вспомогательных исторических дисциплин Историко-архивного института Российского государственного гуманитарного университета (РГГУ), заслуженному профессору Российского государственного гуманитарного университета Виктору Александровичу Муравьеву. Один из авторов настоящей рецензии в 1990–2000-х гг. регулярно встречался с профессором В.А. Муравьевым на конференциях, заседаниях докторских советов, приезжал к нему на консультации по вопросам методологии истории и источниковедения на кафедру на Никольской улице в самом центре Москвы и прекрасно помнит то уважение, которое вызывал Виктор Александрович у отечественных историков своими глубокими знаниями и новаторскими работами. Ввиду вышеизложенного само персональное посвящение монографии Г.Н. Ланского сразу устанавливает высокую научную планку для рецензируемого исследования.

Актуальность темы осуществленного Г.Н. Ланским исследования является очевидной как с теоретической, так и практической точки зрения. С одной стороны, в нем осуществлено обобщение концеп-

¹ Работа выполнена при поддержке проекта ЯрГУ VIP-018.

туальных подходов зарубежных и отечественных исследователей к изучению значительного по времени и насыщенного многими событиями периода истории Российского государства и общества. С другой стороны, на основании конкретных примеров показано влияние геополитических факторов и доктринальных установок на содержание историографических источников.

Стоит согласиться с утверждением Г.Н. Ланского по поводу значения исследуемого предмета: «Геополитическая деятельность, понимаемая в широком смысле как целенаправленно осуществляемый различными акторами процесс освоения различных пространственных объектов и последующего управления ими, имеет многочисленные формы и виды реализации. В современном теоретико-методологическом понимании данного объекта разделяются геополитика войны и мира, а следовательно, конфронтационных и – напротив – содружественных, интеграционных отношений между людьми, социальными общностями, а также институтами общества, интересы которых данные субъекты представляют» (Ланской Г.Н. Указ. соч. С. 7).

При наличии достаточно значительного количества описаний содержания работ зарубежных авторов и тем более отечественных исследователей по истории Российской империи второй половины XIX и начала XX в.² автору рукописи удалось выбрать собственный ракурс исследования историографических источников. Он заключается в проведении сравнительного анализа данных произведений о конкретных событиях, осуществленного по предметно-тематическому принципу. Выбор данного методологического подхода позволил не только по-новому представить содержание и значение работ, с одной стороны, североамериканских и западноевропейских исследователей, но и, с другой стороны, определить комплекс проблем отечественной истории рассматриваемого периода, вызывавших интерес и творческую мотивацию у многих авторов.

² Зырянов П.Н., Шелохаев В.В. Первая русская революция в американской и английской зарубежной историографии. М., 1976. 284 с.; Поткина И.В. Индустриальное развитие дореволюционной России. Концепции, проблемы, дискуссии в английской и американской историографии. М., 1994. 231 с.; Нарочницкая Н.А. Россия и русские в мировой истории. М., 2005; 536 с.; она же. Россия и русские в современном мире. М., 2009. 416 с.; и др.

Структура работы имеет внутренне сбалансированный характер и позволяет решить задачи, поставленные в монографии. В предисловии, заключении и первой главе представлено изложение теоретико-методологических аспектов проведенного исследования, отражено отношение к ним автора и объяснена выбранная им исследовательская концепция. В предисловии Г.Н. Ланской справедливо констатирует, что «до конца 1980-х гг. в отечественной историографии признавалось непродуктивным и даже лишенным практического смысла сопоставление текстов в области социальных и гуманитарных наук.

Причиной такой ситуации была априорная констатация того, что эти исследовательские работы созданы на основании отличающихся друг от друга положений антимарксистской («западно-капиталистической») и обобщавшейся в единый типологический комплекс марксистско-ленинской («социалистической») историографии. В 1990-е гг. в России под влиянием достаточно широко распространившихся в профессиональном сообществе историков представлений о произошедшем окончании холодной войны популярность приобрел тезис о естественности конвергенции научных взглядов в мировое историографическое наследие на основе сходных либерально-демократических установок» (Ланской Г.Н. Указ. соч. С. 10–11).

Другая часть работы, представленная в главах со второй по пятую, содержит последовательное сравнительное исследование положений и выводов североамериканских, западноевропейских, советских и российских исследователей о конкретных событиях и явлениях истории Российской империи. Не вызывает сомнения выделение в качестве самостоятельного этапа в отечественной истории периода второй половины XIX — начала XX в., ограничиваемого, «согласно сложившейся в отечественной, североамериканской и западноевропейской историографии традиции, с двух сторон событиями Крымской войны 1853–1856 гг. и второй российской революции», и констатация того факта, что изучение данной фазы «занимает в россиеведении центральное, в существенной мере системообразующее положение» (Ланской Г.Н. Указ. соч. С. 14). Вместе с тем новым словом в историографии является указание Г.Н. Ланского, что эта периодизация «объясняется не только научными, но и в меньшей степени геополитическими причинами», такими как борьба России с коалицией западноевропейских

государств и Османской империей в Крымской войне и событиями Первой мировой войны и революции 1917 г. (Там же).

Проявленное Г.Н. Ланским умелое владение системным и комплексным подходами, логическим и сравнительным методами научной работы позволило автору добиться плодотворного результата. Другим основанием для этого стало использование написанных в различное время и имеющих теоретическое значение работ отечественных специалистов³, а также практически всего доступного в нашей стране комплекса монографий, статей и учебных пособий на английском и французском языках⁴, большинство которых Г.Н. Ланской впервые вводит в научный оборот.

Помимо многих частных выводов о содержании концепций российской и зарубежной историографии о конкретных событиях истории Российской империи второй половины XIX — начала XX в. Г.Н. Ланским сделаны и обоснованы более глобальные выводы о степени достоверности выявленных им источников и влиянии на содержащиеся в них сведения геополитических факторов интеллектуального и практического типа. Они имеют практическое значение для изучения и осмысления работ североамериканских и западноевропейских исследователей о других этапах развития Российского государства и общества, поскольку многие из них направлены на создание обобщающих характеристик данных объектов нередко в ущерб анализу конкретных фактов.

Стоит отметить, что работу с разнообразными историографическими источниками, созданными авторами различных исторических школ и направлений, Г.Н. Ланской провел объективно

³ Вернадский Г.В. Начертание русской истории: С приложением «Геополитических заметок по русской истории» П.Н. Савицкого: В 2 ч. Прага, 1927; Зайончковский П.А. Отмена крепостного права в России. 3-е изд., доп. и перераб. М.: Просвещение, 1968. 368 с.; Ковальченко И.Д. Аграрный строй России второй половины XIX — начала XX в. М.: РОССПЭН, 2004. 503 с.; Сахаров А.Н. Россия. Народ. Правители. Цивилизация. М., 2004. 957 с.; История России XX — начала XXI века / А.С. Барсенков, А.И. Вдовин, С.В. Воронкова; под ред. А.В. Милова. М., 2007; Багдасарян В.Э., Сильвестр (Лукашенко), архим. Россия и Запад: цивилизационные различия / Науч. ред. Ю.Ю. Иерусалимский. Ярославль: Специализ. полиграф. комбинат, 2023. 304 с.; и др.

⁴ Pipes R. Struve: Lit. on the right, 1905–1944. Cambridge; London, 1980. 526 p.; Pipes R. The Russian Revolution, 1899–1919. New York, 1990. 956 p.; Schanin T. Russia as a «developing society». London, 1986. 268 p.; Schanin T. Russia, 1905–07: Revolution as a Moment of Truth: In 2 vol. London, 1986; Werth N. Histoire de l'Union Sovietique: De l'Empire Russe a la Communauté des Etats independants, 1900–1991. Paris, 1992. 558 p.; etc.

и в академическом ключе. Вместе с тем проведенное автором строго научное исследование показывает, как можно объективно раскрывать исторические закономерности и одновременно быть настоящим патриотом России. Трактовка отечественной истории с позиции государственных интересов и российской геополитики не нуждается ни в каких замалчиваниях и конъюнктурных искажениях.

П.А. Зайончковский, П.В. Волобуев, И.Д. Ковальченко, Л.В. Милов, В.А. Федоров, В.А. Муравьев, Ю.И. Кирьянов, В.В. Шелохаев, ряд других видных советских и российских ученых на основе изучения обширного комплекса источников создали свои концепции общественно-политической, социально-экономической и аграрной истории Российской империи XIX — начала XX в., рабочего, революционного, либерального и консервативного движений в вышеуказанные хронологические рамки. Современному поколению историков в Российской Федерации есть чем гордиться и с кого брать пример.

Проведенное исследование, имеющее комплексный и многоаспектный характер, может быть использовано в процессе преподавания истории России, ее отечественной и зарубежной историографии; теории и методологии знания, регионоведения в его теоретической части. Как одни из разработчиков учебно-методического комплекса курсов «Основы российской государственности»⁵ и «История культуры России»⁶, отмечаем, что материалы монографии могут также успешно использоваться в преподавании вышеназванных дисциплин во всех высших учебных заведениях России.

Таким образом, монография Г.Н. Ланского «Россиеведение и геополитика. Российская империя второй половины XIX — начала XX в. в концепциях североамериканской, западноевропейской и отечественной историографии 1960–1990-х годов» представляет собой

⁵ Основы российской государственности: учебно-методический комплекс по дисциплине для образовательных организаций высшего образования / В.М. Марасанова, В.Э. Багдасарян, Ю.Ю. Иерусалимский и др. М.: Издательский дом «Дело» РАНХиГС, 2023. 272 с.

⁶ История культуры России: учебно-методический комплекс модуля (дисциплины) для образовательных организаций высшего образования / В.М. Марасанова, Ю.Ю. Иерусалимский, В.Э. Багдасарян и др.; В.М. Марасанова (руководитель проекта); Ю.Ю. Иерусалимский (науч. ред.); Опорный научно-методический и информационный центр Яросл. гос. ун-та им. П.Г. Демидова. Ярославль: Индиго, 2024. 488 с.

фундаментальное оригинальное научное исследование, имеет теоретическую и практическую значимость и полностью соответствует высокому уровню школы профессора В.А. Муравьева.

Иерусалимский Юрий Юрьевич

заведующий кафедрой отечественной средневековой и новой истории
Ярославского государственного университета имени П.Г. Демидова,
доктор исторических наук, профессор, почетный работник высшего
профессионального образования
ORCID: 0000-0003-4189-3055
SPIN-код: 2681-5659, AuthorID: 330812

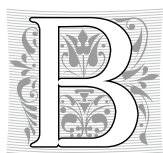
Иерусалимская Светлана Юрьевна

доктор исторических наук, старший научный сотрудник научно-образовательной лаборатории «Россия и Европа: сравнительное изучение доиндустриальных обществ» Ярославского государственного университета имени П.Г. Демидова,
ORCID: 0000-0001-9587-7216
SPIN-код: 8255-6168, AuthorID: 829774

А.В. Ганин

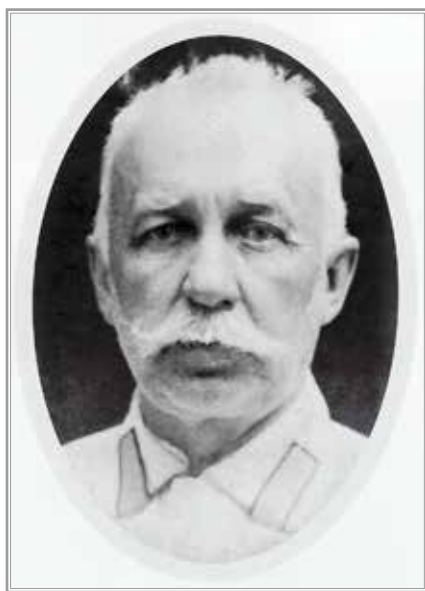
«Горя так много...». Военный ученый А.Е. Снесарев и репрессии начала 1930-х гг.

1930–1931 гг. в СССР среди целого ряда процессов, направленных против «вредителей», развернулось и так называемое дело Всесоюзной военно-офицерской контрреволюционной организации или дело «Весна», фигурантами которого стали, прежде всего, бывшие офицеры, служившие в Красной армии.

Практически весь комплекс архивных документов (3276 томов) по этому делу хранится в Отраслевом государственном архиве Службы безопасности Украины в Киеве, куда он был передан в 1957–1965 гг. из Комитета государственной безопасности СССР. В Москве, в Центральном архиве Федеральной службы безопасности России остались тома следственных материалов по А.Е. Снесареву и А.Х. Базаревскому. В отношении Снесарева это связано с тем, что его дело по «Весне» оказалось присоединено к материалам дела «Русский национальный союз» (РНС), фигурантом которого он также являлся¹. Часть копий и выписок из архивно-следственных дел была любезно предоставлена мне внуками генерала А.А. Комиссаровой (Снесаревой) и А.А. Снесаревым, за что выражаю им глубокую благодарность, а сами выписки еще в советское время делала дочь Снесарева Евгения Андреевна. Позднее мне довелось

¹ Дело Центрального архива ФСБ России (ЦА ФСБ) в отношении Снесарева имеет номер Р-40164. Старый номер — 546836. Т. 78 с документами по делу «Весна» получил нумерацию 46 по делу «РНС». Позднее нумерацию изменили на 4а.

А.Е. Снесарев накануне ареста. 1929 г.

ознакомиться с документами дела Снесарева² и сверить имевшиеся выписки с оригиналами. Кроме того, немалое количество связанных с делом материалов удалось выявить в делах других фигурантов «Весны». В сочетании с материалами семейного архива Снесаревых, среди которых особую значимость имеют дневники Андрея Евгеньевича, и неопубликованными воспоминаниями Е.А. Снесаревой, содержащими ценные подробности той напряженной борьбы, которую семья вела за освобождение Снесарева, это позволило реконструировать историю ареста этого выдающегося отечественного военного деятеля³.

Материалы архивно-следственных дел — важный и сложный исторический источник. Документация дела «Весна» как источник обладает своей спецификой, которую мы уже анализировали, выделив как достоверные материалы, так и явный вымысел⁴. С учетом этого с неизбежной

² ЦА ФСБ. Д. 40164. Т. 3, 4, 4а.

³ Кратко история ареста Снесарева изложена в: *Ганин А.В.* «Клим!.. Можно было бы заменить Снесареву высшую меру...» Выдающегося военного ученого и отца шестерых детей сделали главой военного заговора в Красной армии // *Родина*. 2018. № 3. С. 122–125.

⁴ Подробнее см.: *Ганин А.В.* Комплекс документов по делу Всесоюзной военно-офицерской контрреволюционной организации «Весна» как источник по истории русского офицерства послереволюционного периода // *Вестник архивиста*. 2016. № 4 (136). С. 225–240.

осторожностью проанализируем материалы дел в отношении А.Е. Снесарева.

Крупный военный ученый, бывший генерал-лейтенант старой армии, военный специалист РККА, профессор Военной академии РККА Андрей Евгеньевич Снесарев (1 декабря 1865 — 4 декабря 1937) был одним из основных фигурантов дела «Весна». Работники Особого отдела Объединенного государственного политического управления (ОГПУ) сочли 65-летнего бывшего генерал-лейтенанта, отца шестерых детей и Героя Труда убедительной кандидатурой на роль главы Всесоюзной военно-монархической контрреволюционной организации, якобы существовавшей с первых лет советской власти и включавшей около трех с половиной тысяч членов⁵.

Что же было на самом деле? Уже в 1920-е гг. шел процесс замыкания «бывших» в своем кругу, что связано с их сложным положением в советских условиях (в чем-то схожие процессы шли и в среде русской военной эмиграции). На фоне бытовых неурядиц в среде бывших офицеров распространились ностальгические воспоминания о прежней жизни и ее идеализация, этим людям важно было обсудить свое неоднозначное положение в советских реалиях, ощутить дружескую поддержку тех, кто оказался в такой же ситуации. Эти потребности реализовывались через общение со старыми товарищами, такими же бывшими офицерами, оказавшимися чужими в своей стране. Общение проходило в виде встреч с застольями и возлияниями либо посредством переписки. В домашней обстановке «бывшие» по торжественным случаям (День святого Георгия, полковые праздники, семейные торжества) надевали свои дореволюционные награды и предметы униформы. Иногда даже готовилась выпечка с прежней символикой (например, крендель с Георгиевским крестом на вечерах у Снесарева)⁶. Это было своеобразной внутренней эмиграцией, способом ухода от гнетущей советской действительности.

Взаимодействие бывших офицеров попадало в поле зрения органов госбезопасности, державших эту группу лиц как потенциально опасную и враждебную режиму под пристальным наблюдением. А.Е. Снесарев и его окружение с середины 1920-х гг. находились под надзором ОГПУ в рамках агентурно-наблюдательного дела «Генштабисты», в котором

⁵ Отраслевой государственный архив Службы безопасности Украины (ГАСБУ). Ф. 6. Д. 67093-ФП. Т. 1. Л. 1, 2.

⁶ ГАСБУ. Ф. 6. Д. 67093-ФП. Т. 72 (54). Л. 119.

Дом на Воздвиженке, в котором проживал А.Е. Снесарев перед арестом.
Фото А.В. Ганина. 2015 г.

фигурировали более сотни человек, включая будущего Маршала Советского Союза М.Н. Тухачевского⁷.

Через широкую сеть осведомителей ОГПУ было хорошо известно о встречах у Снесарева и даже о содержании происходивших там бесед. «Бывшие» обсуждали вопросы внешней политики СССР, экономического положения, порой высказывали несогласие с политикой по ряду вопросов и недовольство отношением властей к военспецам. Присущая русским офицерам инертность и пассивность наряду с возникшей в советских условиях разобщенностью и подозрительностью не позволяли в недовольстве советским режимом зайти дальше обывательских разговоров. Агентурное наблюдение не выявило каких-либо данных об организованной контрреволюционной связи между объектами надзора. Впрочем, в 1930-е гг. достаточными для арестов и вынесения расстрельных приговоров становились даже ничего не значащие беседы.

Материалы наблюдения легли в основу обвинений по делу «Весна». Таким образом, органы госбезопасности, с одной стороны, работали на упреждение возможных заговоров, а с другой — сами фабриковали дела о них в своих или указанных партийным руководством целях.

⁷ Подробнее см.: Зданович А.А. Органы государственной безопасности и Красная армия: Деятельность органов ВЧК — ОГПУ по обеспечению безопасности РККА (1921–1934). М., 2008. С. 380–384.

Ордер на арест А.Е. Снесарева. ЦА ФСБ

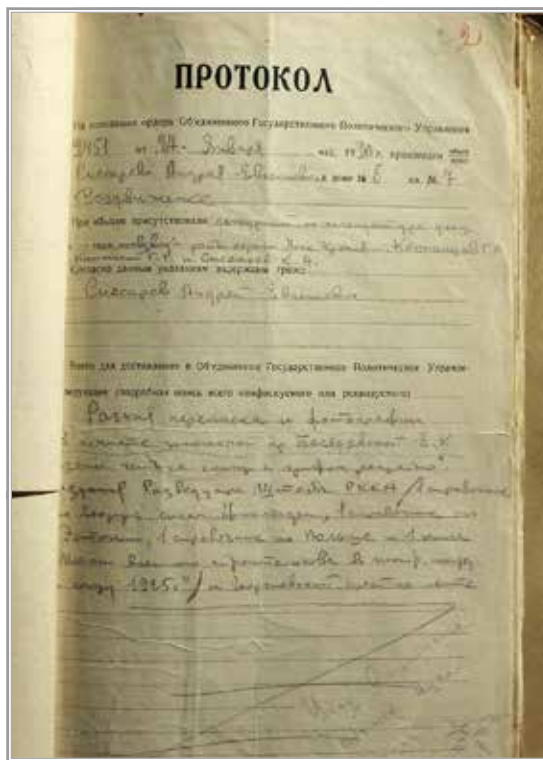
Снесарева арестовали у него на квартире в Москве, на Воздвиженке (д. 6, кв. 7), где он жил с супругой, шестью детьми (включая трех маленьких) и родителями жены⁸. Арест произошел 27 января 1930 г. по делу контрреволюционной монархической организации «Русский национальный союз». При аресте изъяли переписку, фотографии, четыре книги с грифом «секретно», изданные Разведупром Штаба РККА, а также орден Святого Георгия на ленте⁹. Судьба изъятого неизвестна.

Дочь Снесарева Евгения вспоминала: «Вечер 27 января 1930 г. был обыкновенным вечером. Дети – маленький Андрюша и близнецы Юра и Саша, а также бабушка крепко спали. От мамы только что ушла ее приятельница – Ирина Викторовна Свечина, было 11 часов вечера. Вдруг раздался звонок. Кира, старший брат, пошел открывать, думая, что Ирина Викторовна что-то забыла. На пороге стояла группа военных.

Папы еще не было дома. Он с дедушкой был у С.М. Федорова. Потом он говорил, что, поднимаясь по лестнице, он увидел у двери трех солдат и сразу все понял.

⁸ ЦА ФСБ. Д. Р-40164. Т. 4а. Л. 94.

⁹ Там же. Т. 4. Л. 2.

Протокол обыска. ЦА ФСБ. Публикуется впервые

Вошедшие предъявили ордер № 2451 от 27 января 1930 г., подписанный зам. председателя ОГПУ Мессингом, и начали обыск; его производил Вунштейн (комиссар Оперода). Поскольку дом, в котором мы жили, находился в стадии передачи Кремлевской больнице, то при обыске присутствовал дежурный по комендатуре Санупра Кремля Г.А. Кропанцев, в качестве понятых были взяты Г.Р. Капнист и Е.К. Бесядовская¹⁰, жившие дальше по коридору.

Папа и дедушка¹¹ возвратились около половины первого. Папе было велено сидеть в центре комнаты, ни с кем не разговаривать; остальные сидели по углам.

Обыск шел всю ночь. Около 7 час. утра папин кабинет запечатали печатью 55, а его самого увезли.

Утром мама послала меня к П.П. Сытину. Это был товарищу папы по выпуску из Николаевской Военной Академии Генерального штаба и бывший во время Гражданской войны военруком Южного фронта,

¹⁰ Согласно протоколу обыска еще одним понятым был сын арестованного К.А. Снесарев, а не Е.К. Бесядовская (Там же).

¹¹ Тестя А.Е. Снесарева бывший генерал-майор В.Н. Зайцев (подробнее о нем см.: Галин А.В. Загадка старой фотографии // Старый Цейхгауз. 2014. № 1 (57). С. 35–37).

с которым у Сталина был в свое время жесточайший конфликт, закончившийся удалением Сталина с Южного фронта. Маме с ним нужно было посоветоваться.

Начались поиски Андрея Евгеньевича по всем тюрьмам Москвы. В это время шли большие аресты и к окошечкам справочных бюро выстраивались длиннейшие очереди. Ответ был неизменно однозначным: “У нас не значится”. Однако все это время он находился во Внутренней тюрьме на Лубянке. Мама все время к кому-то ходила, где-то хлопотала, к кому-то обращалась.

Примерно через месяц Справочная Внутренней тюрьмы ответила: “Он у нас” и приняла “для з/к Снесарева деньги в сумме 10 руб.”. Теперь начали принимать на его имя деньги, то 10, то 5 руб. и изредка говорили “Разрешена передача”¹².

На первом допросе 28 января 1930 г., проведенном следователем С.Г. Гендиным, Снесарев показал: «Примерно в 1924–1925 гг., бывая у Брусилова, как-то в одно из посещений у нас возник разговор, по его инициативе, следующего порядка:

“Вот мы живем, втянулись в обыденную жизнь и совершенно не рисуем себе более сложных возможностей, а, допустим, что наступит анархия, к нам будут обращаться как к людям известным, будут искать у нас советов, указаний, а мы сами над этим не задумываемся, надо же нам об этом подумать”.

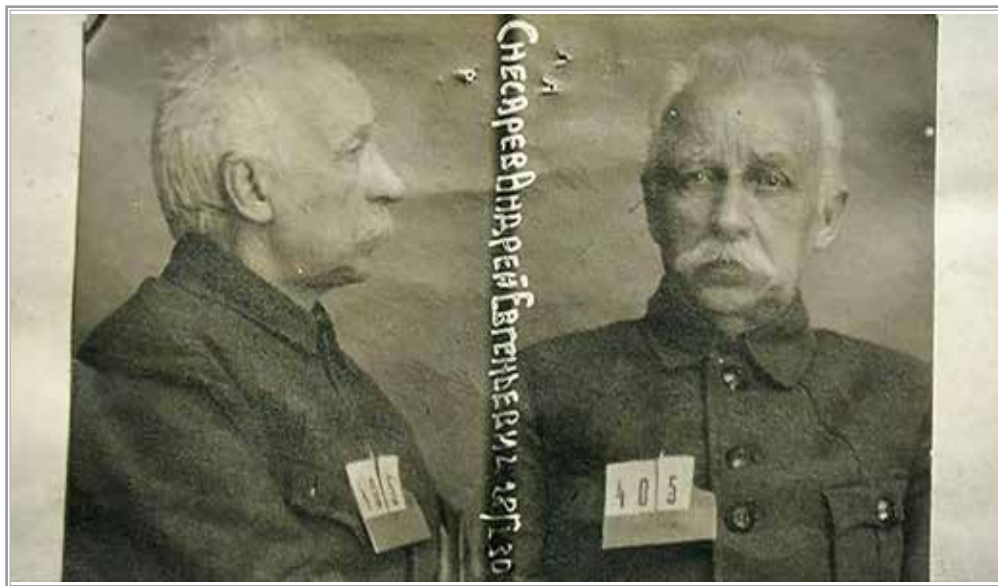
Насколько я помню, при этом присутствовал быв[ший] князь Эристов, находящийся сейчас за границей, и кто-то еще, кого вспомнить сейчас не могу. Эта мысль, видимо, угнетала Брусилова давно и наболела у него на душе, т.к. говорил он это весьма горячо. Не могу сейчас вспомнить, из чего Брусилов исходил, допуская возможность и неизбежность анархии, но во всяком случае этот разговор я лично понял как желание его поделиться с нами впечатлениями на эту тему, желание услышать наше мнение по этому вопросу.

Так как это было давно, я сейчас не вспоминаю каких бы то ни было комментариев по затронутому Брусиловым вопросу, и вопрос этот как-то сам собою прекратился»¹³.

В начале следствия Снесарев категорически отрицал свою вину и утверждал, что не занимался антисоветской деятельностью. Показа-

¹² Снесарева Е.А. Биография А.Е. Снесарева. Рукопись // Архив семьи Снесаревых (Москва).

¹³ ЦА ФСБ. Д. Р-40164. Т. 4. Л. 6.

А.Е. Снесарев. Арестантское фото. 28 января 1930 г. ЦА ФСБ

тельно, что при допросе 17 февраля 1930 г. он даже не знал ни о каком «Русском национальном союзе»: «Я этого в данное время не помню. Не исключаю возможности, что разговор об этом у меня с кем-либо был. Об этом я постараюсь хорошо вспомнить и сообщить»¹⁴. Проговорки о том, что ни о какой организации он не знает, проскальзывают и в дальнейшем. В частности, 21 февраля Снесарев показал, что «17-П я впервые услышал слова и мало догадался о связанных с ними понятиях. Раз не помогает память, мне остается только прибегнуть к логике и приему косвенных соображений»¹⁵. «В 64 года, т.е. почти завершая жизнь, прослужив советской власти 12 лет, явившись одним из организаторов и устроителей этой власти, т.е. человеком истории, я не могу и не должен сомневаться при открытых попытках погубить или расша[та]ть то советское гнездо, на котором видна печать и моего личного творчества»¹⁶. На допросе 13 марта 1930 г. он повторил: «Я всегда работал с полным напряжением и не щадя своих сил для той власти, которую добровольно выбрал 12 лет назад, и я никогда не могу быть и не буду пред нею преступником»¹⁷.

Допросы вел следователь А.М. Гирич. 10 марта Снесарев дал показания о праздниках георгиевских кавалеров, которые отмечались награ-

¹⁴ Там же. Л. 12 об.

¹⁵ Там же. Л. 30.

¹⁶ Там же. Л. 31.

¹⁷ Там же. Л. 86. Также см.: ГАСБУ. Ф. 6. Д. 67093-ФП. Т. 3245 (250). Л. 128.

жденными преподавателями Военной академии РККА с 1919—1920 гг. Сначала такие собрания организовывал Д.К. Лебедев, затем сам Снесарев (трижды) и Е.М. Голубинцев (в 1926 г.). В показаниях отмечалось, что на встречах велись политические разговоры¹⁸. На одном из празднований присутствовал и бывший генерал А.А. Брусилов. По первоначальным показаниям Снесарева, данным 27 февраля 1930 г., Брусилов не играл какой-либо политической роли, а лишь «доживал свой век военного»¹⁹. На последующих допросах речь шла и о других встречах с участием Брусилова и гражданских лиц.

Уже 13 марта Снесарев «признался», что «был лицемерен» в оценке собраний у Брусилова как невинных встреч мечтателей²⁰, подробно рассказал о встречах, отметив, что они носили контрреволюционный характер, раскаивался, просил милосердия и возможности продолжить научно-педагогическую деятельность²¹. Тогда же в деле появились материалы о том, что на собраниях организации он якобы заявлял: «Положение советской власти безнадежно. Но она должна быть добита. Внутренняя обстановка неблагоприятна для нанесения советской власти серьезного ущерба: крестьянство недовольно, но разрозненно и бессильно, культурная часть населения придушена... изнутри рассчитывать не на что. Но слабость советской власти обязательно пробудит оживление вне и, в первую голову, среди нашей эмиграции и белогвардейцев, а на помощь им пойдет и Европа, которая, конечно, не упустит момента свести старые счеты с “большевиками”. При слабости советской власти движение армий будет молниеносным, а при вступлении их в наши пределы крестьянство пойдет им на помощь. А за этим неизбежно появление военного диктатора»²².

16 апреля 1930 г. Снесарева уволили из армии.

На следующий день супруга арестованного написала письмо народному комиссару по военным и морским делам К.Е. Ворошилову: «Мой муж, профессор Андрей Евгеньевич Снесарев, уже почти три месяца как арестован.

Совершенно не зная за ним какой-либо вины и не имея возможности выяснить причины его ареста, обращаюсь к Вам, как к главному начальнику и кроме того лично знающему моего мужа, с просьбой об

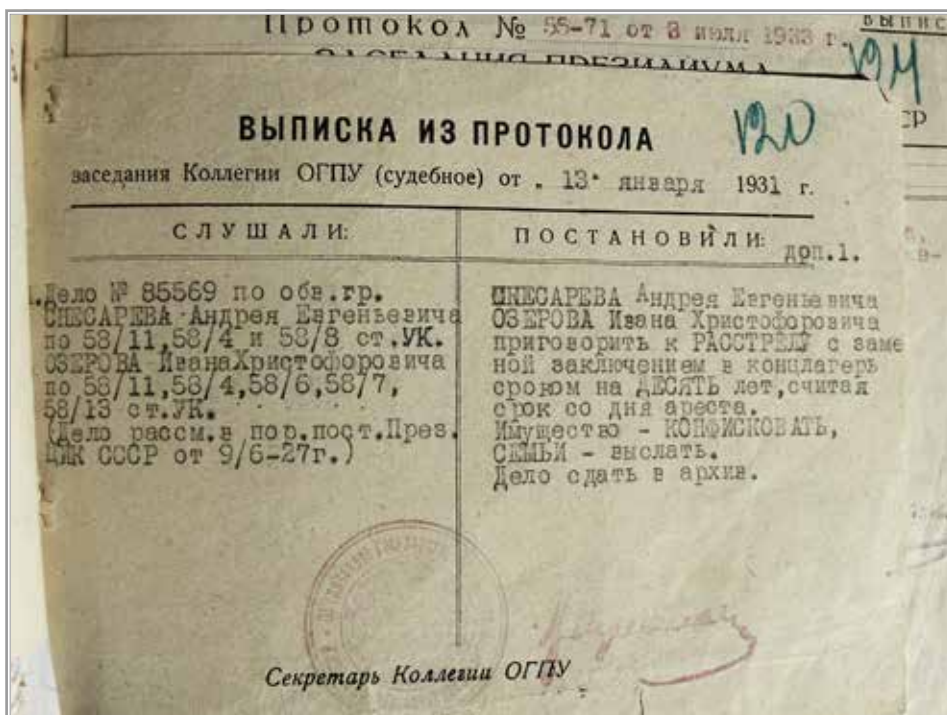
¹⁸ ЦА ФСБ. Д. Р-40164. Т. 4. Л. 72—73.

¹⁹ Там же. Л. 52.

²⁰ Там же. Л. 81.

²¹ Там же. Л. 86 об.

²² Там же. Л. 85—85 об. Также см.: Там же. Т. 3. Л. 50—51.

Выписка из протокола заседания Коллегии ОГПУ, вынесшей приговор А.Е. Снесареву.
 ЦА ФСБ

ускорении разбора его дела и его скорейшей реабилитации как человека, с первых дней Октябрьской революции добровольно поступившего в ряды Красной армии и принимавшего активное участие в ее организации.

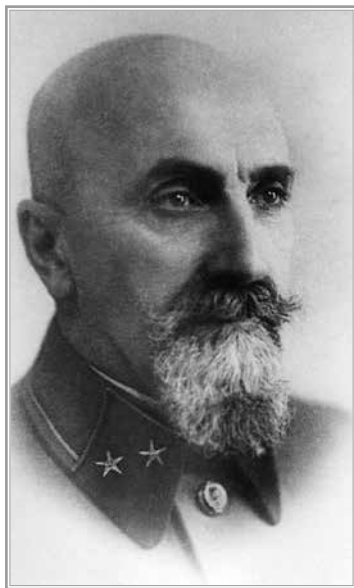
В 1918 г. в качестве военрука он участвовал в обороне Царицына.

В 1919 г. командовал завесой Зап[адного] фронта, Бел[орусско]-Лит[овской] и 16 ар[миями] Зап[адного] фронта.

В 1919–1923 гг. был начальником Военной академии Р.К.К.А., а д[алее] нес профессорскую и военно-научную [службу] в военных академиях, за что к X годовщине Красной армии был награжден званием “Героя Труда”, а в последнее [время] был старшим военным руководителем.

Моральное потрясение, пережитое семьей, усугубляется еще и продолжающимся содержанием под стражей, которое тем самым лишает семью единственного кормильца и повергает ее в тяжелое материальное положение.

Семья, которую содержал мой муж, кроме меня состоит из стариков родителей, двух безработных сыновей, недавно закончивших учебные заведения и четырех несовершеннолетних детей, из которых младшему 1 ½ года.

Александр Николаевич Де Лазари

Надеясь на Ваше доброе и беспристрастное отношение к судьбе моего мужа, еще раз прошу не отказать в проявлении Вашей гуманности к его семье принятием участия в скорейшей ликвидации этого тяжелого недоразумения»²³.

Ворошилов не оказался безучастным и переслал копию письма заместителю председателя ОГПУ Г.Г. Ягоде с сопроводительным обращением: «Посылаю копию письма, полученного мною от жены проф. Снесарева.

Я думаю, что целесообразно поставить вопрос об его освобождении, принимая во внимание его старость, а также то, что проф. Снесарев работает над окончанием своей важнейшей работы об Индии.

Прошу не отказать сообщить мне Ваше мнение и решение. Об освобождении можно говорить, разумеется, если вина С[несарева] не столь велика, а роль в раскрытой организации не являлась первой»²⁴. Однако следователи считали иначе и представляли Снесарева главой организации.

Семья Снесаревых оказалась в бедственном материальном положении. Супругу и детей Снесарева стали увольнять с работы. Как вспоминала дочь Андрея Евгеньевича, «с работой нам было очень трудно. Маму никуда не брали, а если она куда-то и поступала, то через неделю-дру-

²³ Архив семьи Снесаревых. Частично опубл. в: Будаков В.В. Генерал Снесарев на полях войны и мира. М., 2014. С. 437.

²⁴ Архив семьи Снесаревых. Также см.: Будаков В.В. Генерал Снесарев. С. 438.

Александр Иванович Тодорский

ую увольняли; я задерживалась на месяц-полтора, потом снова искала работу»²⁵. Семью арестованного начали избегать некоторые прежние знакомые. Другие, как, например, видные советские военные деятели А.Н. Де Лазари и А.И. Тодорский, наоборот, их всячески поддерживали.

По мере разрастания дела атмосфера накалялась. В 1930–1931 гг. были арестованы многие военные педагоги и ученые, друзья Снесарева. Ознакомившийся с делом Снесарева историк спецслужб А.А. Зданович отмечал, что показания Снесарева совпадали с материалами агентурно-наблюдательного дела «Генштабисты» (в настоящее время недоступно для исследователей) и разработки по РНС²⁶. Во главе РНС, как утверждало обвинение, стояли уже умерший к тому времени бывший генерал А.А. Брусилов, пенсионер профессор И.Х. Озеров, бывший полковник, военный востоковед, профессор М.Г. Попов, врач В.Р. Захаров, инженеры В.А. Барнашвейлев и А.А. Савин, а также сам Снесарев²⁷.

²⁵ Снесарева Е.А. Биография А.Е. Снесарева. Рукопись // Архив семьи Снесаревых.

²⁶ Зданович А.А. Органы государственной безопасности и Красная армия. С. 390–391.

²⁷ Подробнее см.: *Онегина С.В.* Дело «Русского национального союза» // Кентавр. 1994. № 6. С. 91–105. Часть документов дела опубликована в кн.: *Эзотерическое масонство в Советской России. Документы 1923–1941 гг.* М., 2005; «Совершенно секретно»: Лубянка Сталину о положении в стране (1922–1934 гг.). М., 2008. Т. 8. Ч. 2. 1930 г. С. 1158–1165; *Дьяков Ю.Л., Колодникова Л.П., Бушуева Т.С.* Протестное движение в СССР (1922–1931 гг.). Монархические, националистические и контрреволюционные партии и организации в СССР: их деятельность и отношения с властью (1920–1931 гг.). По документам ВЧК — ОГПУ. М., 2012. С. 43–51.

Иван Христофорович Озеров

Организация якобы ставила своей целью вооруженное свержение советской власти и установление в СССР монархии. По делу был арестован 51 человек, включая 14 «организаторов», 26 «активных участников» и 11 «пособников и укрывателей»²⁸. Заговорщики, по версии следствия, рассчитывали на крестьянские волнения или интервенцию иностранных государств и белой эмиграции, а одним из основных способов борьбы считали террор против руководителей партии и правительства, включая применение «огнестрельного оружия, взрывчатых веществ, сильнодействующих бактериальных культур, ядовитых веществ, газов и т.п., направленных, как против отдельных вождей и руководителей советского государства, и, в частности, против генерального секретаря ВКП(б) т. Сталина, так и против целых собраний ответственных советских работников и членов коммунистической партии»²⁹. Тем более что среди «заговорщиков» были, в том числе, врачи и химики.

Обвинение исходило из того, что интеллигенция, за незначительным исключением, встретила Октябрьскую революцию 1917 г. враждебно, возникли различные контрреволюционные организации с ее участием. Большинство же заняло выжидательную позицию, надеясь на победу бе-

²⁸ ЦА ФСБ. Д. Р-40164. Т. 4а. Л. 250. Предоставлено семьей Снесаревых.

²⁹ Там же. Т. 3. Л. 7.

лых³⁰. Эти надежды не оправдались. Тогда контрреволюция ушла в подполье, организовав серию заговоров. НЭП представителями интеллигенции был воспринят как уступка со стороны власти, но надежды на возвращение к прежним порядкам не оправдались. Тогда расчет якобы стал делаться на иностранную интервенцию и возвращение белоэмигрантов во главе с великим князем Николаем Николаевичем. Обострение классовой борьбы произошло в связи с коллективизацией и индустриализацией. Рост недовольства населения окрылил противников власти, пытавшихся вовлечь в свою борьбу широкие крестьянские массы. К этому времени интеллигенты стали сбиваться в разного рода кружки (танцевальные, карточные и т.д.), где на самом деле обсуждали политические вопросы. Одним из направлений деятельности таких лиц, согласно обвинительному заключению, стали вредительство и шпионаж³¹. Подобного рода организацией, как полагали чекисты, являлся Русский национальный союз или РНС.

Члены этой вымышленной организации или кружка, в основном, представляли гражданскую научно-техническую интеллигенцию, некоторые состояли в масонской ложе, имели связи с антисоветски настроенным православным духовенством. Насколько можно судить, речь шла о неформальном общении на политические темы в антисоветском духе. Первый арест по делу РНС произошел 24 октября 1929 г., последние аресты прошли в январе 1930 г. Следствие продолжалось до августа 1930 г. Объем дела составлял 35 томов. Никаких доказательств, кроме характерных для следствия той эпохи взаимных признательных показаний, не было. Обвинительное заключение на 147 листах составил к 24 июля 1930 г. старший уполномоченный 9-го отделения контрразведывательного отдела ОГПУ М.П. Кононович³². Однако итоговая редакция документа была датирована 15 сентября 1930 г. и утверждена председателем ОГПУ В.Р. Менжинским³³, а материалы дела докладывались лично И.В. Сталину³⁴.

В группу Снесарева, как утверждало следствие, входили профессор И.Х. Озеров; бывший белый полковник М.Г. Попов; инженер-механик

³⁰ Там же. Л. 10.

³¹ Там же. Л. 11–17.

³² Там же. Л. 147. Кононович известен тем, что в 1930-е гг. применял практику конвейерных допросов, пытки и побои (Демократический союз. Следственное дело. 1928–1929 гг. Сб. док. М., 2010. С. 16).

³³ ЦА ФСБ. Д. Р-40164. Т. 3. Л. 1а.

³⁴ «Совершенно секретно»: Лубянка Сталину о положении в стране (1922–1934 гг.). М., 2008. Т. 8. Ч. 2. 1930 г. С. 1158–1165.

Ф.И. Кругликов, служивший в контрразведке у атамана А.И. Дутова; бывший крупный помещик и золотопромышленник А.Н. Петров³⁵.

Снесарев обвинялся в том, что был одним из организаторов контрреволюционной монархической организации «Русский национальный союз» (Ренессанс или РНС), в 1923–1926 гг. принимал участие в совещаниях группы бывших георгиевских кавалеров, а также в совещаниях ячейки РНС до 1929 г.³⁶ Создание организации РНС в разных документах следователи возводили то к 1926 г., то даже к 1920 г. До 1926 г. ею руководил А.А. Брусилов. Организация якобы просуществовала в Москве до 1930 г. Согласно обвинительному заключению, до 1926 г. организация состояла, в основном, из бывших офицеров (помимо Брусилова и Снесарева фигурировали Н.Я. Капустин, Г.Н. Хвощинский, И.И. Чубаков³⁷), позднее же в прежнем составе распалась, но была воссоздана Снесаревым и Озеровым с привлечением гражданской научно-технической интеллигенции³⁸. К обвинительному заключению прилагалась красочная схема организации союза³⁹.

Интересно, что при выдвижении обвинений в отношении профессора Озерова следователь цитировал выписку из вышедшего в СССР фрагмента «Очерков русской Смуты» генерала А.И. Деникина, где Озеров упоминался в главе 7-й о политических партиях в период деникинского «похода на Москву» 1919 г. как член крайне правых организаций⁴⁰.

Супруга Снесарева, Евгения Васильевна, многое сделала для облегчения участи мужа. По всей видимости, одним из тех, кто инструктировал ее в этих вопросах, был хороший знакомый Снесаревых А.И. Тодорский. 13 июня 1930 г. было отправлено заявление на имя секретаря ЦИК СССР А.С. Енукидзе. Кроме того, в тот же период Е.В. Снесарева обращалась ко второму заместителю председателя ОГПУ С.А. Мессингу. Как противник стоявшего за делом «Весна» Г.Г. Ягоды Мессинг должен был помочь. В обоих заявлениях содержались просьбы ускорить рассмотрение дела, заверения в непричастности Снесарева к какой-либо антисоветской деятельности и указания на бедственное положение большой семьи.

³⁵ ЦА ФСБ, Д. Р-40164. Т. 3. Л. 44.

³⁶ Там же. Т. 4. Л. 8.

³⁷ Там же. Т. 3. Л. 26.

³⁸ Там же. Л. 6.

³⁹ Там же. Л. 148.

⁴⁰ Там же. Л. 45. Деникин А.И. Поход на Москву («Очерки русской Смуты»). М., 1928. С. 79; Деникин А.И. Очерки русской Смуты. М., 2003. Кн. 3. С. 550.

Алексей Алексеевич Брусилов

13 августа 1930 г. Коллегия ОГПУ заслушала дело РНС и приговорила Снесарева к расстрелу. Из 15 приговоренных в тот день к расстрелу по этому делу приговор смягчили только двоим — Снесареву и И.Х. Озерову. 17 августа остальных расстреляли⁴¹. 18 человек получили по 10 лет лагерей, 12 человек — по 5 лет лагерей, двое подлежали высылке в Сибирь, в отношении еще двоих дело прекратили, а дело еще двоих выделили в отдельное производство.

Почему же Снесарев, считавшийся одним из руководителей РНС, не был расстрелян? По всей видимости, это связано с тем, что Андрея Евгеньевича следователи решили использовать для раскрутки нового масштабного дела, на этот раз против военных. Как раз в августе 1930 г. оно уже стало активно раскручиваться. Вплоть до января 1931 г. Снесарев оставался под расстрельным приговором по делу РНС, что, очевидно, использовалось для давления на арестованного и получения нужных им показаний уже в рамках дела «Весна».

Интересно, что последний допрос Снесарева по делу РНС датирован 24 августа 1930 г. (т.е. проходил уже после приговора) и касался связей бывшего генерала с донскими казаками⁴².

⁴¹ Расстреляны были: В.А. Барнашвейлев, А.В. Березкин, А.М. Виноградов, С.В. Голицын, В.Р. Захаров-Антонов, П.М. Кейзер-Ясман, П.Н. Киселев, П.Д. Костин, Н.В. Кругликов, Ф.И. Кругликов, М.Г. Попов, А.А. Савин, В.И. Синецкин. Все они похоронены на Ваганьковском кладбище, а в 1989 г. реабилитированы.

⁴² ЦА ФСБ. Д. Р-40164. Т. 4. Л. 133—134 об.

Александр Андреевич Свечин

Супруга Снесарева не оставляла попыток помочь мужу. Она обратилась за помощью к заместителю наркома по военным и морским делам И.П. Уборевичу, но заявление в тот же день ей вернули с резолюцией: «Снесаревой. Ввиду невозможности помочь, Ваша просьба осталась без последствий, о чем просил Вас поставить в известность тов. Уборевич. 28/VIII-30 г.»⁴³. 31 августа супруга арестованного обратилась во ВЦИК, но ответа не последовало. Е.В. Снесарева пыталась также попасть на прием к видным государственным и партийным деятелям П.Г. Смидовичу и Н.В. Крыленко.

Летом 1930 г. начала раскручиваться цепочка дела «Весна» — первоначально агентурной разработки «Весна» («Штаб повстанческих войск левобережья»), начатой ГПУ УССР⁴⁴. Речь изначально шла об арестах группы кулаков, якобы принадлежавших к повстанческой организации. Вскоре, в соответствии с директивами из Москвы, в деле появились фигуранты из числа бывших офицеров, постепенно их количество и должностной статус увеличивались.

Связь между делом РНС и «Весной» проясняет справка по делу «Весна», в которой отмечено: «Организация бывших офицеров-генштабистов (речь идет о деле «Весна». — А.Г.) имела связь также и с другими гражданскими к[онтр]р[еволюционными] организациями через Сне-

⁴³ Снесарева Е.А. Биография А.Е. Снесарева. Рукопись // Архив семьи Снесаревых.

⁴⁴ Зданович А.А. Органы государственной безопасности и Красная армия. С. 387.

Евгений Константинович Смысловский

сарева с к[онтр]р[еволюционной] организацией “Казачий блок” и “Русский национальный союз”, через Смысловского с Инженерным центром и Военпромом.

Наряду с руководством контрреволюционной вредительской деятельностью в РККА часть руководителей к[онтр]р[еволюционной] организации бывших офицеров Генштаба в составе Смысловского, Снесарева, Свечина и Лигнау имели связь с представителями иностранных миссий и агентами иностранной разведки...

Снесарев был связан с немецкой миссией через шпиона Ваурика»⁴⁵.

Фактически арест Снесарева по делу РНС оказался первым и в рамках дела «Весна», поскольку основная масса фигурантов последнего была арестована существенно позднее — летом — осенью 1930 г. и позже. В частности, только в ночь на 2 августа 1930 г. был произведен следующий арест высокопоставленного военного работника, сотрудника Штаба РККА бывшего генерала В.Г. Серебрянникова.

Московские чекисты добились от Серебрянникова показаний на начальника военных сообщений Украинского военного округа В.В. Сергеева. В сентябре 1930 г. в Харькове последний был арестован. Московское дело получило выход на украинские военные круги, а мифическая контрреволюционная организация — всесоюзный масштаб.

⁴⁵ ГАСБУ. Ф. 6. Д. 67093-ФП. Т. 7. Л. 208–209.

Владимир Григорьевич Серебрянников. ГАСБУ

10 октября 1930 г. Сергеев показал, что Снесарев «по взглядам являлся полным идейным противником советской власти. Бывший командующий 16[-й] армией. Несколько раз я был у него на квартире. Во время разговоров он, как бы поучая меня, высказывал мнение о временности и шаткости советской власти и неправильности ее путей. Последний раз был в 1928 г. У Снесарева жил солидаризирующийся с ним его тесть гр[ажданин] Зайцев — штатский, слышал от них, что их дом часто посещается многими старыми генштабистами.

Это был, по-моему, как бы идеологически враждебный Сов[етской] власти центр»⁴⁶. Таким образом, следствие связало штаб Украинского военного округа и московскую контрреволюционную ячейку. Позднее Сергеев заявил, что был завербован Снесаревым, который якобы дал ему задание создать группу единомышленников в Украинском военном округе⁴⁷.

В октябре 1930 г. Снесарев был вынужден признать себя виновным и по делу «Весна». Допрашивал его уполномоченный 4-го отделения Особого отдела ОГПУ А.М. Перлин. Для характеристики дела и эпохи отметим, что сам Перлин был расстрелян в 1938 г. и по определению Военной коллегии Верховного суда РФ от 28 мая 2015 г. не подлежит реа-

⁴⁶ Там же. Т. 3143 (175). Л. 119–120.

⁴⁷ ЦА ФСБ. Д. Р-40164. Т. 4а. Л. 87. Предоставлено семьей Снесаревых.

Алексей Васильевич Сапожников

билитации⁴⁸. По делу «Весна» он вел еще шесть дел — работал с А.Н. Голицинским, А.Г. Лигнау, Г.Н. Мекк, А.В. Новиковым, А.В. Сапожниковым и Е.К. Смысловским.

18–19 октября 1930 г. Снесарев показал: «В дополнение к моим предшествующим показаниям, обдумав еще раз, более широко и углубленно, чем прежде, свое прошлое, я прихожу к заключению, что мой военный авторитет, как в старой армии, так и при советской власти, мои сомнения или критические замечания по адресу некоторых мероприятий правительства, мое участие в таких собраниях, как, напр[имер], сходка бывших офицеров-георгиевцев, давали повод и даже право офицерам, контрреволюционно настроенным и входящим в контрреволюционные организации, считать меня отразителем их вожделиний, их, так сказать, идеологом. В чем искренно раскаиваюсь»⁴⁹.

На допросе 21 октября Снесарев под диктовку следователя Перлина отметил: «После смерти Брусилова, который связывал с моим именем контрреволюционные надежды, я, как двойной георгиевский кавалер бывшей армии, как основоположник нашей Военной академии, как лицо, вообще пользовавшееся авторитетом и по своей учености, и по своим личным качествам, и, наконец, как человек, имеющий европей-

⁴⁸ Тумишис М.А., Золотарев В.А. Евреи в НКВД СССР. 1936–1938 гг. Опыт биографического словаря. 2-е изд., испр. и доп. М., 2017. С. 495.

⁴⁹ ЦА ФСБ. Д. Р-40164. Т. 4а. Л. 91.

ское имя, считался одним из его преемников, как по его руководящей позиции, так и по тем надеждам, которые с ним связывало контрреволюционное офицерство.

Резкость перехода власти от монархизма к социализму, бедность страны, испытавшей 2 войны — империалистическую и Гражданскую — и революцию, ненависть буржуазного мира Европы, готового войной или экономическими средствами задушить вновь народившийся и с трудом расправляющий крылья государственный строй, — все побуждало старое офицерство питать надежды на скорое падение власти и пытаться создать основы для какого-то нового порядка вещей. Я, по высказанным выше причинам, должен был в этих политических перспективах играть крупную роль. Мое поведение, обрисованное в протоколе от 18—19/X, оправдывало и поддерживало эти надежды.

Дальнейшие обстоятельства советского строительства усиливали эти надежды: капиталистический мир перешел к ряду мероприятий, имеющих целью сорвать [ход] государственного строительства в СССР, во внутренних делах возникали неожиданные препоны, вроде голода 1921 г., появление НЭПа как неизбежный этап для нового прыжка понималось нами как отказ от основного плана преобразований, в особенности же последние события, как, напр[имер], поведение крестьянства при процессе коллективизации или идея пятилетки, считаемая неосуществимой... все эти обстоятельства усугубляли мысль о неизбежности падения советской власти, под влиянием ли внутренней катастрофы или от внешнего нажима со стороны капиталистического мира, готового налететь на потрясенную страну. В последнем случае неблагоприятный для советской власти исход войны подкреплялся бы неверием в силы Красной армии, общей бедностью страны и, наконец, неудовольствием некоторых классов населения, а особенно интеллигенции и крестьянской массы. В том же ободряющем духе действовали и события, разыгравшиеся в недрах самой партии сначала под формой троцкизма, а затем, и в особенности, в лице правого уклона, которые говорили нам о потере партией былой монолитности и о возможном ослаблении через это крепкой руководящей линии; сверх того, те же события указывали на появление и среди партийцев таких людей, которые в некотором смысле совпадали с мыслями контрреволюционного офицерства и говорили о возможности создания какой-то объединенной организации.

Созданная нами в результате политическая концепция подсказывала офицерству мысль об ином каком-то отношении к своим текущим

Александр Леонтьевич Певнев

обязанностям, т.е. создавала почву для вредительства в армии, о необходимости своевременной перестраховки, а затем и о создании заблаговременных контрреволюционных организаций.

Так как я, как я сказал выше, являлся после Брусилова одним из его преемников, то естественно, что при допущении мною указанных выше мыслей, посещениях собраний офицеров-георгиевцев и дальнейшей моей связи с офицерами Генерального штаба я делался в глазах офицерства идеологом их настроений и пожеланий и создавал импульс к их дальнейшей контрреволюционной деятельности»⁵⁰.

23 октября Снесарев назвал своих «соратников» — преподавателей Военной академии РККА К.И. Бесядовского, Н.А. Владиславского-Крекшина, Е.М. Голубинцева, Д.Н. Надежного, А.Л. Певнева, А.А. Свечина, Е.К. Смысловского, В.Г. Сухова. Кроме того, он указал на А.Н. Вегенера, А.Н. Галицинского, А.В. Новикова, В.В. Сергеева, П.П. Сытина, Е.Е. Шишковского, а также умерших К.И. Величко, Н.Я. Капустина и В.Ф. Новицкого⁵¹. Отрабатывались родственные и служебные связи и знакомства⁵².

Тогда же Снесарева вынудили изложить историю возникновения организации. В показаниях от 25 октября 1930 г. читаем: «Наша органи-

⁵⁰ Там же. Л. 95—96.

⁵¹ Там же. Л. 97; Тинченко Я.Ю. Голгофа русского офицерства в СССР. 1930—1931 годы. М., 2000. С. 127.

⁵² ЦА ФСБ. Д. Р-40164. Т. 4а. Л. 106—106 об.

Александр Николаевич Вегенер

зация бывших офицеров Генер[ального] штаба, создавшаяся приблизительно в [19]22—23 гг., хотя более строго уточнить не могу, имела исходными корнями прошлое этих лиц: будучи людьми очень строгого отбора от общеармейской массы, отшлифованные для всех одинаковой хорошо продуманной системой воспитания, пользуясь всегда очень привилегированным социальным положением, а, вместе с этим, и естественным влиянием, и, наконец, близко знакомые друг с другом и связанные очень часто узлами дружбы, они вошли в новую для них обстановку советской власти, естественно организованной и сплоченной группой.

С собой принесли они качественно очень высокие военные знания и большой опыт и, конечно, нашли им применение в бурных судьбах Советского Союза. Со стороны последнего они встретили и поддержку, и внимание, но таковые не могли возместить все те выгоды, привилегии и карьеры, на которые мы могли рассчитывать при буржуазном строе; к тому же ход развития советской страны шел столь нервными этапами и столь торной дорогой, что, естественно, вызывал в умах старых генштабистов большую тревогу и опасения за конечный исход всего колоссального государственного предприятия. А что, может быть, было самое главное, — все то мирозерцание, все те навыки мыслить и понимать явления, которые мы вынесли с собою из прошлого, столь были несхожи со всем теперь наблюдаемым, что нам было невозможно воплотить в своем сознании эти новые и непонятные картины советского бытия и совет[ского] миропонимания.

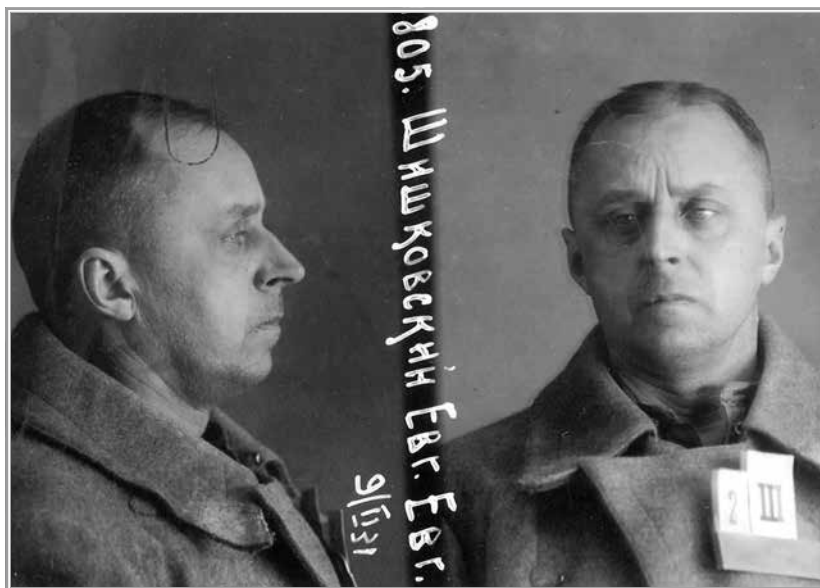
Василий Федорович Новицкий

Сначала бурей революции и Гражданской войны разбросанные по всем углам страны, мы — генштабисты — естественно с момента окончания последней и с переходом страны к систематической организационной работе должны были очутиться в тех центрах Союза, где была возможна и нужна наша высококвалифицированная военная работа. В этих центрах мы должны были скоро обрести друг друга, завязать старые связи, наладить взаимные посещения, и в результате обмена мнений, споров, собеседований, взаимных ориентировок установить платформу политического мирозерцания, которая нас и объединила в организационное целое.

Основные черты указанной платформы обуславливались такими моментами:

1) Страна приступила к колоссальному, никогда не пережитому в летописях человечества государственному перестроению, ведя такое прыжком — от монархии непосредственно к социализму, что одно уже говорило об утопии, о риске неудачи и срыва.

2) Капиталистический мир, и без того уже значительно потрясенный и разложенный, должен был в попытке создания нового социалистического мира видеть последний смертельный удар, занесенный над его головой. Отсюда неизбежны всяческие пробы и приемы (интервенция, война, экономическое удушение), чтобы приостановить, а, буде возможно, разгромить разворачивающуюся пред капиталистами картину советского строительства. При могуществе капитали-

Евгений Евгеньевич Шишковский

стического] мира указанные попытки очень грозны и должны кончиться удачей.

3) Внутри страны те жертвы и то несказанное напряжение, которые должны были потребоваться в процессе глубокого преобразования, должны были среди населения, а также классов, потерявших старые привилегии, вызвать неудовольствие, упадок веры, восстания. Это должно было угрожать общей созидательной работе и помогать работе капиталистического мира.

4) Наконец, бедность страны, взвалившей на свои плечи непосильную ношу, невиданный и своеобразный облик Красной армии, построенной на началах и чуждых, и непонятных для нас, старых генштабистов, и вызывавших наше недоверие, случайности вроде голода 1921 г., питали как уверенность в отрицательном исходе государственной реформы, так и надежды на падение советской власти.

В результате указанных убеждений и связанного с ними хода мыслей в основу программы легли, с одной стороны, неверие в успех общей преобразовательной работы в СССР и с другой — уверенность в падении советской власти, а как личный момент играло при этом сознание необходимости личной перестраховки.

Конечно, на такой программной, чисто теоретической ступени дело не могло остановиться; так или иначе программа должна была вызвать ряд активных и, в частности, тактических и технических мероприятий, необходимо было расширить сферу осведомления, дабы понимать об-

Константин Иванович Величко

становку более конкретно, увеличить число лиц, сочувствующих общему делу, осуществить действия, ведущие к ослаблению Красной армии, проникая во все стороны ее жизни и техники, усыпляя общественное мнение проповедью о невозможности войны и т.д., чтобы в необходимый момент быть готовыми к активному выступлению..

Формы связи и взаимных осведомлений сводились к беседам по двое или по трое при всяких удобных случаях под видом карточной игры, прогулок, встреч при домашних празднествах. При этом темы осведомления вращались около вопросов о состоянии страны, Красной армии и наших отношений к тем или иным политическим событиям.

Некоторые из наших членов вербовали в нашу организацию людей, но их фамилии я не знаю, так как технической стороной организации я не занимался, являясь только ее идеологом и кроме завербованного мною Сергеева других случаев у меня не было»⁵³. Отметим, что протокол допроса от 16 ноября 1930 г. компилировался и фабриковался следствием из разрозненных кусков приведенного выше более раннего протокола.

По мере необходимости показания дополнялись или корректировались, в них появлялись новые фигуранты. В частности, Снесарев 29 октября дополнительно показал, что в организацию также входили преподаватель Военно-воздушной академии В.А. Афанасьев, препода-

⁵³ Там же. А. 102–104.

Владимир Александрович Афанасьев

ватель Военной академии В.И. Максимов, геодезист А.Д. Тарановский, профессор Морской академии М.А. Петров и другие⁵⁴.

Снесарев свидетельствовал, что еще в конце Гражданской войны генштабисты в Советской России стали объединяться в небольшие группы. В Москве в такую группу помимо него самого входили К.И. Бесядовский, М.Д. Бонч-Бруевич, А.И. Верховский, С.Г. Лукирский, Д.Н. Надежный, А.А. Свечин, Ф.П. Шафалович, Е.Е. Шишковский, а также не относившиеся к генштабистам Н.А. Владиславский-Крекшин и Е.М. Голубинцев⁵⁵. Шафалович, согласно показаниям Снесарева, вошел в эту группу на почве уверенности в падении советской власти. Бывший генерал С.Г. Лукирский показал, что объединение генштабистов возникло еще в 1918 г.⁵⁶

Следствию требовались и признания в подрывной работе, которую якобы вела эта группа в РККА. Поскольку рычагов воздействия на армию члены организации, будучи педагогами, не имели, следствие удовлетворилось признаниями в том, что контрреволюционеры пытались влиять на товарищей по службе в политическом отношении. По мере необходимости показания фигурантов дела дополнялись или корректировались в нужном следствию ключе.

⁵⁴ Там же. Л. 107.

⁵⁵ ГАСБУ. Ф. 6. Д. 67093-ФП. Т. 72 (54). Л. 116.

⁵⁶ Там же. Т. 65. Ч. 1. Л. 21.

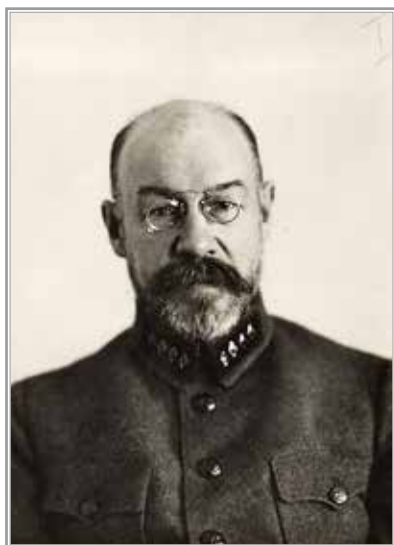
Константин Иванович Бесядовский.

Научный архив Института российской истории РАН

По всей видимости, признаний Снесарева следствию оказалось недостаточно. Вероятно, в результате в протоколе допроса от 16 ноября 1930 г. появились такие строки: «В нашей организации бывших офицеров-генштабистов центральной фигурой был я, как идеолог, как создающий те или иные политические установки и направления, из которых должно было вытекать осуществление тех или иных предприятий технического характера, и поэтому имел дело лишь с тесным кругом тех членов организации, которым я более доверял и которые могли по своему авторитету оказаться руководителями в той или иной области военной работы»⁵⁷.

Снесарев свидетельствовал о подрывной работе членов организации: «По выяснению положения в смысле возможности проведения подрывной работы Красной армии в военно-топографическом управлении и выявления единомышленников работу вел Н.С. Беляев как сам геодезист и имеющий большие связи с военными топографами. В процессе выяснения лиц в [оенно]топографического управления Беляев нашел, что оно переполнено единомышленниками, в большинстве случаев монархически настроенными вроде быв[шего] генерала Алексева, Аксенова и др[угих], которые, по его мнению, уже проводят в своей повседневной деятельности нужную работу по подрыву мощной армии; почему его деятельность должна была свестись лишь к поддержке долж-

⁵⁷ ЦА ФСБ. Д. Р-40164. Т. 4а. Л. 108–108 об.

Михаил Дмитриевич Бонч-Бруевич.
Отдел рукописей Российской государственной библиотеки

ного политического настроения, т.е. надежд на свержение советской власти; о чем меня и информировал Н.С. Беляев.

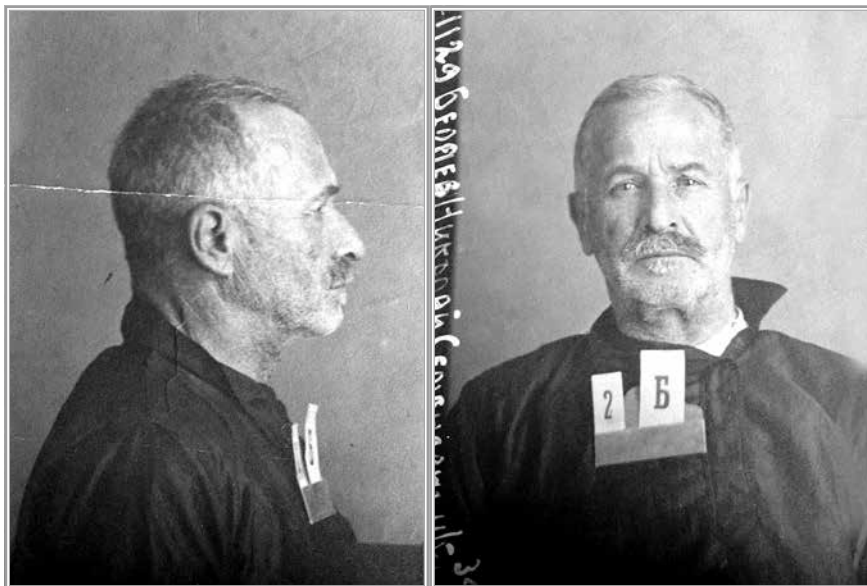
По отношению к артиллерии большее влияние из всех членов организации имел Е.К. Смысловский, который проводил работу, аналогичную с работой Беляева. Результаты его работы я сейчас не помню и информировал ли он меня или нет, также вспомнить не могу.

Завербованный мною Сергеев, начальник военных сообщений штаба Украины, получивший от меня общую политическую линию нашей организации, также должен был проводить линию ослабления в своей области, которая должна была принять во внимание ход мобилизации в начале войны; о чем мне и докладывал.

В отношении других лиц нашей организации, ведущих подобную работу, если вспомню, то дополню впоследствии»⁵⁸. Последняя фраза показаний вполне характеризует подходы следствия, применявшиеся не только в деле Снесарева — при необходимости арестованный мог дать дополнительные показания, нужные следователям.

Показания от 24 ноября содержали сведения о представителях казачества в организации: «Одной из баз, на которую наша организация рассчитывала в случае переворота или восстания, было казачество в его целом. Откуда понятно, что оно не могло нас не интересоваться как группа, имевшая в прошлом отчетливую политическую физиономию, т.е.

⁵⁸ Там же. Л. 108 об.—109.

Николай Семенович Беляев. ГАСБУ

активная и составлявшая опору царской власти, а в Гражданской войне сильно боровшаяся с советской властью, а теперь велением уравниателей пролетарской программы сведенная к общему равенству и потерявшая все привилегии; посему казачество должно было быть настроенным против советской власти. По этой причине наша организация чувствовала необходимость держать казачество под своим наблюдением, следить за его настроением и вообще иметь его в виду.

Среди членов нашей организации были бывшие офицеры-генштабисты из казаков; такими были: Певнев (кубанец), Голубинцев (донец) и Дедков (донец). Они имели своих родных в Краснодаре, Новочеркасске и станице. Наезжая туда неоднократно, они получали возможность оживлять связи, изучать настроение и достигать нужных ориентировок, и, при случае, поддерживать их политические надежды. Эти лица по приезду в Москву информировали меня полностью о всем ими пережитом и о вытекающем отсюда политическом настроении казаков.

Сверх этих возможностей наша организация могла чрез меня держать связь с казачеством и получать нужную информацию при помощи И.И. Бобрышева. Бывший офицер из кубанских казаков, он в Гражданскую войну был в отряде Морозова и в свое время сдался советской власти на условиях определенного договора. Выпущенный из лагеря (около Солянки в Москве) он до приискания квартиры жил с женою у меня, а после, как старый знакомый, не прерывал с моей семьей связи. Лично он никогда не ездил на Кубань, но около него группировались земляки, среди кото-

Александр Васильевич Новиков

рых были и приезжие из его родных мест. Из его информации я знал об антисоветском настроении этой группы, а также и о текущих событиях на Кубани. Некоторую информацию о положении дел на Дону я получал от Солдатова, бывш[его] офицера Ген[ерального] штаба из донцов.

Наконец, я как выросший на Дону, а затем как начальник штаба 2^й каз[ачьей] сводной дивизии в г.г. 1910—1914, признавался многими как казак (донской) и никогда не изживал своего интереса к донским казакам»⁵⁹.

Далее Снесарев показал, что в 1927—1928 гг. ездил для лечения в Кисловодск, а семью при этом (в показаниях почему-то указано — в 1927 и 1929 гг.) отправлял в станицу Лысогорскую к своему бывшему вестовому О.П. Ефанову. Сам Снесарев также приезжал в станицу. Согласно показаниям, считаясь важной персоной, старался держаться замкнуто, никуда не ходить, однако «при всей замкнутости от меня не могли скрыться картины жизни казаков: их обеднение, тревожное настроение и уныние, которые создали во мне уверенность, что в случае продолжения такой политики нужно ожидать среди казаков серьезного волнения, которое может вылиться в восстание»⁶⁰. Снесарев отметил, что поделился этими впечатлениями со Свечиным, Надежным, Новиковым и другими (в показаниях они именовались членами организации).

⁵⁹ Там же. Л. 124—125.

⁶⁰ Там же. Л. 125 об.

Сергей Георгиевич Лукирский

В следующих показаниях от 13 декабря признания еще масштабнее, кроме того, отмечена связь организаций РНС и «Весна» через Снесарева: «Как я уже говорил, наша организация в ожидании интервенции и возможности восстания внутри страны занималась подготовительной работой, которая заключалась в подборе своих единомышленников и в подрыве могущества Красной армии, охватив как можно более отраслей военной техники и создав возможные связи с контрреволюционными группировками или организациями. Расстановка сил в нашей организации вылилась в форму, о которой я упомянул, т.е. каждый из членов работал по своим возможностям и по своим связям, какие он имел; так, Беляев работал в среде военных топографов, Певнев, Голубинцев и Дедков имели связь с казачеством. Смысловский — в сфере артиллерии и военной промышленности, Сергеев — по линии военных сообщений; о своей роли в организации я уже говорил в своих предыдущих показаниях; я могу только добавить, что я имел связь чрез Озерова с его организацией»⁶¹. Далее следовали показания об осторожном поведении члена организации Смысловского.

27 декабря 1930 г. Снесарев показал: «Наша организация бывших офицеров Генерального штаба, ставившая себе целью свержение советской власти тем или иным путем, в своем развитии и деятельности шла в трех направлениях: 1) накопление единомышленников, 2) стремление

⁶¹ Там же. Л. 129.

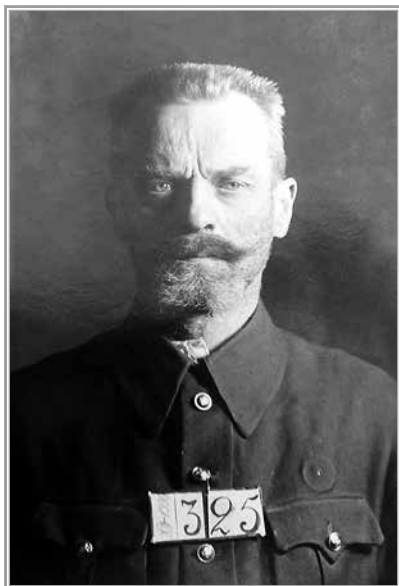
Федор Платонович Шафалович

связаться с другими организациями и 3) в расчете на интервенцию подрыв мощи Красной армии во всех ее отраслях.

В нее входили следующие члены: я — Снесарев, Надежный Д.Н., Свечин А.А., Бесядовский, Капустин Н.Я. (умер), Новицкий В.Ф. (умер), Сухов В.Г., Голубинцев, Певнев, Дедков, Владиславский, Лукирский, Тигранов, Беляев — профессора и преподаватели Воен[ной] академии, Новиков А.В., Голицинский А.Н. — бывшие военные, Смысловский, Шишковский — военрук техникума, Величко К.И. (умер), Гиршфельд, Сергеев — нач[альник] III отд[ела?] штаба Укр[аинского] военного округа, Ашик — быв[ший] офиц[ер], Вегенер, Сапожников. Кроме того, должен указать еще некоторых: Суворова, Барановского и Шафаловича — военруки ВУЗов. Связаны были с организацией как единомышленники — Серебрянников, бывш[ий] оф[ицер] Ген[ерального] штаба, Морозов — преп[одаватель] В[оенно-]технической академии, Петров М.А. — бывший проф[ессор] В[оенно-]морской академии.

Ввиду того, что в Москве были сосредоточены наиболее авторитетные члены нашей организации, наша группа здесь являлась руководящим центром, в котором роли между членами распределялись в таком порядке:

Я, являясь идеологом, давал общую политическую установку в работе организации и увязывал ее деятельность с другими организациями через проф[ессора] Озерова, Беляева, Смысловского и др.

Владимир Александрович Ольдерогге. ГАСБУ

Смысловский являлся в нашей организации как представитель других организаций, имевших связь с границей; кроме того, он работал по линии военной промышленности и артиллерии.

Голубинцев, Певнев, Дедков вели работу по связи с казачеством.

Беляев работал, осуществляя нашу программу среди военных топографов.

Сергеев вел работу на Украине по подрыву жел[езно]дорожных операций в случае мобилизации и по созданию единомышленников на Украине.

Организационную связь с перифериями, насколько мне известно, имели Смысловский, Голубинцев, Певнев, Дедков, Сергеев; других я пока не припоминаю»⁶². И вновь показания завершала фраза, призванная создать видимость реалистичности дальнейших дополнений.

Касательно пребывания в санатории Кисловодска следствие интересовалось, не находился ли Снесарев там одновременно с другим видным военспецом В.А. Ольдерогге⁶³. В отношении последнего Снесарев 31 декабря 1930 г. показал, что «Ольдерогге, бывшего офицера Генер[ального] штаба, я знаю еще с того времени, как он был командиром дивизии в бытность мою командующим XVI армией. В 1928 г. я и еще один член нашей организации Д.Н. Надежный были в Кисловодске на лечении. Там мы встретили Ольдерогге, с которым были разного рода беседы, в числе их были,

⁶² Там же. Л. 133–134.

⁶³ Там же. Л. 135.

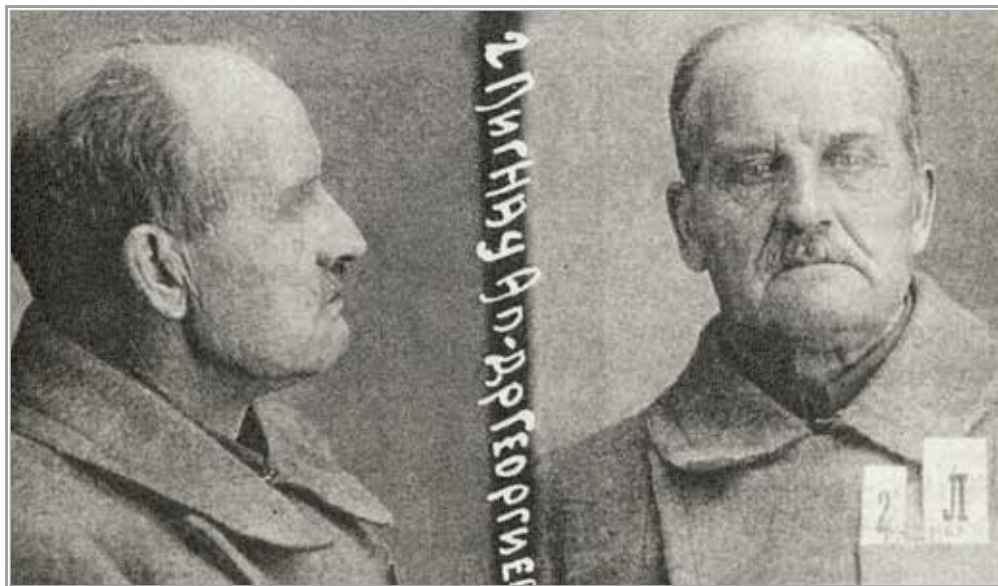
Иван Дмитриевич Чинтулов

конечно, и политического характера. Затронули ли мы вопрос о нашей организации, я не помню, но по характеру и содержанию наших разговоров подобный вопрос возникнуть мог. Когда я узнал от Ольдерогге, что он в Киеве, то попутно с этим, вероятно, зашел разговор и о транспорте в связи с подрывной работой, которую вел член нашей организации Сергеев.

Среди шансов на достижение конечной цели наших устремлений, т.е. свержения советской власти, восстание в Москве, несомненно, занимало первенствующее место; в этом случае считалось желательным, чтобы наша организация возглавляла подобное восстание. Последнее же мне мыслилось в таких последовательных фазах: захват Кремля и основных учреждений, каковы: почта, телеграф, государственный банк, вокзалы и т.п., т.е. основные нервные узлы города. Если бы восстание приняло широкий, чисто стихийный характер, во всяком случае, признавалось насущно нужным, предвидя громадные ресурсы сопротивления, руководить восстанием с должной осмотрительностью, рассчитывая на длительность операции. При таком ходе мыслей считалось, однако, желательным, чтобы упомянутое восстание произошло само собою, как бы под толчком массовой психологии и только тогда постараться взять его в руки и возглавить, а не создавать его самим, так как в последнем случае само восстание было бы лишено широкой опоры.

Такого рода беседы велись еще с Брусиловым, Новиковым и с другими членами нашей организации»⁶⁴.

⁶⁴ Там же. Л. 136—136 об.

Александр Григорьевич Лигнау. ГАСБУ

Новые допросы требовали указания на новых жертв, хотя, очевидно, Снесарев пытался сопротивляться, по возможности уклоняясь от признательных показаний в отношении своих товарищей. 7 января 1931 г. следователь Л.М. Перлин допросил его о А.А. Брусилове и знакомых из Украинского военного округа, пытаясь все теснее увязать московскую организацию с Украинской ССР. Тогда Снесарев показал: «Вскоре после приезда четы Брусиловых из Чехословакии мне с Брусиловым говорить не пришлось и вообще об их пребывании за границей мне удалось слышать уже после смерти его рассказ от его супруги. Среди разговоров о том, как их приняли чехи, я помню ее слова о том, что белогвардейская эмиграция против меня ничего не имеет, не считает меня предателем, а, наоборот, своим человеком.

При свидании с Сергеевым из УВО⁶⁵ у меня на квартире, когда речь шла о наших единомыш[ленник]ах, он мне говорил о бывших офицерах Бежанове и Ивановском, работ[аю]щих в штабе, к[а]к о своих людях; о Пугачеве⁶⁶ же я с ним не говорил, это я твердо помню»⁶⁷.

⁶⁵ Украинский военный округ.

⁶⁶ Подробнее об арестах С.Г. Сакварелидзе-Бежанова, С.С. Ивановского и С.А. Пугачева см.: Ганин А.В. «Знаю, что слезы мешают Вам читать мои строки...» Лагерная судьба комкора С.А. Пугачева в письмах его товарища // Русский сборник. Исследования по истории России. 2018. Т. 25. 1937 год. С. 151–154.

⁶⁷ ЦА ФСБ. Д. Р-40164. Т. 4а. Л. 138.

12 января 1931 г. Снесарев показал, что руководящий центр организации состоял из него, бывших генералов А.А. Свечина, М.Д. Бонч-Бруевича и С.Г. Лукирского (ранее Бонч-Бруевич не фигурировал), причем каждый из них объединял вокруг себя группу единомышленников⁶⁸. В дальнейших показаниях Снесарев назвал руководителей организации Центральным бюро. Однако материалы дел противоречат этим вынужденным показаниям. Так, Бонч-Бруевич виновным себя не признал и был освобожден. Свечин 18 июля 1931 г. был осужден на пять лет лагерей, но 7 февраля 1932 г. приговор был пересмотрен, и он вышел на свободу⁶⁹. Лукирский получил пять лет лагерей, но в 1956 г. реабилитирован. Упоминались также бывшие генералы А.И. Верховский и А.Г. Лигнау как якобы руководители отдельной контрреволюционной организации. В последующих показаниях они, а также бывший генерал А.Н. Суворов были названы руководителями отдельных групп, объединявших своих единомышленников.

Организация Снесарева имела ответвления и на периферии, при этом Снесарев был вынужден показать, что многих региональных сотрудников он лично не знал. «Отделения» имелись в Ленинграде (Н.А. Морозов, Л.Ф. Тигранов) и на Украине (С.Г. Бежанов, С.С. Ивановский, Е.О. Монфор, В.А. Ольдерогге, И.Д. Чингулов).

В 1937 г. некоторые прежние фигуранты «Весны» считали, что были тогда арестованы из-за «кошмарных бредней» Снесарева, Бесядовского и других, оклеветавших себя и остальных. Позднее в своих бедах они стали обвинять сфабрикованное дело ОГПУ, среди руководителей которого тогда работал Г.Г. Ягода, арестованный в марте 1937 г.⁷⁰

Фигуранты «Весны» отмечали, что у Снесарева 26 ноября, в День святого Георгия (по старому стилю), в течение трех лет, начиная с 1924 г., проводились Георгиевские вечера — встречи кавалеров ордена Святого Георгия и Георгиевского оружия. При этом одни участники этих вечеров отрицали их политический характер⁷¹. Другие показывали, что на вечерах политические разговоры все же велись, обсуждались состояние СССР, промышленность, деятельность вождей партии, близость войны и угроза интервенции, обострение внутреннего положения, принудительная кол-

⁶⁸ Там же. Л. 142.

⁶⁹ Публикацию материалов его дела см.: Ганин А.В. Архивно-следственное дело военного ученого А.А. Свечина. 1931–1932 гг. // Вестник архивиста. 2014. № 2 (126). С. 260–272; № 3 (127). С. 261–291.

⁷⁰ ГАСБУ. Ф. 6. Д. 67093-ФП. Т. 65. Ч. 2. Л. 3.

⁷¹ Там же. Т. 59. Л. 216.

лективизация, попрание религии, репрессии. Д.Н. Надежный свидетельствовал, что «собрания быв[ших] георгиевских офицеров, то стремление, которое было у них к единению, могло явиться в результате тех настроений, которые принесли с собой в академию б[ывшие] офицеры Ген[ерального] штаба, стремившиеся уйти от активного участия в революции».

Характер этих собраний определился после выступления Брусилова, которое состоялось, вероятно, в 1923 г. Выступление Брусилова имело характер призыва к единению бывш[их] георгиевских кавалеров, служащих в Красной армии с тем, чтобы при возможном изменении политической обстановки применить свои силы для блага Родины. Выступление Брусилова можно считать началом организации б[ывших] георгиевских кавалеров. В условиях советской действительности эта организация была контрреволюционной.

В последующие годы собрания этой организации повторялись вплоть до 1927 года, причем открывал их А.Е. Снесарев, который в своих выступлениях проводил мысль, высказанную Брусиловым»⁷².

На допросе 2 января 1931 г. Надежный заявил: «По тем суждениям, которые высказывал Снесарев, его фигура рисовалась мне контрреволюционной, но о его контрреволюционных планах мне неизвестно. Порою и я сам, критикуя разные мероприятия советской власти, был контрреволюционер. Снесарев, зная мои политические настроения из тех разговоров, которые мы вели, мог считать меня своим человеком, своим единомышленником»⁷³. С.С. Ивановский, также арестованный по делу «Весна», показал, что Снесарев высказывался о возможности интервенции⁷⁴.

Похожие показания дал 5–6 января 1931 г. В.В. Сергеев: «Общая ставка делалась на неизбежность столкновения Советов с капиталистическими странами — интервенцией. Снесарев определенно высказывал мне свой взгляд о вероятности такого столкновения на грани 1928/1929 годов и неминуемое поражение советской власти. Это подкреплялось наличием ряда экономических затруднений Союза, неверием в боеспособность Красной армии, наличием остатков капиталистических элементов и технической интеллигенции в стране, в массе все еще настроенной антисоветски; из всего этого ставка на неизбежность внутреннего восстания при интервенции».

⁷² Там же. Т. 37. Л. 12.

⁷³ Там же. Т. 96 (74). Л. 8.

⁷⁴ Там же. Т. 26. Л. 3.

Все мероприятия советской власти встречались нами критически, по выражению одного из идеологов — Снесарева, как утопические эксперименты, долженствующие привести, безусловно, Россию к гибели. Особенной нервности это достигло в период обострения классовой борьбы и перехода советской власти к ликвидации остатков капиталистических элементов в стране.

Удачам советской власти на ее внешних и внутренних фронтах мы, в большинстве все время сидящие в кабинетах, никуда не выезжая и лично ничего не видя, не верили; распространяли слухи о преувеличениях, особенно газетных данных и официальных брошюр.

Неудачам Союза на тех же фронтах и, особенно, разногласиям внутри партии злорадно радовались и их раздували.

Одним из таких теоретических идеологов вышеприведенных взглядов среди старого Генштаба являлся бывший генерал Снесарев, от которого я лично слышал эти установки и квартира которого, безусловно, являлась одним из наших политических центров.

Исходя из вышеизложенного, весь кадр старого Генштаба, находящийся на сегодняшний день в Союзе, разделит бы на три категории. Первая — к которой я отношу отдельные единицы старого Генштаба, идейно перешедшие на сторону советской власти и полностью идущие в ее рядах. Вторая — “попутчики” — небольшая группа, служащая Советам — вроде Лебедева П.П., Шиловского Е.А., Кука, Перемыткова, Межевинова, Варфоломеева и других.

Лиц обоих этих групп Снесарев называл фиолетовыми. Третья — вся остальная масса, “активисты”, враждебно относящиеся к советской власти и стремящиеся вредить ей при всяком удобном и неудобном случае. Последняя группа в определенные моменты политической жизни Союза выделяла кадры во вредительские организации, объединяясь на вышеизложенных идеологических установках с другими невоенными подобными элементами»⁷⁵.

Е.М. Голубинцев отметил, что Снесарев интересовался настроениями казачества⁷⁶. А.Д. Тарановский, вспоминая разговоры 192–1924 гг., показал 10 января 1931 г., что со Снесаревым обсуждал поправление политики РКП(б), отступление в сторону капиталистического хозяйства в период НЭПа, продолжавшееся недоверие к военспецам, неудовлетворенность положения и поиски выхода. Тарановский отметил:

⁷⁵ Там же. Т. 3144 (176). Л. 9–11.

⁷⁶ Там же. Т. 75 (97). Л. 20.

«Разговаривая со мной, Снесарев интересовался настроением фронта и войсковых частей, откуда я недавно вернулся и в связи с назначением меня на должность начальником (так в документе. — А.Г.) КВТ⁷⁷, сохранившимся кадром работников последнего»⁷⁸.

Н.Л. Владиславский-Крекшин заявил, что «собрания у Снесарева носили характер вечеринок, избраны были потому, что среда, которая там находилась, была одинаково культурно-мыслящей и могла понимать без распространенных толкований взгляды отдельных лиц и не выносить их наружу, ибо каждый из присутствующих — в большинстве бывш[их] офицеров, в котором заложены чувства чести и морали»⁷⁹. С.Н. Квашнин-Самарин отметил, что по субботам два раза в месяц у Снесарева играли в винт⁸⁰. Разумеется, за игрой происходили и различные разговоры.

Ряд фигурантов дали достаточно откровенные характеристики на Снесарева. Бывший генерал А.Г. Лигнау 12 апреля 1931 г. отметил, что Снесарев — «человек с большим образованием, имевший солидное научное имя не только в России, но и за рубежом. Глубоко честный, прямолинейный, твердых убеждений, откровенный, без задних мыслей, неспособный на компромиссы.

Указанные основные свойства характера находят полное отражение и в политической сущности А.Е. Снесарева, твердо исповедующего свое политическое “крedo” без колебаний, без изворотливости и с такой же прямолинейностью... Изложенные выше свойства характера А.Е. Снесарева создавали атмосферу глубокого уважения окружающих и тот авторитет, каким он пользовался всегда среди своих товарищей и подчиненных»⁸¹. При этом Лигнау охарактеризовал Снесарева как монархиста.

Военный специалист РККА, бывший начальник штаба Отдельной Уральской армии белых генерал В.И. Моторный показал: «Я помню, например, как на квартире у Снесарева, в довольно большом обществе, примерно в 1924 г., я рассказывал о своем участии в Гражданской войне на стороне белых, причем часть тех фактов, которые я в свое время скрыл перед следственными властями ОГПУ, здесь я откровенно излагал. Мне и в голову не приходила мысль о возможном доносе. Та же мысль, очевидно, отсутствовала и у Снесарева, предложившего мне, ввиду боль-

⁷⁷ КВТ — Корпус военных топографов.

⁷⁸ ГАСБУ. Ф. 6. Д. 67093-ФП. Т. 187 (248). Л. 5.

⁷⁹ Там же. Т. 80 (102). Л. 20 об.

⁸⁰ Там же. Т. 182 (243). Л. 6.

⁸¹ Там же. Т. 59. Л. 46.

шого интереса, вызванного рассказом, изложить все это на бумаге. На предложение я ответил отказом, который мотивировал опасением, что при возможном у меня, как у быв[шего] белого, обыске записанное может быть отобрано и послужит уликой. Со своей стороны, Снесарев сказал, что можно по мере накопления написанного материала постепенно сдавать этот материал ему на хранение. У себя он обыска не ждал»⁸².

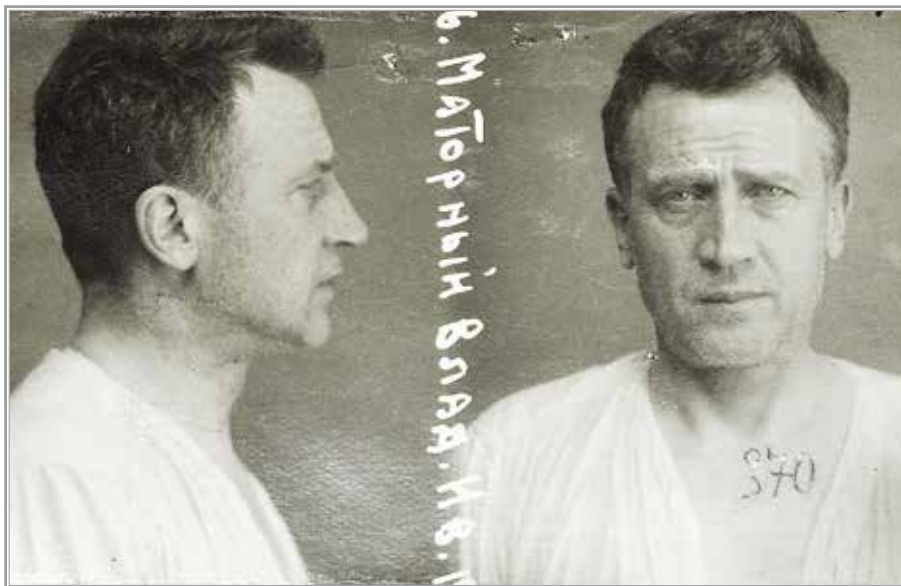
О том, что все дело являлось фальсификацией, свидетельствуют сходство дел РНС и «Весна», противоречивость полученных следствием показаний, регулярные подчистки и изменения этих показаний в нужном следствию направлении, отсутствие каких-либо вещественных доказательств, а также то, что ряд упоминавшихся в показаниях лиц избежали ареста (С.С. Каменев, М.Н. Тухачевский, Б.М. Шапошников) или были быстро освобождены (М.Д. Бонч-Бруевич). Об этом же свидетельствует и характер следственных материалов, когда в качестве новых протоколов допросов представлялись по-новому скомпонованные и дополненные фрагменты прежних допросов. Руководителями контрреволюционной организации одни называли Снесарева и Лигнау, другие — Снесарева и Брусилова, третьи — Снесарева и Лукирского, четвертые добавляли Верховского и Свечина. Различались и датировки существования организации — с 1918 г., с 1920 г., с 1923 или 1924 г. Доходило до откровенно абсурдных признаний. Так, бывший генерал Лигнау показал, что подпольщики планировали установить военную диктатуру Снесарева, а в качестве губернаторов назначить бывших офицеров-генштабистов⁸³.

Одни из самых подробных показаний Снесарева датированы 19 января 1931 г. Частично в них повторялось то, что он сообщал ранее, но с дополнениями и уточнениями, призванными придать стройность всей вымышленной структуре. Допрос следователем Перлиным начался с исторической справки, а завершился рассказом об организации. И если сведения о последней представляются вымыслом, то исторические наблюдения Снесарева, хотя и написанные, видимо, под диктовку следователя (например, рассуждения Снесарева об офицерах Генштаба с указанием на *их*, а не на *наше* мышление), отчасти соответствуют действительности.

«Разложение царской армии весной 1917 г. дало офицерам русского Генерального штаба категорическое указание, что старый государственный порядок лишается своей последней и единственной опоры и что

⁸² Там же. Т. 141 (195). Л. 165 об.

⁸³ Там же. Т. 59. Л. 90.

Владимир Иванович Моторный. ГАСБУ

часы его бытия сочтены. Их (sic! — А.Г.) военное мышление не могло представить дело в каком-либо ином свете, оно же им говорило, что восстанавливать разрушенное здание теперь уже поздно, и что этот момент нужно ловить в каком-то пока туманном будущем.

Гражданская война (1917—1920) явилась тем периодом, в течение которого на советскую территорию перешло подавляющее большинство лиц старого Генерального штаба — развивающаяся на наших глазах Гражданская война являла собой картину трудной и часто колеблющейся борьбы двух политических сил: восходящей новой и слегка подмалеванной старой; последняя поддерживалась всем капиталистическим миром Запада. При таком соотношении сил победительницей все же вышла, в конце концов, советская власть. Почему мы, старые генштабисты, в преобладающем числе обратились к этой именно власти[?] За исключением очень редких единиц, которые пророчески усматривали в новой власти гарантию сохранности бывшего государственного достоинства, большинство несомненно шло под влиянием растерянности, трудности покинуть свою страну и свои семьи и боязни не найти кусок хлеба вне родины. Все эти мотивы при всем их реализме и властности, конечно, были недостаточны, чтобы уничтожить или хотя бы даже значительно изменить в нас то миропонимание и те стремления, которыми мы долго жили до данного исторического момента и, если старые наши убеждения временно замолкли, то они были лишь затаены, скрыты поневоле, чтобы тем ярче оживиться при первом благоприятном случае.

И последнее было тем более естественно, что мы слишком много теряли в прошлом и не имели права ожидать в будущем чего-либо и приблизительно эквивалентного. До революции служебная дорога Генерального штаба полна была привилегий и блеска: мы — “мозг армии”, мы — постоянные начальники, распоряжавшиеся массами, которые будут численно расти с ростом наших чинов, мы — материально хорошо обставленные люди, многие из нас к закату своей политической карьеры будут первыми людьми в своей стране... министры, генерал-губернаторы. В пролетарской же стране нас ожидала выровненная со всеми дорогами труда, без блеска и почестей, с уравненным и скромным достоянием за содеянную работу.

Отдельные единицы из наиболее сильных и фанатичных генштабистов перешли под советскую власть с сознательной целью подрывать эту власть изнутри, изучив с близкого расстояния ее слабые стороны и используя удачные моменты.

Мы, офицеры Генерального штаба, оставшиеся после Гражданской войны на советской территории, вольно или невольно были захвачены бурным строительством новой жизни; большинство из нас оказалось на командных высотах, и в материальном отношении мы были поставлены настолько высоко, что не переживали особо резкого социального и материального понижения. Конечно, это временное благополучие, все же не лишенное материальных уцербов, а, главное, с малонадежными перспективами в будущем, не могло затемнить нашего политического сознания, так как теперь мы все-таки были пасынками по сравнению с ролью баловней в прошлом, почему старые воззрения и надежды в нас уснуть не могли»⁸⁴.

Если верить этим показаниям, в среде служивших в РККА бывших офицеров на фоне свертывания НЭПа и внутрипартийной борьбы активизировалось обсуждение возможных действий в случае падения большевистского режима. В суть течений внутри ВКП(б) военспецы не вникали, воспринимая начавшееся брожение как слабость властной группировки. Сильное влияние на настроения «бывших» оказала опала Л.Д. Троцкого, ранее сотрудничавшего с ними и благосклонно относившегося к некоторым генштабистам. На отрицательные настроения влияли начавшаяся коллективизация, недовольство населения в СССР, ухудшение снабжения. Отмечались перемены на международной арене, угроза внешнего вмешательства. Все это укрепляло мысли о непрочно-

⁸⁴ ЦА ФСБ. Д. Р-40164. Т. 4а. Л. 165—167.

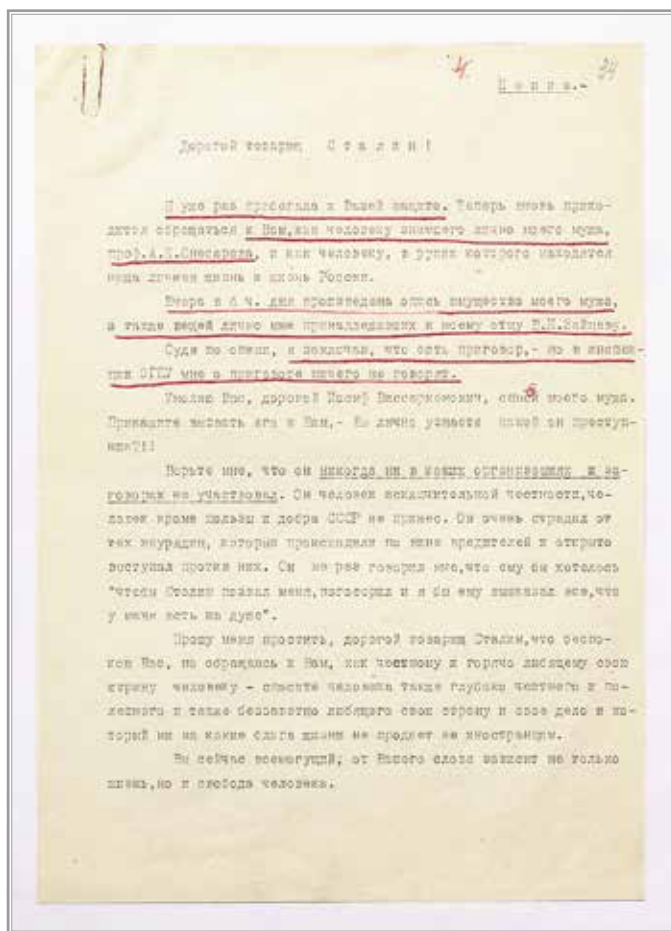
сти большевиков. На этом фоне, согласно показаниям, возникла идея объединения генштабистов старой школы и перестраховки на случай возможных перемен.

Видную роль в сплочении офицеров в первой половине 1920-х гг. играл генерал А.А. Брусиллов. Его воззвание к офицерству 1920 г. послужило импульсом к последующему объединению «бывших» в советских условиях. Впрочем, Снесарев не прокомментировал хронологические нестыковки — свертывание НЭПа произошло уже после смерти Брусиллова, последовавшей в марте 1926 г. Якобы именно Брусиллов, ездивший на лечение в Чехословакию, узнал и сообщил товарищам в СССР, что в среде военной эмиграции никакого предубеждения против военспецов нет, что давало надежду на возможность взаимодействия в будущем. Центром организации была Москва, где концентрировались кадры старого Генштаба. Оформление группы единомышленников в организацию, по тем же материалам, произошло в 1927 г.

Далее в показаниях излагалась организационная структура объединения. Снесарев привел расширенный список членов организации. Члены объединения были убеждены в падении советской власти. Якобы в этих целях они пытались искать сторонников, влиять на общественное мнение, вести подрывную работу в Красной армии и т.д. Особое внимание обращали на казачество как потенциально контрреволюционный элемент.

Отдельные фрагменты этой части показаний вызывают доверие. Например, оценка менталитета бывших офицеров: «Политико-экономическая обстановка страны за года 1921—27 помогала сама собою наращению враждебных чувств к советской власти среди старых военспецов, а одинаковость исходных убеждений делала связь между ними более, чем естественной, но нельзя упускать из виду, что бывшие офицеры были разбросаны на безграничных пространствах нашей территории, да и те из них, которые ступились в Москве, были скрыты (среди них даже бывшие офицеры Генер[ального] штаба) под различной маской всевозможных профессий, ничего общего с военным делом не имевших, кроме того, многие из бывших офицеров были без мест, пришиблены жизнью, некоторые давно пали духом, вовсе изверившись, многие были в большой нужде»⁸⁵. Якобы участники организации могли помогать друг другу в кадровых и материальных вопросах. Так, генштабист Суворов мог влиять на подбор преподавателей военно-учебных заведений.

⁸⁵ Там же. Л. 180—180 об.

Копия письма Е.В. Снесаревой И.В. Сталину. Январь 1931 г. РГАСПИ

В начале 1931 г. семье стало известно о новом приговоре Снесареву. Как вспоминала дочь Андрея Евгеньевича, «мама снова металась между прокуратурой и приемной, снова с кем-то встречалась, писала заявления, письма, слала телеграммы»⁸⁶. Тогда или ранее супруга Снесарева отправила телеграмму И.В. Сталину: «Прошу приостановить приговор мужу проф. Снесареву, лично Вам известному. Подробности письмом. Снесарева»⁸⁷. Возможно, это повлияло на решение.

Усилия супруги Снесарева, по-видимому, принесли результат. В ноябре 1989 г. в Лондоне на аукционе Сотбис была продана подлинная записка И.В. Сталина К.Е. Ворошилову со следующим текстом: «Клим! Думаю, что можно было бы заменить Снесареву высшую меру 10-ю го-

⁸⁶ Снесарева Е.А. Биография А.Е. Снесарева. Рукопись // Архив семьи Снесаревых.

⁸⁷ Там же.

Клими!
 Думаю, что
 можно было бы
 заменить Сне
 сареву в качестве
 меры 10-тью 10-
 фаски.
 И Сталин

Записка И.В. Сталина К.Е. Ворошилову

дами. И. Сталин»⁸⁸. К сожалению, точная дата этой записки неизвестна, как и то, каким образом и откуда документ попал в Великобританию. Со Снесаревым Сталин работал еще в 1918 г. в Царицыне. Разумеется, в 1930-е гг. ни заслуги, ни способности не играли никакой роли в судьбе человека. Тем не менее 8 января 1931 г. приговор Снесареву и Озерову был аннулирован, затем 13 января был вынесен новый расстрельный приговор, но расстрел заменили десятью годами концлагеря, что нашло отражение в постановлении Коллегии ОГПУ от 13 января 1931 г. Снесарев был осужден по статьям 58-4, 58-8, 58-11 Уголовного кодекса РСФСР⁸⁹. Семья бывшего генерала подлежала высылке из Москвы, а имущество — конфискации.

22 января супруга Снесарева отправила письмо Сталину с просьбой оставить мужа отбывать срок в Москве, не высылать семью, отменить конфискацию имущества: «Дорогой товарищ Сталин! Я уже раз

⁸⁸ Афганские уроки: Выводы для будущего в свете идейного наследия А.Е. Снесарева. М., 2003. С. 408. Факсимиле документа опубликовано на вклейке той же книги. Вместе с запиской были проданы еще одна записка Сталина Ворошилову, телеграмма Ворошилова Сталину по поводу Снесарева, телеграмма супруги Снесарева Ворошилову, а также восемь фотографий Снесарева.

⁸⁹ ГАСБУ. Ф. 6. Д. 67093-ФП. Т. 67 (88). Л. 82.

прибегала к Вашей защите. Теперь вновь приходится обращаться к Вам как [к] человеку, знавшему лично моего мужа, проф. А.Е. Снесарева и как [к] человеку, в руках которого находятся наша личная жизнь и жизнь России.

Вчера в 4 ч. дня произведена опись имущества моего мужа, а также вещей, лично мне принадлежавших и моему отцу В.Н. Зайцеву.

Судя по описи, я заключаю, что есть приговор, но в инспекции ОГПУ мне о приговоре ничего не говорят.

Умоляю Вас, дорогой Иосиф Виссарионович, спасти моего мужа. Прикажите вызвать его к Вам — Вы лично узнаете, какой он преступник?!!

Верьте мне, что он никогда ни в каких организациях и заговорах не участвовал. Он человек исключительной честности, человек, кроме пользы и добра, СССР [ничего] не принес. Он очень страдал от тех неурядиц, которые происходили по вине вредителей и открыто выступал против них. Он не раз говорил мне, что ему бы хотелось, “чтобы Сталин позвал меня, поговорил, и я бы ему высказал все, что у меня есть на душе”.

Прошу меня простить, дорогой товарищ Сталин, что беспокою Вас, но обращаюсь к Вам как [к] честному и горячо любящему свою страну человеку — спасите человека, так же глубоко честного и полезного и так же беззаветно любящего свою страну и свое дело и который ни за какие блага жизни не продает⁹⁰ ее иностранцам.

Вы сейчас всемогущий; от Вашего слова зависит не только жизнь, но и свобода человека.

Спасите нам отца и мужа — поручкой его служит вся его огромная семья, которую, лишая отца, еще отнимают имущество и библиотеку, которая необходима сыну — студенту института востоковедения для его работ по Востоку.

Своим человеколюбием Вы еще больше приобретете себе друзей.

Прошу простить измученную жену и мать шести детей.

Благодарная Вам до конца жизни Е. Снесарева.

П.С. Знаю, что Вы слишком заняты, но уделите минуту и сегодня же примите меры⁹¹.

⁹⁰ Так в машинописной копии. В оригинале, вероятно, «не продает».

⁹¹ Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ). Ф. 558. Оп. 11. Д. 850. Л. 34–35. Явные ошибки исправлены без оговорок. Сохранены авторские подчеркивания. Документ доступен на сайте «Документы советской эпохи» sovdoc.rusarchives.ru.

Письмо содержало едва ли не требования к Сталину незамедлительно принять меры, а также указания на то, что от решений вождя зависели судьбы людей, что подчеркивало неправомерный характер судебной системы СССР.

На следующий день (впрочем, на самом письме дата та же — 22 января) последовало новое письмо: «Дорогой товарищ Сталин!

Вчера я Вам написала письмо, не зная еще приговора, но позднее я узнала и его.

Муж мой, проф. Снесарев, приговорен к 10 годам концлагеря, конфискации имущества и высылке всей семьи.

Иосиф Виссарионович, прошу Вас, если возможно, оставить мужа отбывать наказание здесь в Москве, дабы он мог продолжать свои научные работы — закончить четыре (здесь и далее — разрядка документа. — А.Г.) тома “Индии”, из которых один уже напечатан, а второй почему-то Госиздат не выпускает, хотя книга полностью набрана, сверстована, и проведено 4 корректуры и 5 рецензий, находящих, что труд очень ценен и необходим.

Прошу также из описанных вещей не лишать семью библиотеки мужа, по которой в данный момент работает мой больной туберкулезом сын также востоковед, в прошлом году окончивший институт востоковедения; рояля — двое очень музыкальных детей готовятся в музыкальный техникум, что им даст в будущем кусок хлеба, а также пишущей машинки, которая служит единственным средством существования семьи из 10 человек, живущих сейчас на иждивении деда 80 лет — персональника⁹², получающего 70 руб. в месяц.

Кроме этого, просила бы облегчить участь ни в чем не повинной семьи — отменой высылки, как меры излишне суровой, примененной к человеку 13 лет совершенно безупречно прослужившему и создавшему два таких учреждения как Военная академия и институт востоковедения.

В данный момент у меня 5 больных гриппом, из которых у сына 2-х лет воспаление легких, а [у] старшего туберкулез легких и горла.

Надеясь только на Вас, Иосиф Виссарионович, остаюсь горячо благодарная в ожидании Вашей защиты, а буде возможно и приеме меня лично Вами. Е. Снесарева»⁹³. Так или иначе, но ни высылка, ни конфискация не состоялись.

⁹² То есть получающего персональную пенсию.

⁹³ РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 11. Д. 850. Л. 36–36 об.

Тем временем Снесарева продолжали допрашивать. 24 января состоялся новый допрос, на котором арестованный сообщил очередные нужные следователю Перлину данные. На этот раз речь шла о контактах с В.А. Ольдерогге. Позднее также проводились похожие краткие допросы с новыми показаниями на тех или иных лиц — А.И. Верховского, М.М. Катанского, Д.Н. Надежного.

2 апреля 1931 г. уполномоченный Л.М. Перлин рассмотрел дело Снесарева и нашел, что арестованный «проходит по следственному делу за № 104854 как один из активнейших организаторов военно-контрреволюционной организации б[ывших] генштабистов и что по этому делу Снесарев А.Е. ранее не привлекался»⁹⁴. Началось новое следствие, но о развитии этого, уже третьего, дела данных нет. Допросы Снесарева продолжались и весной 1931 г. Обсуждались его взгляды, сотрудничество с иностранцами и т.д. В этот период Снесарев признался, что был сторонником конституционной монархии⁹⁵.

Дело Снесарева представляется не совсем обычным не только из-за личного вмешательства Сталина, Ворошилова и других видных государственных деятелей СССР. Снесарев осуждался постановлениями Коллегии ОГПУ трижды, причем все три раза по делу РНС. В третий раз — 18 июля 1931 г. постановлением Коллегии ОГПУ по статьям 58-4, 58-7, 58-10, 58-11. Приговор был аналогичным прежнему — расстрел с заменой десятью годами лагерей. Снесарева признали виновным в том, что он якобы занимался антисоветской деятельностью, с 1920 по 1926 г. являлся одним из организаторов и активных участников контрреволюционной монархической организации «Русский национальный союз», ставившей своей целью свержение советской власти и установление в СССР монархического строя⁹⁶. После вынесения приговора арестованного перевели из Внутренней тюрьмы ОГПУ в Бутырскую тюрьму.

В материалах по делу «Весна» сохранилась копия датированного августом 1931 г. рапорта заместителя начальника Особого отдела ОГПУ Л.Б. Залина на имя заместителя председателя ОГПУ Г.Г. Ягоды: «Прошу Вашего разрешения о задержке приведения в исполнение приговора Коллегии в отношении арестованных (следственное дело № 104854) Снесарева Андрея Евгеньевича, Лукирского Сергея Георгиевича, Лиг-

⁹⁴ ЦА ФСБ. Д. Р-40164. Т. 4а. Л. 92.

⁹⁵ Там же. Л. 202.

⁹⁶ ГАСБУ. Ф. 6. Д. 67093-ФП. Т. 67 (88). Л. 82.

Пишущая машинка, спасшая семью Снесаревых от голодной смерти в период репрессий

нау Александра Георгиевича, Свечина Александра Андреевича, Балтийского Александра Алексеевича, Высоцкого Ивана Витольдовича, Владиславского-Крекшина Николая Леонидовича, Бесядовского Константина Ивановича, Базаревского Александра Халилевича, Сапожникова Николая Павловича, Сухова Василия Георгиевича, Голубинцева Евгения Матвеевича, Сегеркранца Сергея Карловича, Яковлева Ивана Федоровича, Тихоцкого Николая Львовича, т.к. указанные лица представляют собой ценных опытных военных специалистов и использование их по специальности в Москве являлось бы вполне целесообразным»⁹⁷.

26 сентября 1931 г. супруга Снесарева получила открытку из тюрьмы: «Дорогая Женюра, приходи на свидание в Бутырский изолятор 28 сентября. Приноси деньги и вещи. Целую. Андрей 22-IX-31 г.»⁹⁸.

Дочь Евгения вспоминала: «Мы были отделены от папы двумя решетками, между которыми ходили два охранника. Народу было страшно много и за той решеткой и за этой. Все кричали, папу было плохо видно и плохо слышно. Свиданье длилось 15–20 минут. Каким-то образом мы узнали, когда будет отправляться из Москвы этап, и пробрались на Октябрьский вокзал. Это было ночью на дальних путях. Мы действительно видели этап — серых людей с мешками, которых вели к поезду. Среди

⁹⁷ Там же. Т. 7. Л. 216.

⁹⁸ Снесарева Е.А. Биография А.Е. Снесарева. Рукопись // Архив семьи Снесаревых.

них был и папа, мы ему крикнули, он помахал рукой, не знаю, видел ли он нас»⁹⁹.

28 сентября 1931 г. Снесарева этапировали в Свирские лагеря, где он пробыл до октября 1934 г.¹⁰⁰ В составе этапа находились выдающийся отечественный философ А.Ф. Лосев, профессор психологии Н.В. Петровский, архиепископ Федор (Поздеевский), несколько священнослужителей. Условия этапирования были тяжелыми. Так, 3 октября этапу пришлось идти пешком 40 верст от станции Свирь¹⁰¹. Лагерные условия оказались еще суровее. Жить приходилось в палатке, даже зимой, работать сторожем, грузчиком, водоносом. Изнурительный физический труд, порой с риском для жизни, холод, голод, плохое питание, болезни, пребывание рядом с уголовниками, пьянство, воровство, грязь, вши — таковы были «своеобразные условия»¹⁰², как писал Снесарев, лагерной повседневности, с которой он вынужденно сталкивался. Так власть распоряжалась интеллектуальной элитой страны.

Привлекался Снесарев и к канцелярским работам. Занимаясь учетом работ по сплаву леса, он ездил между лагерями и лагерными пунктами. В этих поездках происходили встречи с прежними товарищами, мыкавшими лагерную долю, как и он сам — К.И. Бесядовским, Н.Л. Владиславским-Крекшиным, А.Г. Лигнау, С.К. Сегеркранцем.

В 1932 г. состоялось свидание с супругой, которая привезла домой напутствие Снесарева детям: «Дорогие мои сыночки, внимательно слушайте все, что скажет вам мама и пусть все это глубоко западет в ваши сердца. Вы уже большие, вам уже многое становится яснее, положение наше — семьи, мое, мамино, ваше — для вас теперь открытая книга. Скорее становитесь на ноги, учитесь прилежно, работайте упорно... Вы не дети генерала, путь которых был усеян розами, ваш путь должен быть усеян трудом и потом... каждый ваш шаг вперед несет мне покой и надежды... Папа»¹⁰³. Позднее к отцу приезжала дочь.

9–10 апреля 1932 г. Снесарев записал в дневнике: «Хорошо ли или дурно, но у нас осуществлен социализм, и его природу можно изучать

⁹⁹ Там же.

¹⁰⁰ Подробнее см.: *Жданова Я.А.* Свирлаг. 1931–1937. СПб., 2021; *Муравьева М.В.* Свирлаг. 1931–1937. СПб., 2021; *ее же.* Заключенные Свирлага. СПб., 2022.

¹⁰¹ *Тахо-Годи А.А.* Лосев. М., 2007. С. 168; *Стоюхина Н.Ю.* Психотехник Н.В. Петровский: открывая заново // Психология. Историко-критические обзоры и современные исследования. 2015. № 6. С. 104.

¹⁰² Лагерные дневники генерала Снесарева / Публ. П.А. Васильева // Свирьлаг и свирские новомученики в истории Русской православной церкви. СПб., 2023. С. 79.

¹⁰³ *Снесарева Е.А.* Биография А.Е. Снесарева. Рукопись // Архив семьи Снесаревых.

Николай Леонидович Владиславский-Крекшин

воочию... Мы голодны, а ведь Дуров каких только животных не приручает голодом, да еще заставляет представлять самые невероятные вещи! Мы страшно все тоскуем по семьям и за лишнюю весть домой мы готовы многим поступиться»¹⁰⁴. 1 мая 1932 г. Снесарев с грустью отметил, что уже третью Пасху встречает вне семьи¹⁰⁵.

Несмотря на свалившиеся на него испытания, Андрей Евгеньевич внимательно наблюдал за окружающей действительностью и размышлял о будущем страны. 14 апреля он записал: «Виденное в деревне (беднота, пьянство, ругань, дикие порядки, ведущие к разору, грядущий голод) вызывало во мне чувство большой тревоги. Не накануне ли наша страна пред каким-то большим крахом или несчастьем? Даже маленький удар (война, недород) для нас теперь невыдержим»¹⁰⁶.

Интеллигентным заключенным было особенно тяжело. Снесарев отмечал, что его товарищи А.Ф. Лосев и И.И. Ульянов систематически не достаивали дежурств, «у них масса соображений, их оправдывающих, а суть в том, что они ленивы... и физически совсем не тренированы, им встать трудно, спать хочется... Вообще компания для выполнения общего дела ненадежная и опасная»¹⁰⁷. Размышляя о роли интеллиген-

¹⁰⁴ Лагерные дневники генерала Снесарева. С. 54.

¹⁰⁵ Там же. С. 65.

¹⁰⁶ Там же. С. 61.

¹⁰⁷ Там же. С. 62.

ции в пережитом им и другими, Снесарев писал 15 апреля, что «из нее (интеллигенции. — А.Г.) только дурак не совет веревок»¹⁰⁸. В то же время он понимал, что «вина лежит... на самой системе, которая мнет как жернов все, что попадает под ее жестокую тяжесть» (запись от 18 июня 1932 г.)¹⁰⁹.

«Палата наша полна урков, а оттуда шум, мат, болтовня, брань, нервность, пение, пляс... целый ад. Урку я теперь узнаю за версту, настолько он типичен. Он жесток, шумлив, нервен, по-своему самолюбив, хороший актер, циничен, грязен... Его внешность также типична: чаще небольшой рост, худоватость, неуклюжесть в корпусе и походке, какое-нибудь уродство (шрам, раскосость, безручие, безножие). Словом, физически он так же противен, как и духовно. И, прежде всего, полная аморальность и вранье. Эти люди — пустой балласт страны, они непоправимы, т.к. гнилы насквозь и давно перешли линию поправляемости. Моральная упругость их безнадежно сломана»¹¹⁰, — записал Снесарев 7 мая 1932 г. Уголовников Снесарев считал садистами с притупленной чувствительностью, страдал, видя, как те мучили лошадей: «Да он убьет отца родного, если последний ему не угодит, а бедная лошадь?»¹¹¹ Лагерная работа, по оценке Снесарева, была, во многом, бессмысленной. «Словом, настоящая туфта, а энергии, мускульной и особенно нервной, пожирается уйма, совершенно неэквивалентная добытым результатам» (запись от 3 июня 1932 г.)¹¹². Признавал он и невысокую эффективность принудительного труда. 9 сентября в дневнике отмечено, что из лагеря «рискует выйти не воспитательный аппарат, а пожирающая и преждевременно исчерпывающая людей машина»¹¹³.

На страницах лагерного дневника Снесарева немало надежд на улучшение отношения к старым специалистам, на освобождение ученых и т.д., оказывавшихся в итоге необоснованными.

Бывшие офицеры, вообще интеллигентные заключенные инстинктивно тянулись друг к другу. За арестованными следили. Меморандум по делу о бывшем белом и кадровом офицерстве Свирлага по данным к 25 января 1932 г. содержал данные об оценке Снесаревым текущих международных событий. Секретный осведомитель «Кооператор» со-

¹⁰⁸ Там же.

¹⁰⁹ Там же. С. 73.

¹¹⁰ Там же. С. 67.

¹¹¹ Там же. С. 68.

¹¹² Там же. С. 72.

¹¹³ Там же. С. 87.

общал, что делопроизводитель лазарета отдельного лагерного пункта Важино Снесарев в беседе с заведующим лазаретом врачом И.П. Клиницким и «Кооператором» обсуждал дальневосточные события. Говорили, что Япония готовится к войне против СССР, планируя захватить территории до Байкала, а весной наступит развязка. Говорили о неустойчивом положении СССР и о том, что в случае войны с Японией СССР не устоит. Связывали это и с поддержкой японцев со стороны ведущих держав — Франции, Италии и других, а также с техническим превосходством японской армии¹¹⁴.

Осведомитель «Александров» отмечал, что Снесарев в последнее время часто беседовал с бывшим офицером В.М. Фришем на политические темы¹¹⁵.

В меморандуме к 13 февраля 1932 г. агент «Бельский» отмечал, что 21 января Снесарев имел свидание с приехавшей из Москвы супругой. Присутствовавший при этом заключенный А. Полушкин рассказал, что Снесареву привезли чертежи, рукописи, книгу, присланную из-за границы, и много чистой бумаги для каких-то работ. Снесарев просил супругу побывать в Москве на приеме у некоего влиятельного лица из военных кругов, а также разыскать в архиве справки о службе Снесарева в старой армии. Отмечалось, что Снесарев с супругой нелегально посетили другого заключенного, бывшего генерала А.Г. Лигнау. Супруга Снесарева рассказывала, что жены арестованных военных в Москве объединились и поддерживали связь, осведомляя друг друга обо всех мелочах, касавшихся лагерной жизни их мужей¹¹⁶.

Когда 7 февраля 1932 г. в лагерь приехала супруга арестованного бывшего генерала А.А. Балтийского, лагерная администрация смогла выяснить, что супруга Снесарева привезла в Москву много нелегальных писем.

По итогам этих событий заместителем начальника информационно-следственного отдела управления Свирлага Савичем-Бунимовичем предписывалось усилить наблюдение за Снесаревым, свидания разрешать только на общих основаниях, перед свиданиями и после них требовалось проводить тщательные обыски.

Сводка к 22 марта содержала сообщение осведомителя «Августа» о том, что А.Г. Лигнау беседовал с другим заключенным, сообщив тому,

¹¹⁴ ГАСБУ. Ф. 6. Д. 67093-ФП. Т. 3276. Л. 23.

¹¹⁵ Там же. Л. 24.

¹¹⁶ Там же. Л. 39—40.

что на Снесарева за год до дела «Весна» было заведено отдельное дело по связи с профессурой гражданских вузов. Лигнау предполагал, что это дело могло быть реальным¹¹⁷. Сводка к 26 марта зафиксировала беседу Снесарева с Лигнау о том, когда ожидается прибытие супруги последнего. Снесарев попросил разрешения навестить супругов Лигнау, на что получил согласие¹¹⁸.

Жизнь Снесарева в Свирлаге в качестве канцелярского служащего постепенно обустроилась. Ощутимым подспорьем были посылки из дома. Супруга отправляла ему сухари, масло, мед, яблоки и даже красную икру¹¹⁹. В августе 1932 г. находившимся в лагерях работникам умственного труда было предложено вести литературную и научно-исследовательскую работу. Понятно, что возможности для этого были ограничены. Снесарев выразил желание подготовить вторую и третью части книги «Индия. Страна и народ»¹²⁰ (в лагерных дневниках он не раз обращался к опыту этой страны), мемуарно-исследовательский труд «Во главе двух дивизий», а также «Очерки современной стратегии» и «Курс современной стратегии». Однако осуществить задуманное не удалось.

Уже осенью 1932 г. Снесарева перевели в Соловецкий лагерь, где ученому пришлось красить деревянные фигурки, трудиться в полировочном цеху, служить банщиком, таскать по 40–50 ведер воды, колоть дрова, работать грузчиком. Беззащитные «политические» подвергались периодическим грабежам со стороны уголовников. После обращения супруги Снесарева в прокуратуру Андрея Евгеньевича перевели на материк в Кемь — в лагерный пункт Вегеракша, где приходилось быть разнорабочим, банщиком, подносчиком. Позднее он смог заняться более близким к своей специальности трудом — вел занятия по математике и экономической географии, читал лекции о странах Востока, работал библиотекарем.

В 1933 г. у Снесарева начались проблемы со здоровьем, усугубившиеся в 1934 г. Случился инсульт. Удалось добиться перевода в больницу им.

¹¹⁷ Там же. Л. 136.

¹¹⁸ Там же. Л. 133.

¹¹⁹ Лагерные дневники генерала Снесарева. С. 81.

¹²⁰ Первая часть — «Физическая Индия» была издана в 1926 г., к 1929 г. была подготовлена вторая часть — «Этнографическая Индия», за которыми должны были следовать «Экономическая Индия» и «Военно-политическая Индия», однако грандиозный замысел реализовать не удалось (Снесарев А.Е. Этнографическая Индия. М., 1981. С. 3).

А.Е. Снесарев после освобождения. 3 января 1935 г. Последний прижизненный портрет, выполненный сыном Александром

Гааза в Ленинграде, а 27 сентября 1934 г. Снесарев был условно-досрочно освобожден и через месяц вернулся домой. Пребывание в местах лишения свободы подорвало здоровье уже немолодого ученого, через три года, 4 декабря 1937 г., Снесарев скончался. Похоронен он в Москве на Ваганьковском кладбище.

В 1957 г. в связи с заявлением семьи о посмертной реабилитации Снесарева дело подверглось дополнительной проверке. В качестве свидетелей в июле 1957 г. были допрошены знавшие Снесарева лица: генерал-лейтенант запаса, член партии с 1918 г. А.И. Тодорский, генерал-лейтенант в отставке, член партии с 1928 г. Я.П. Дзенит, полковник запаса Ф.П. Никонов, член-корреспондент Академии наук СССР А.А. Губер, профессор Е.В. Агокас и другие. По итогам проверки был сделан вывод о необоснованности осуждения Снесарева.

Ф.П. Никонов показал, что «об аресте Снесарева и его преступной деятельности мне ничего не известно. Лично я по его делу не допрашивался... Личные впечатления о Снесареве: человек знающий военное дело, с большой эрудицией, лекции читал добросовестно; его лекции вызывали интерес слушателей.

В моем присутствии Снесарев никаких антисоветских высказываний не допускал»¹²¹.

¹²¹ ЦА ФСБ. Д. Р-40164. Т. 4а. Л. 262–263. Предоставлено семьей Снесаревых.

Я.П. Дзенин на допросе 16 июля 1957 г. сообщил, что знал Снесарева «как хорошего военного специалиста, хорошего организатора, как начальника академии, исключительно культурного человека.

Снесарев пользовался большим авторитетом среди руководящего состава советского гос[ударст]ва и Красной армии, пользовался авторитетом и любовью среди слушателей.

Был очень хорошим воспитателем, как военным, так и общественным.

Не знал и никогда не предполагал и не представляю себе, чтобы он был антисоветским человеком. Всегда его отношение к советской власти было положительным, никаких антисоветских высказываний Снесарев в моем присутствии не допускал, и об этом не говорили другие люди»¹²².

Положительный отзыв дал и бывший секретарь партийной организации Института востоковедения Г.А. Шмидт, учившийся там в 1928—1930 гг.: «В эти годы я был старостой кружка по изучению Индии и дважды избирался секретарем парторганизации института.

Я и другие студенты-коммунисты были убеждены в том, что Снесарев А.Е. был честным патриотом нашей родины, полностью сроднившимся с нашим строем.

Снесарев А.Е. пользовался заслуженным авторитетом и у лучшей части профессорско-преподавательского состава. В те годы А.Е. Снесарев преподавал географию Индии и руководил военным обучением студентов»¹²³. В том же духе были и остальные отзывы. Компрометирующих Снесарева сведений в архивах обнаружено не было. Проверка установила, что Снесарев был осужден необоснованно.

По протесту Главной военной прокуратуры определением № 4н-012751/57 Военной коллегии Верховного суда СССР от 28 января 1958 г. постановления Коллегии ОГПУ от 13 января и 18 июля 1931 г. в отношении Снесарева были отменены, а дело прекращено по пункту 5 статьи 4 Уголовно-процессуального кодекса РСФСР за отсутствием состава преступления. Судя по всему, именно в связи с процессом реабилитации Снесарева его дело так и осталось в Москве, тогда как массив других архивно-следственных дел по процессу «Весна» с осени 1957 г. передавался в Киев.

В результате ареста выдающийся военный ученый и педагог на несколько лет был оторван от возможности плодотворно работать по спе-

¹²² Там же. Л. 261. Предоставлено семьей Снесаревых.

¹²³ Там же. Л. 275.

циальности и подорвал свое здоровье, что привело к смерти. Был приостановлен выпуск уже набранного и откорректированного труда Снесарева «Этнографическая Индия», а набор книги рассыпан.

Арест главы семьи пагубно сказался и на его родных и близких. Сын Снесарева Кирилл, востоковед, болел туберкулезом. В период ареста отца он был вынужден уехать в Сталинабад (Душанбе), где болезнь вследствие отсутствия должной медицинской помощи обострилась. Вернувшись в Москву, он умер 25 июля 1931 г. В 1932 г. скончался тесть Снесарева бывший генерал В.Н. Зайцев. В период ареста отца скончался и другой сын Снесарева Евгений.

Снесарев писал теще О.А. Зайцевой: «Горя так много, что хочется замолчать хоть одно из них; чтобы не задавить слишком человеческое сознание... Прими, дорогая мама, мои соболезнования по поводу нашей общей и тяжелой потери, будь бодра и ищи утешение в том молодом поколении, которое, будем верить, увидит более светлые дни... Дедушка покинул нас не только в тяжелые минуты нашей общей семейной жизни, но и, вообще, в очень сложные моменты жизни и родины, и, пожалуй, всего мира... Твой сын, живущий под небом севера»¹²⁴.

История ареста Снесарева отличалась рядом особенностей. Речь шла о центральной фигуре сразу двух контрреволюционных организаций. Будучи арестован по одному делу (РНС), Снесарев продолжил проходить в местах заключения по другому делу («Весна»). Из одного дела было сформировано два, имевших много общего между собой (единое руководство в лице Брусилова и Снесарева, похожие способы взаимодействия в виде собраний георгиевских кавалеров). При этом человек, представленный следствием в качестве главы этих двух организаций, расстрелян не был, в отличие от целого ряда менее значимых фигурантов. Следствие в тот период носило обвинительный характер и, по-видимому, несколько месяцев с августа 1930 г. по январь 1931 г. Снесарев находился под отложенным расстрельным приговором по делу РНС, что использовалось для получения от него нужных показаний уже по делу «Весна». Для освобождения арестованного семьей были мобилизованы все имевшиеся связи, супруга ученого обращалась к первым лицам СССР с просьбами о помощи, причем смогла добиться ответной реакции. Личное вмешательство Сталина, которое привело к тому, что Снесареву сохранили жизнь, произошло, по-видимому, именно вследствие таких обращений.

¹²⁴ Снесарева Е.А. Биография А.Е. Снесарева. Рукопись // Архив семьи Снесаревых.

Арест и пребывание в тюрьмах и лагерях стали тяжелым испытанием для уже немолодого ученого, подорвали его здоровье и ускорили уход из жизни. Арест вредил не только самому арестованному, но и широкому кругу его близких. Навредил он и подготовке командных кадров РККА, и советской военной науке, поскольку выключил из активной научной деятельности крупного военного ученого, значимые труды которого по ряду вопросов остались ненаписанными. То же самое относится к арестам А.А. Свечина и других военных ученых. И все же по итогам этого первого массового дела против военных многие из арестованных вышли на свободу.

Ко второй половине 1930-х гг. политика и практика репрессий заметно ужесточились. И хотя Снесарев умер своей смертью, в результате организованного властями СССР Большого террора оказалась физически истреблена целая плеяда высококвалифицированных специалистов, крупных военных ученых старой школы, к которой он принадлежал. Подобная государственная политика являлась преступной, нанесшей невосполнимый ущерб стране и обществу, чудовищной по своим последствиям.

References

1. Afganskie uroki: Vyvody dlja budushhego v svete idejnogo nasledija A.E. Snesareva [Afghan lessons: Conclusions for the future in the light of the ideological legacy of A.E. Snesarev]. M.: Russkij put', 2003. 896 s.
2. *Budakov V.V.* General Snesarev na poljah vojny i mira [General Snesarev on the fields of war and peace]. M.: Veche, 2014. 512 s.
3. *Ganin A.V.* Arhivno-sledstvennoe delo voennogo uchenogo A.A. Svechina. 1931–1932 gg. [Archival and investigative case of military scientist A.A. Svechin. 1931–1932] // Vestnik arhivista. 2014. № 2 (126). S. 260–272; № 3 (127). S. 261–291.
4. *Ganin A.V.* Zagadka staroj fotografii [The mystery of old photography] // Saryj Cejhgauz. 2014. № 1 (57). S. 35–37.
5. *Ganin A.V.* «Znaju, chto slezy meshajut Vam chitat' moi stroki...» Lagernaja sud'ba komkora S.A. Pugacheva v pis'mah ego tovarishha [«I know that tears prevent you from reading my lines...» The camp fate of commander S.A. Pugachev in the letters of his comrade] // Russkij sbornik. Issledovanija po istorii Rossii. 2018. T. 25. 1937 god. S. 151–154.
6. *Ganin A.V.* «Klim!.. Mozhno bylo by zamenit' Snesarevu vysshuju meru...» Vydajushhegosja voennogo uchenogo i otca shesteryh detej sdelali glavoj voennogo zagovora v Krasnoj armii [«Klim!.. It would be possible to replace Snesarev with the highest measure...» An outstanding military scientist and father of six children was made the head of a military conspiracy in the Red Army] // Rodina. 2018. № 3. S. 122–125.
7. *Ganin A.V.* Kompleksdokumentov po delu vsesojuznoj voenno-oficerskoj kontrrevoljucionnoj organizacii «Vesna» kak istochnik po istorii russkogo oficerstva poslerevoljucionnogo perioda [A set of documents on the case of the All-Union military officer counterrevolutionary organization «The Spring» as a source on the history of Russian officers of the post-revolutionary period] // Vestnik arhivista. 2016. № 4 (136). S. 225–240.
8. *D'jakov Ju.L., Kolodnikova L.P., Bushueva T.S.* Protestnoe dvizhenie v SSSR (1922–1931 gg.). Monarhicheskie, nacionalisticheskie i kontrrevoljucionnye partii i organizacii v SSSR: ih dejatel'nost' i otnoshenija s vlast'ju (1920–1931 gg.). Po dokumentam VChK —

- OGPU [The protest movement in the USSR (1922–1931). Monarchical, nationalist and counterrevolutionary parties and organizations in the USSR: their activities and relations with the authorities (1920–1931). According to the documents of the Cheka – OGPU]. M.: Prometej, 2012. 332 s.
9. *Zhdanova Ja.A.* Svirlag. 1931–1937. SPb.: Renome, 2021. 264 s.
 10. *Zdanovich A.A.* Organy gosudarstvennoj bezopasnosti i Krasnaja armija: Dejatel'nost' organov VChK – OGPU po obespečeniju bezopasnosti RKKa (1921–1934) [State security bodies and the Red Army: The activities of the VChK – OGPU bodies to ensure the security of the Red Army (1921–1934)]. M.: Kuchkovo pole, 2008. 800 s.
 11. *Murav'eva M.J.* Zakljuchennye Svirlaga [The Prisoners of The Svirlag]. SPb.: Renome, 2022. 434 s.
 12. *Murav'eva M.V.* Svirlag. 1931–1937. SPb.: Renome, 2021. 360 s.
 13. *Onegina S.V.* Delo «Russkogo nacional'nogo sojuza» [The case of the «Russian National Union»] // Kentavr. 1994. № 6. S. 91–105.
 14. *Snesarev A.E.* Jethnograficheskaja Indija [Ethnographic India]. M.: Nauka, 1981. 279 s.
 15. *Stojubina N.Ju., Psihotehnik N.V.* Petrovskij: otkryvaja zanovo [Psychotechnik N.V. Petrovsky: rediscovering] // Psihologija. Istoriko-kriticheskie obzory i sovremennye issledovanija. 2015. № 6. S. 86–111.
 16. *Tabo-Godi A.A.* Losev. M.: Molodaja gvardija, 2007. 534 s.
 17. *Tinchenko Ja.Ju.* Golgofa russkogo oficerstva v SSSR 1930–1931 gody [Golgotha of Russian officers in the USSR. 1930–1931]. M.: Moskovskij obshhestvennyj nauchnyj fond, 2000. 496 s.
 18. *Tumshis M.A., Zolotarev V.A.* Evrei v NKVD SSSR. 1936–1938 gg. Opyt biograficheskogo slovarja [Jews in the NKVD of the USSR. 1936–1938. The experience of a biographical dictionary]. 2-e izd., ispr. i dop. M.: Universitet Dmitrija Pozharskogo, 2017. 848 s.

Ключевые слова:

репрессии 1930-х гг.; архивно-следственные дела; аресты военных; дело «Весна»; дело «PHC»; А.Е. Снесарев

Andrey V. Ganin

«There is so Much Grief...»
Military Scientist A.E. Snesev
and the Repressions of the Early 1930s

Based on documents from Russian and foreign archives, which have been introduced for the first time into scientific circulation, this article examines the course and details of the case of a prominent Russian military scientist, Lieutenant General Andrei Evgenievich Snesev (1865–1937). In the early 1930s, Snesev was arrested in connection with the so-called «Russian National Union» case and later became a key defendant in the «All-Union Military Officers’ Counter-Revolutionary Organization», also known as the «Spring Case». Between the autumn of 1931 and the autumn of 1934, he was incarcerated in camps. A personal decision by Joseph Stalin commuted his death sentence. Subsequently, all charges against Snesev were dropped and his arrest and imprisonment reversed. He was fully rehabilitated, but the events surrounding his arrest and conviction continue to be a subject of historical debate. Imprisonment and time in prison and camps was a difficult experience for Snesev and significantly undermined his health, leading to his death. The arrest had a negative impact on the training of Red Army command personnel and Soviet military science, as it prevented a major military scientist from continuing his active scientific work, with his significant contributions on several issues remaining unpublished. Analysis of the investigative documents related to Snesev allows us to understand the methods used by the OGPU in fabricating conspiracies related to the Russian National Union and the «Spring» cases.

Keywords: Repressions of the 1930s; Archival Investigative Cases; Military Arrests; «The Spring» Case; the «RNS» Case; A.E. Snesev

Andrey V. Ganin – D.Sc. (History), Leading Research Fellow at the Institute of Slavic Studies, Russian Academy of Sciences (Moscow, Russia).
 andrey_ganin@mail.ru
 ORCID: 0000-0002-8602-1990. SPIN-code: 1144-9875

Ганин Андрей Владиславович

доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник
 Института славяноведения Российской академии наук
 (Москва, Россия)

ORCID: 0000-0002-8602-1990

SPIN-code: 1144-9875

andrey_ganin@mail.ru

Памятка авторам

Уважаемые авторы!

Журнал является научным, по тематике — историческим.

В редакцию журнала предоставляются три документа в отдельных файлах:

1. Статья (публикация источника, рецензия).
2. Аннотация к статье (публикации источника, рецензии).
3. Сведения об авторе.

Технические требования

Редакция журнала принимает все материалы (текст статьи, аннотацию, сведения об авторе) только в электронном виде в формате Microsoft Word (с расширением «.doc» или «.docx»), набранные шрифтом Times New Roman без автоматических переносов. В имени файлов обязательно указывается фамилия автора.

Статья

Объем статьи — от 1 до 2 авторских листов (40–80 тысяч знаков с учетом пробелов); кегль — 14, первая строка с отступом, межстрочный интервал полуторный. По согласованию с редакцией принимаются статьи и бóльшего объема. Обязательными компонентами статьи являются:

ФИО автора и заголовок статьи

О.А. Сухова

Губернаторы Поволжья и Урала в начале XX в.

Ключевые слова (после статьи указываются 4–6 понятий, терминов, имен собственных, несущих в тексте основную смысловую нагрузку)

Ключевые слова: П.А. Столыпин; И.Л. Блок; контроль за губернаторами; крестьянский террор

Сноски

Оформление сносок:

Сноски в статье следует проставлять постранично («внизу страницы»), их нумерация должна быть сквозной (например, с 1-й по 32-ю); шрифт (кегель) — 12.

Иванов И.И. История европейских стран. М., 2002. С. 14.

Иванов И.И. К вопросу о развитии европейских стран // Вопросы истории. 1999. № 2. С. 1–11.

Для иностранных изданий: *Johnson J.* The History of USA. London, 2002. P. 14.

Список литературы

1. Список использованной в статье литературы следует представить в конце статьи в романском алфавите.
2. Список литературы (References) в романском алфавите для международных баз данных, повторяет все источники литературы, независимо от того, имеются ли среди них иностранные. Если в сносках на русском есть ссылки на иностранные публикации, они полностью повторяются в списке, готовящемся в романском алфавите.
3. Транслитерируются фамилии авторов и русскоязычные названия источников. Переводятся названия статей, монографий, сборников статей, конференций.

Пример:

Кочукова Е.В., Павлова О.В., Рафтопуло Ю.Б. Система экспертных оценок в информационном обеспечении ученых // Информационное обеспечение науки. Новые технологии: Сб. науч. тр. М.: Научный Мир, 2009. С. 190–199.

Kochukova E.V., Pavlova O.V., Raftopulo Yu.B. The system of peer review in scientific information provision // *Information Support of Science. New Technologies: Collected papers* [Sistema ekspertnykh otsenok v informatsionnom obespechenii uchenykh. Informatsionnoe obespechenie nauki // *Novye tekhnologii: Sb. nauch. tr.*] Nauchnyi Mir, Moscow. P. 190–199.

4. Список литературы в латинице может готовиться с помощью систем транслитерации свободного доступа (<http://www.translit.ru>) и переводчика Google. Вручную делать транслитерацию не допускается в целях избежания ошибок.

Аннотация

Аннотация с указанием названия статьи и фамилии автора представляется в отдельном файле (.doc или .rtf).

1. Название файла: «Фамилия автора – Аннотация».
2. Объем: 1500–2000 знаков с пробелами.

Сведения об авторе

В отдельном файле (.doc или .rtf) должны содержаться:

1. Фамилия, имя, отчество автора (полностью).
2. Ученая степень, звание, должность и место работы (полное название учреждения, города, страны).
3. Контактная информация: адрес с почтовым индексом, телефоны/факсы (служебный, мобильный), e-mail.

Иллюстрации

Публикация в журнале может сопровождаться иллюстрациями.

1. Иллюстрации и фотоснимки в электронном виде высылаются отдельными файлами: формат TIFF или JPG; размер не менее 2 Мб.
2. К иллюстрации необходима подпись с описанием события, объекта и датировкой. Также следует указать привязку иллюстраций к тексту статьи в отдельном документе (.doc или .rtf).
3. Редакция оставляет за собой право подбора или замены иллюстраций к статье.

Члены редколлегии в трехмесячный срок принимают решение о публикации присланного материала.

Материалы высылаются на электронный адрес:
historical.reporter@gmail.com

ПОДПИСКА

Оформить подписку на журнал «Исторический вестник»
можно он-лайн на сайте Почты России.

www.podpiska.pochta.ru

Наш индекс – ПА772.

Материалы журнала включены в систему
Российского индекса научного цитирования.

Для заметок

Следующий номер
«Исторического вестника» будет посвящен
общеисторической тематике.

ПРОЕКТ РУНИВЕРС

Свободный доступ к материалам по отечественной истории и культуре

Тысячи дореволюционных книг и журналов

Старинные атласы с уникальными картами
российских земель и городов

Все дореволюционные военные энциклопедии

Полное собрание законов Российской империи

Собрание архивных документов

Это и многое другое вы можете найти на сайте www.runivers.ru

Книжная серия «Наглядная хронология»

Планируется выпуск следующих изданий:

От Руси к России (X–XVI века)

Рождение Российского царства

Россия в эпоху Смуты

Россия при первых Романовых

Россия при Петре Великом

Россия в эпоху дворцовых переворотов

Россия при Екатерине Великой

Россия в первой половине XIX века

Россия во второй половине XIX века

Россия в XX веке